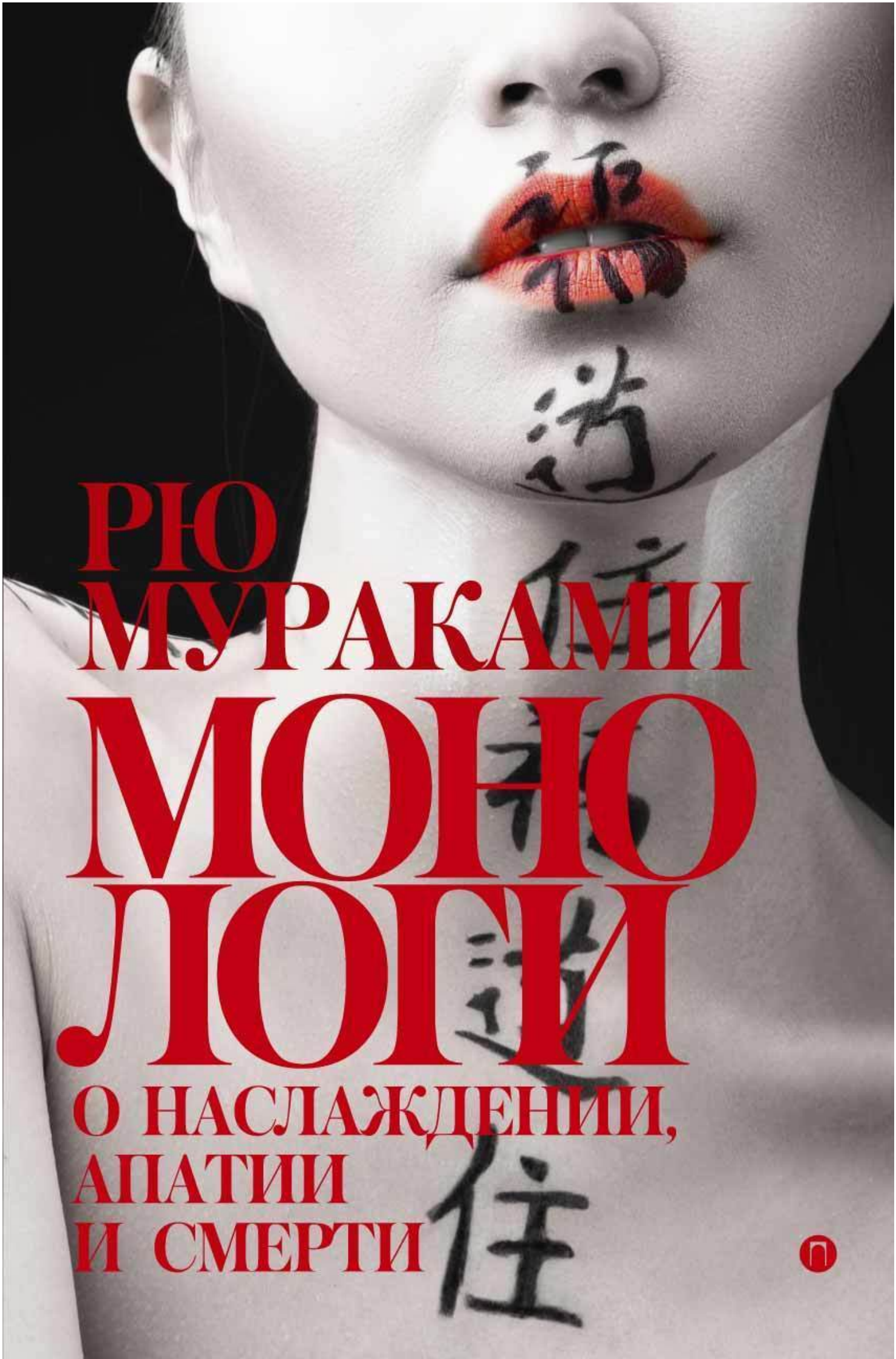

РЮ МУРАКАМИ

МОНОЛОГИ

О НАСЛАЖДЕНИИ, АПАТИИ И СМЕРТИ

Пальмира-Классика

Рю Мураками

Монологи о наслаждении, апатии и смерти (сборник)

«РИПОЛ Классик»
1993

УДК 82/89
ББК 84(5Я)6

Мураками Р.

Монологи о наслаждении, апатии и смерти (сборник) /
Р. Мураками — «РИПОЛ Классик», 1993 — (Пальмира-Классика)

ISBN 978-5-521-00828-5

«Экстаз», «Меланхолия» и «Танатос» – это трилогия, представляющая собой, по замыслу автора, «Монологи о наслаждении, апатии и смерти».

УДК 82/89
ББК 84(5Я)6

ISBN 978-5-521-00828-5

© Мураками Р., 1993
© РИПОЛ Классик, 1993

Содержание

Экстаз 6
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Рю Мураками
Монологи о наслаждении, апатии и смерти

RYU MURAKAMI
Ecstasy Melancholia Thanatos

Перевели на русский язык
Н. А. Калягина («Экстаз»), И. М. Светлов («Меланхолия», «Танатос»)

Издательство выражает благодарность литературному агентству The Wylie Agency UK (Ltd) за содействие в приобретении прав

Ecstasy
© Murakami Ryu, 1993. All rights reserved
© Калягина Н. А., перевод на русский язык, 2017 Melancholia
© Murakami Ryu, 1996. All rights reserved
© Светлов И. М„перевод на русский язык, 2017 Thanatos
© Murakami Ryu, 2001. All rights reserved
© Светлов И. М„перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

Экстаз

– А ты знаешь, почему Ван Гог отрезал себе ухо? – спросил бомж, обратившись ко мне по-японски.

Я стоял на тротуаре напротив «СБЖБ» – клуба, который одно время считался храмом музыки панк и нью-вейв. Я работал тогда ассистентом по ракурсам для серии фотографий одного певца, которого все считали уже состоявшимся артистом, нового идола подростков, для которого нам предстояло сделать афиши и снять видеоклип. Нью-Йорк, Даунтаун, квартал Бауэри.

Нью-Йорк! Мне неудержимо захотелось сразу кинуться в «СБЖБ», который был прямо напротив, и по всем остальным клубам и дискотекам города, но меня запрягли на четыре дня безостановочной работы, и за это время мне так и не удалось вырваться даже на часок. Певец был младше меня, парень лет двадцати, и единственное, что он выдал, просмотрев нашу работу с брезгливым видом, было: «Что это за фигня? Вы что, не на Тридцать пятой снимаете?» Я не видел в нем ничего гениального: и рожа и мысли – полная посредственность, однако крупная продюсерская компания, устроившая кастинг под лозунгом «Вперед в XXI век», не найдя ничего выдающегося, все же решила создать «героя» из ничего и как следует раскрутить новую звезду. Что до самого героя, то он, для того чтобы подчеркнуть, что он не имеет ничего общего с прочими идолами, которые были до него, везде таскал под мышкой Ницше, Берроуза или, скажем, Артура Кларка. На вопрос: «Ваши любимые исполнители?» – он довольно сухо отвечал: «Дилан, Лу Рид и Руиши Сакамото» – так запросто и, пожалуй, даже не подозревая о том, какой ужас охватил бы всех троих, если бы они его слышали. Словом, можно было и не обладать тонким эстетическим чутьем, чтобы понять, что в данном случае ты имел дело с жалкой подделкой, несмотря на бешеный успех, который новоявленная звезда снискала у толпы безбашенных подростков, пройдя за полгода в Японии через руки выдающегося артиста, оставшегося не у дел из-за слабой раскрутки, недостатка видеоклипов и афиш, – Нью-Йорк, одним словом. Между собой члены группы называли его «мартышкой». Не знаю, правда ли это, но на прослушивании он, кажется, сказал, что был ассистентом у дрессировщика обезьян; все долго смеялись. Мартышка сразу же зацепился за дурацкую идею клипа «Быть на обочине вместе с бомжами», и всем нам пришлось проводить дни напролет в квартале Бауэри в сопровождении двух охранников, которые шатались там, всем своим видом показывая, что не понимают, что они здесь забыли, в то время как мы щелкали фотоаппаратами и снимали клип в окружении вонючих бомжей, от которых несло перегаром.

Через четыре дня мы поняли, что есть разные бомжи. Между собой мы их делили на четыре категории: олдиз, бэби, софты и харды. Олдиз, или старики, – это самые старые, которые почти не двигались; что же до бэби, так называемых детей, то здесь дело было даже не в возрасте, а в состоянии какого-то умственного бессилия, в котором они пребывали постоянно; софты, или тихие, были самыми психологически уязвимыми, при этом самыми услужливыми и жалкими, готовыми на все ради одной монеты, в то время как харды, или тяжелые, сохраняли нечто вроде гордости, которая заставляла их оставаться в футболках с коротким рукавом даже зимой и никогда не стоять в очереди у Красного Креста за бесплатной похлебкой.

– Эй, Миясита! Выбери трех стариков и вели им смотреть в камеру, и если появится вчерашний хард, сразу предупреди охранников.

Мы пользовались этой терминологией между собой, и, естественно, именно бэби и харды доставляли нам больше всего проблем, хотя это и не значит, что, скажем, с тихими было легче справиться. Среди хардов был даже один, который не брал в рот ни капли, читал стихи из битовского периода и даже сам сочинял стихи и рисовал, организовывал демонстрации в пользу прочих бомжей, которым ему почему-то взбрело в голову помогать. Я сразу почувство-

вал некую близость к хардам и, вероятно из-за неприязни к Мартышке, некое презрение к тихим, которые сделали бы что угодно ради десятки.

А потом этот малый, которого я принял за пуэрториканца, вдруг заговорил со мной по-японски, да еще о Ван Гоге! Среди тихих этот тип был самым слабым, он делал все, что ему говорили, и, в отличие от прочих, за ним никогда не замечали, чтобы у него торчала сопля из носа или слезились глаза, вообще ничего отвратного, он был не из тех, кто вдруг, ни с того ни с сего, принимается орать, не тряс своими яйцами у всех на виду, не канючил без конца водки, и потом, именно на него решил опереться режиссер. Это произошло через пять секунд после того, как режиссер крикнул: «Мотор!» Малый только что перешел через улицу, закатывая рукава пальто, с бутылкой в руке – роль, с которой он отлично справлялся. До сих пор он ничем не обнаружил, что понимает по-японски. Он сыграл, что просили, и подошел ко мне, улыбаясь. Мы так и стояли рядом – я, поддерживая рукой отражатель, и он с бутылкой виски, время от времени поднося ее ко рту, а потом оценивая взглядом, сколько еще осталось. Когда он вдруг заговорил со мной, я так и подскочил, чуть не уронив отражатель: черт, он, оказывается, знает японский! «Чтоб тебя, о чем ты думаешь, Миясита?» Сцену надо было переснимать, и так как я не отвечал, смущенно выслушивая ругательства режиссера, малый снова спросил:

– Ну, почему Ван Гог отрезал себе ухо?

«Как это могло случиться, чтобы японец стал бомжом? Почему этот парень не заговорил по-японски раньше? Может, совсем лыка не вязал», – думал я, качая головой. И так как я ничего не отвечал, он прибавил шепотом:

– …А я думал, что ты это знаешь. – Он заржал, а потом снова пересек улицу как надо.

Каждый вечер мы ужинали в одном и том же японском ресторане, расположенном в нескольких минутах ходьбы от отеля. Холодный тофу стоил здесь четыре с полтиной, тендон, который на вкус был как жареная фанера, – все восемь. Это был мой первый приезд в Нью-Йорк, и я не мог тогда сказать, дорого это было или нет. Мартышка часто говорил за ужином. Темой сегодняшнего вечера было: японцам следует быть более открытыми как в смысле сознания, так и в смысле поведения.

– Правда, японцы, я думаю, как бы отделены от остального мира. Мы ведь, например, говорим, не особо задумываясь, о мире Мифуне, о мире Аяко или Куросавы. Именно это-то и странно! Как если бы греки вдруг заговорили о мире Ангелопулоса или Меркури! Да никогда! Как если бы итальянцы говорили о мире Пазолини или Армани. Вот в чем проблема! Именно эту манеру и надо пересмотреть.

То, что говорил Мартышка, было справедливо. Но когда он говорил, меня это раздражало. На голове у него был розово-голубой гребень, одет он был в выцветшую рубашку, какие были модны в шестидесятых, и джинсы на пару-тройку размеров больше, чем следовало бы. На ногах – мокасины, какие носил Джордж Харрисон лет тридцать назад в Ливерпуле, а рядом с собой на стол он выложил «Письма Яджа» Берроуза и Гинсберга, которые маялись между ассорти сашими и тарелкой баклажанов под соусом мизо. Словом, как ни странно, он ничем не отличался от прочих посетителей заведения, в большинстве своем японцев, осевших в Нью-Йорке. Я пока не знал Нью-Йорка, но уже любил этот город, с тех пор как посмотрел «Таксиста» или, скажем, «Полуночного ковбоя». У нашего идола здесь была своя массовка, и все, кто отирался возле него, казалось, были отлиты из одной формы типа «Я-приехал-изучать-музыкальную-комедию». Они проводили в Нью-Йорке полгода или год, прежде чем вернуться обратно в Японию. Парадокс, но что крайне раздражало Мартышку, который обожал Нью-Йорк, так это то, что ему удавалось всех их так легко провести. Вот о чем я думал каждый вечер, и в этот вечер тоже, но тут я понял, что мне так не давало покоя.

Все из-за того типа, который заговорил со мной на улице. Того, который спрашивал меня о Ван Гоге. Тот, пожалуй, напротив, Нью-Йорк не любил. Всех посетителей этого ресторана

легко можно было представить себе в этом городе: все они говорили о музыке, о джазе, живописи, недвижимости, инвестициях и, должно быть, считали себя настоящими ньюйоркцами. Но тот чудак – нет. Как вам сказать? У меня сложилось впечатление, что он как будто был отрезан от города, был за чертой, как Роберт Де Ниро в «Таксисте» или Дастин Хоффман в «Полуночном ковбое». Не знаю почему, но что-то не склеивалось, мне никак не удавалось ухватить, что же связывало его с этим городом.

Мне удалось отвязаться от Мартышки и продюсера только во втором часу ночи. Я взял такси, чтобы добраться до гостиницы. Мне хотелось только одного – снять с себя грязную одежду. Таксист был арабом. Он не знал, где находится Бауэри. Я несколько раз повторил ему адрес, пытаясь менять произношение, чтобы он понял. Его же произношение было еще хуже, чем мое, как и его английский – совсем в зачаточном состоянии.

– Откуда вы? – спросил я его.

– Из Сирии, – ответил он.

Такси как раз проезжало по Пятой авеню, из люков водостоков вырывались клубы пара. Таксист перешел на свой язык и так и разговаривал сам с собой всю дорогу.

В конце ужина Мартышка заявил, что хочет пойти в ночной клуб, и, как обычно, мы с продюсером должны были его сопровождать. Именно мы двое, каждый вечер. А между тем в съемочной группе был Мартышкин агент, продюсер мелкой видеокомпании, оператор, звукооператор, два ассистента и еще некто вроде мальчика на побегушках, предоставленного в наше распоряжение киностудией, однако каждый вечер именно нас Мартышка просил сопровождать его в ночной клуб, джаз-бар или на дискотеку. Что продюсера – это еще можно понять, он жил в Нью-Йорке уже много лет, и потом, он был в некотором роде координатором съемок, но я никак не понимал, почему он хотел, чтобы с ними везде ходил и я. Я попытался выяснить это у продюсера, улучив момент, когда Мартышка вышел в туалет одного ночного клуба, где в тот вечер давали концерт «Вива сальса».

– А я откуда знаю! – перекрывая грохот музыки, заорал продюсер, который мечтал снимать трагедию в Нью-Йорке, но соглашался на самые незначительные предложения, для того чтобы как-нибудь прожить. – Наверное, потому, что у тебя вид не такой простецкий, как у остальных. Этому парню, Мартышке, ему ведь это очень важно, как ты думаешь?

Вернувшись в отель, я спросил о том же самого Мартышку:

– Вы ведь можете выбрать и кого-нибудь другого, правда?

– Что, достало мотаться со мной? – ответил он вопросом на вопрос.

– Да нет. – Я посмотрел на него: он едва доходил мне до подбородка.

– Я умею чувствовать людей, – прибавил он, – и мне не слишком охота проводить время с другими.

А между тем не скажешь, чтобы мне очень везло: совсем недавно я уволился из исследовательского института одной крупной инвестиционной компании и вскоре попал в эту среду. Когда же меня взяли по блату в эту продюсерскую фирму – на нее тогда работало человек двадцать, – работник отдела кадров, посмотрев мое резюме, предложил сектор распределения, но мне не хотелось просиживать штаны в офисе. Однако тридцатилетнего ассистента не так-то легко куда-нибудь пристроить.

– Так вы хотите работать за границей?

– Точно, все равно где, мне бы хотелось уехать. Далеко. Я семь лет проторчал в секторе «Африка-Средний Восток-Латинская Америка», проводя все дни перед компьютером или разбирая телеграммы.

«За границей? А почему именно за границей? Что это тебе вдруг взбрело? Что, все эти дела о странах повышенного риска подействовали?» – удивился один мой приятель по универ-

ситету, когда я объявил ему, что нашел работу в продюсерской кинокомпании, так как хотел во что бы то ни стало работать за границей. Между тем я никогда не любил путешествовать. Даже не знаю почему. В сущности, не то чтобы я не любил путешествовать, но именно находиться за границей. Последние семь лет я провел, перечитывая депеши, кипами поставляемые компьютерами и телексами. До сих пор, стоило мне закрыть глаза, как тут же мой мозг напрягался и сознание наполнялось всякими информационными сообщениями, которыми я за это время напичкал себя.

Ноябрь 1986-го: события в странах повышенного риска на Ближнем Востоке. Решив свалить режим Хомейни, Массуд Раджави, главнокомандующий национальной армией освобождения Ирана, объявил, что собирается расширить партизанское движение и предвидит большие сдвиги уже через год. Министры иностранных дел Саудовской Аравии и Кувейта, желая добиться участия сирийского министра иностранных дел в посреднической миссии, призванной разрешить ирано-иракский конфликт, объявили о встрече в Дамаске. В соответствии с информацией, полученной из Бахрейна, иранские нефтяные доходы должны перестать расти и остановиться на отметке не выше триллиона двухсот миллионов риалов, бюджет понизится на триста шестнадцать процентов. Согласно информации пресс-агентства Исламской Республики Иран, самолет коммерческого рейса внутрииранских линий Тегеран – Аббаз, развалившийся прямо в воздухе, якобы был сбит иракским истребителем, проникшим на иранскую территорию. Контракт на поставки учебных самолетов и истребителей за нефть был заключен между представителями британского и саудовского правительств. Министр финансов Ирана объявил о решении правительства урезать социальные расходы на пятнадцать процентов, чтобы временно покрыть снижение доходов от нефтепродажи. На римской конференции, где собрались главные производители нефти, было решено установить фиксированные цены на необработанную нефть кувейтских государственных компаний, ликвидировав заключенные ранее контракты между Европой и Дальним Востоком. Кооперативный совет Залива от лица министра финансов и министра иностранных дел Омана призывает мелкие иностранные объединения не встревать в ситуацию в Южном Йемене. По сообщению сирийского телевидения, находящаяся у власти партия Баас опять одержала верх на выборах в Законодательное собрание, получив сто двадцать девять мест из ста девяносто пяти, то есть на десять мест больше, чем в прошлый раз; у коммунистической партии – девять мест…

Конечно, все эти сообщения не имели какого-либо исторического смысла, а лишь откладывались у меня в мозгу, как отпечатки пальцев, как нули и единицы в запоминающей системе ЭВМ. Я рассеянно думал обо всем этом, машинально доставая из кармана сигарету и закуривая, когда сирийский таксист вдруг заорал на своем невообразимом наречии, мешая английский с арабским:

– Непонятно, что ли? Не курить!

– Извините, – опешил я, выбросив горящий окурок в окно такси. «Должно быть, он не знает, что четыре года назад партия Баас взяла еще больше мест в парламенте», – подумал я. Я никак не мог понять, как этот тип попал из Сирии в Нью-Йорк. И потом, с меня было довольно. Если бы я еще задержался в этом исследовательском институте, то сейчас, вероятно, проводил бы свои ночи, разрывая на мелкие кусочки телеграммы информационных агентств, касающиеся войны в Заливе. Я уже не помнил имен всех этих премьер-министров, но уверен, что компьютер должен был вбить мне их в голову, хотя он вряд ли мог объяснить мне, почему вдруг сириец стал таксистом в Нью-Йорке.

Таксист крыл меня по-всякому до самого Бауэри.

Под наполовину погнутым металлическим знаком, отмечающим въезд в квартал Бауэри, сидел тихий бомж, японец. Он расположился на некотором расстоянии от остальной группы

бомжей, уже порядочно набравшихся, и не спеша лакал свою бутылку виски, прикладываясь к горлышку примерно раз в минуту. Он метнул на меня взгляд, который мог бы одновременно означать: «Ты не смог удержаться и не прийти!» или: «Что, так и не знаешь, а?» Я спросил, могу ли сесть рядом с ним, и он одобрительно кивнул, улыбаясь.

– Ну, что, догадался? – спросил бомж.

Я сразу понял, что он спрашивает меня насчет Ван Гога, и отвертелся, сказав, что у меня совсем не было времени над этим подумать.

– Так подумай сейчас.

Я призадумался. В самом деле, то, что я знал о Ближнем Востоке и Африке, естественно, ничем не могло мне помочь. Мне пришлось напрячься, чтобы вспомнить фильм, в котором Керк Дуглас играл Ван Гога, но это тоже ничего не дало. Я правда хотел бы ему ответить, но совершенно не знал, что. Бомжи, стоявшие и сидевшие вразвалку на противоположном тротуаре, почти не разговаривали между собой. В конце съемки я подошел с ними поздороваться, и все приветствовали меня рукопожатием, но руки у них были какие-то мягкие. Не то чтобы кости у них размягчились, но у меня осталось впечатление, что кожа на ладонях была дряблая, как кисель. На мгновение я даже испугался, что шмоток этого мяса, ладони, прилипнет к моей руке.

– Думаешь, это оттого, что он был тронутым? – опять спросил мой японец, подняв голову.

– Я в самом деле не знаю, – ответил я, вспоминая метод, которым мы пользовались, для того чтобы анализировать информацию, касающуюся стран повышенного риска. – Кроме Ван Гога полно сумасшедших, однако они не режут себе уши.

– Что ты думаешь о подобном подходе к решению проблемы? – спросил он, глотнув из бутылки. – Ты помнишь о том происшествии, пилоте японских авиалиний, который рухнул со всем базаром прямо в Токийский залив? Потом говорили, что это был стресс, но я полагаю, он страдал манией преследования. Потому что, как думаешь, что самое страшное для пилота? Точно: разбиться вместе с самолетом. Так вот, этот страх – всего лишь плод его воображения, но он не может от этого отделаться, даже когда ест или сидит на унитазе. Доведенный до предела, он решит, что ему остается один лишь выход, догадываешься какой?

Меня пробила дрожь.

– Разбиться вместе со своим самолетом.

– Точно, а там тебе уже ничего не надо. Как считаешь, может, с Ван Гогом случилось нечто вроде этого?

– Если это так, то почему он не выколол себе глаза? – спросил я.

– Очко в твою, – поздравил меня собеседник.

Затем, после некоторой паузы, я сам задал ему вопрос:

– Я хотел бы знать… могу ли я спросить, почему вы так живете? Вид у вас вполне нормальный, не скажешь, чтобы алкоголик в последней стадии или совсем конченый человек…

Он рассмеялся:

– «Я хотел бы знать, могу ли я спросить, почему…» Да ты ведь уже спросил… Вообще-то это тебя не касается; а впрочем, слушай. Знаешь, я уже, наверное, полгода так не смеялся, – прибавил он. – Это сложно понять, но я, пожалуй, попробую тебе объяснить. Вот, например, мы с тобой сейчас здесь мило беседуем, как будто даже понимаем друг друга, но предложи я тебе уйти отсюда, двинуть туда, где бухают, это место называется Коттедж, ты бы не смог пойти, и наоборот, скажи, пустят ли нас вдвоем куда-нибудь, в бар или в кафе, куда ты привык ходить? Все дело, видишь ли, в том, что мне плевать. Улавливаешь? Даже если это сложно просечь, я тебе скажу одно: мы здесь, потому что эта ваша жизнь нас утомила. Что до всего прочего, то позволь мне оставить это при себе. Ну ладно, мне пора, – сказал он, поднимаясь.

Мы пожали друг другу руки. У этого рука не была мягкая, как у остальных. Совсем уже собравшись уходить, он протянул мне клочок бумаги и сказал с загадочным видом:

– Смотри, только если будет время… Позвони по этому номеру, скажи, что от меня, и тебе дадут денег…

Когда я вернулся в отель, было три часа утра. Я переоделся в пижаму и уже чистил зубы, когда в дверь моего номера постучали. Я пошел взглянуть в глазок, кто там. За дверью стоял Мартышка.

– Ничего, если я зайду на минутку?

– У меня завтра съемка в восемь утра, – ответил я раздраженно.

– Извини. Я никак не могу уснуть.

Мартышка, казалось, был пьян и выглядел, прямо скажем, паршиво. Я предложил ему кресло. Это помещение было на удивление маленьким для одноместного номера в западном отеле, вдвоем здесь было не продохнуть.

– Немного пудры? – предложил Мартышка, сунув мне под нос маленький пакетик с белым порошком.

Я замотал головой.

– Ты против? – спросил он.

Я смотрел на него в упор, не отвечая, и лишь хотел, чтобы он побыстрее убрался из моего номера.

– А по тебе не скажешь!

Мартышка лукаво улыбнулся, и эта кривая улыбка не сходила с его лица, пока он осторожно высыпал кокаин металлической палочкой, похожей на фитиль для чистки ушей. Затем он залпом втянул носом бороздку. Мы сидели друг против друга – я на краешке кровати, Мартышка в кресле, при этом наши колени почти соприкасались – такой узкой была комната. Я хотел поразмышлять над разговором, который состоялся у нас с бомжом, и присутствие Мартышки меня раздражало. На таком близком расстоянии дикие звери уже оскалились бы.

– Что, ходил прогуляться? – спросил Мартышка, подняв голову и продолжая шмыгать носом.

Я ничего не ответил, разве только взглядом, который ясно говорил: «Не понимаю, каким боком тебя это касается». Когда Мартышка заметил этот взгляд, на его лице появилось какое-то двусмысленное выражение, нечто вроде грустной улыбки, плохо скрывавшей его смущение. Стыд и бессилие… Ему явно было не по себе в присутствии того, кто тянет из него всю энергию.

– Ты вот… – с трудом проговорил Мартышка, – за словом в карман не полезешь, сразу чувствуется, что твои слова лезут не из головы, а из кишок, со всей желчью, какая там накопилась. Ты не из завистливых, так ведь?

– Не знаю, – ответил я. – Слушай, извини, но я хочу спать. У нас завтра уйма работы, и тебе лучше вернуться к себе.

– Извини, конечно, мне не следовало досаждать тебе, – вежливо сказал он, уставившись в пол.

Я не обладаю никакими сверхъестественными способностями, но в тот момент мне показалось, что над ним нависло что-то неопределенное и давящее, какое-то трагическое бессилие. Я даже поймал себя на том, что испытываю к нему своего рода симпатию. Я находился в Нью-Йорке, только что говорил с одним странным бомжом, и теперь вот составляю компанию идолу подростков, страдающему бессонницей. Ничего этого я раньше не знал, общаясь лишь с компьютером и телексом, и я наконец смирился. Мартышка взглянул на меня и улыбнулся, должно быть, почувствовав, что мое раздражение поутихло.

– Просто, знаешь, кроме тебя мне не с кем поговорить…

– Я, конечно, могу тебя выслушать, но не уверен, что смогу тебя понять.

– Не то чтобы меня что-то пугало, чтобы я боялся чего-то определенного. Я даже думаю, что я сильнее многих из моего поколения, я могу размышлять. Но я уверен, что ты, например, презираешь никчемного идола, которого мелкая продюсерская компания дергает за ниточки. Вот что я чувствую.

– Вовсе я тебя не презираю.

– Ну да. Презрение – это неподходящее слово, я не собираюсь плакаться в твою жилетку, не беспокойся. Иногда слова становятся загадочными, – прибавил он несколько смущенно, прежде чем опять начать улыбаться. – Прежде чем стать ассистентом дрессировщика обезьян, я какое-то время работал подносчиком в отеле люкс квартала Акасака. Конечно, гордиться тут нечем, но у меня осталось от того времени некое смутное чувство, от которого я никак не могу избавиться и о котором я ни с кем еще не говорил. Я родом из маленького поселка на Севере, ростом я не вышел, но зато умею быстро бегать. Мать моя была в некотором роде интеллектуалкой, что довольно редко для такого захолустья. Это была очень уверенная в себе женщина, она давала мне книги, заставляла меня слушать музыку. Она воспитала меня так, чтобы я не испытывал комплекса неполноценности, другими словами, чтобы не завидовал остальным. Когда я бросил учебу, один приятель рекомендовал меня в отель, и я начал там работать. Я не собирался долго задерживаться на этом месте, а между тем я быстро освоился и всегда умел ладить с клиентами. Знаешь, не следует думать, что простой подносчик – ничто! Я хочу сказать, что у него тоже есть своя индивидуальность, но он вынужден держать ее под униформой, и ты не поверишь, но это очень даже приятное чувство. Думаю, это похоже на временную необходимость быть чьим-нибудь рабом, понимаешь?

– Да, конечно, – ответил я. – Но если статус подносчика превалирует над личностью и положение, в котором ты вынужденно оказываешься, – это положение раба, то, вероятно, это же можно сказать и о других профессиях.

– Нет, вовсе нет. Я не превращаю это в экзистенциальный вопрос. Роль подносчика подразумевает и обязанности, которые ты должен выполнять, и это свойственно всем профессиям в мире. Если ты усвоишь несколько правил, эта работа окажется совсем не сложной. Правила эти копируют западные критерии общительности. Словом – прислуга, чего там! Если требуется, чтобы ты спрятал свою индивидуальность, это не значит, что ты превратился в робота. Но мне кажется – как бы это сказать? – что человек, пытающийся задушить свою индивидуальность, наделен неким странным эротизмом, конечно, это связано с состоянием подчинения или с чем-то в этом роде.

Глубокие слова. Я попытался представить себе Мартышку в униформе подносчика отеля, похожей на ту, в которую одеты военные музыканты. Подчинение, влекущее за собой эротизм. Я, кажется, смутно начал понимать, о чем он говорил. Но если он был прав, то какое тут подчинение у подносчика?

Я открыл холодильник и достал две бутылки «Короны», которые купил накануне в лавке на углу. Одну протянул Мартышке, выжав туда четвертинку зеленого лимона. Он поднял голову и взял пиво.

– Спасибо, – сказал он, шмыгнув носом. Потом внимательно посмотрел на меня.

– Ты все предусмотрел!

– Что?

– После кокаина нет ничего лучше, чем сухое шампанское или пиво «Корона». А с зеленым лимоном это еще и витамин С… – сказал он, прежде чем втянуть следующую бороздку, которую он только что осторожно высыпал с помощью все того же металлического ушного фитиля.

– Ты хочешь сказать, что у пива тогда лучше вкус? – спросил я.

Мартышка подтвердил:

– Порошок усиливает любое ощущение.

– И поэтому ты не можешь теперь глаз сомкнуть?

– Нет, это оттого, что я немного переборщил. При малых дозах проблем нет, – сказал он, протягивая мне пакетик и палочку. – Нужно сразу вдохнуть. Ты правда в первый раз?

«Интересно, у пива на самом деле улучшится вкус?» – думал я, разглядывая капельки жидкости, осевшие на стенках бутылки.

– Погоди. Если это правда в первый раз, тебе следует насыпать настоящую бороздку. Здесь тоже свой ритуал.

Мартышка вытер край низкого стола своим платком. Затем насыпал три небольшие горки, которые размял ребром кредитной карточки. Превратив кокаин в мельчайший порошок, Мартышка сделал из него две узкие полоски длиной в шесть-семь сантиметров и, вытащив из бумажника купюру в сто долларов, свернул ее в трубочку. Нагнувшись к полоске кокаина, он провел вдоль нее купюрой, вставленной в нос, затем обернулся ко мне.

– Одним залпом, усек? – спросил он, протягивая мне стодолларовую трубочку.

Впервые я имел дело с наркотиком. До этого я даже марихуану не пробовал курить. Когда обе полоски оказались у меня в носу, мне показалось, что в ноздрях загорелись и защелкали холодные бенгальские огни. Ощущение ледяного ожога, как от искусственного снега, ощущение, похожее на искру, вызывающую зажигание мотора. Затем по слизистой носоглотки распространилось успокаивающее чувство анестезии, которое через некоторое время расползлось по всему телу.

– Ну, – засмеялся Мартышка, – теперь глотни немного пива.

Я отпил «Короны». Газы взорвались во рту, как настоящий ураган, обрушивающийся на иссохшую землю, и побежали дальше, возбуждая пищевод. Горечь хмеля, осевшая на нёбе и в желудке, оказалась приятной.

– Ну как? – спросил Мартышка.

– Вау! Здорово, – ответил я, и мы рассмеялись.

– Точно. Здорово! Это и есть наркотик…

Я закурил сигарету, опять же взятую у Мартышки. Глотнув дым, я почувствовал легкую тошноту, которая также не была мне неприятна. Я попытался вспомнить, как звали того типа, у которого вызывало тошноту созерцание ствола каштана. «Уверен, что это должен был быть герой одного из романов Сартра, вероятно, тот тип тоже нанюхался кокаину, и очень может быть, что его тошнота также не представляла собой ничего невыносимого», – подумал я своей слабой головой: порошок уже пропитал весь мозг и нервные окончания, добегавшие до самых пальцев ног. Мартышка продолжил свою исповедь:

– В первый раз я увидел кокаин в том самом отеле, где работал подносчиком, мне этого никогда не забыть. Тому парню, клиенту, было, должно быть, около двадцати пяти, это был композитор, он сочинял довольно оригинальную музыку. Смешай Моцарта с Бахом и раздели пополам, что-то вроде этого, мне очень нравилось. Он был достаточно известен в Европе, и ему постоянно заказывали музыку к фильмам. Ну и всегда при деньгах, понятное дело. Он разъезжал на своем «феррари» – тачка, которая стоила не знаю сколько миллионов, и всегда останавливался в апартаментах больше чем за сто тысяч иен за ночь. Жара стояла адская. Лето в тот год вообще выдалось страшно жаркое, а в этот день особенно, так что мы с сослуживцами даже держали пари: сколько доходяг сегодня окочурится. Композитор вызвал меня в самый жаркий час дня. Естественно, он позвал не именно меня, а просто подносчика, но подошла моя очередь.

– Так глупо получилось, – у него был расстроенный вид, – не могли бы вы сходить за моим ремнем, я оставил его в машине, – попросил он.

Стоянка отеля находилась в подвальном этаже, на заднем дворе. Я был весь в поту, и еще надо было отыскать его «феррари», туристическая модель с номером Йокогамы. В связке ключей, которую он мне дал, один был от «ягуара». Шикарная тачка оказалась на том самом

месте, которое он мне указал, и вид у нее был весьма представительный, можно даже сказать, требовательный. Когда я открыл дверцу, на меня пахнуло кожей, которой был отделан салон, представлявший собой настоящую помойку: окурки сигарет, обрывки оберточной пленки от аудиокассет, какие-то клочки бумаги. Стекла тоже были не слишком чистые, и когда я увидел это, то почувствовал в богаче простого человека, такого же, как все. Мне вдруг стало значительно лучше, и я вытащил ремень из брюк от костюма, висевшего в машине. Костюм тоже был шикарный, такая вещь, к которой прикоснешься – и у тебя уже хорошее настроение; однако металлическая бляшка ремня оказалась немного заржавевшей и имела вид какого-то допотопного старья, что тоже мне очень понравилось. Я принес ремень в номер. Униформа липла к телу, пот катил с меня градом.

Я открыл нам по второй бутылке «Короны», затем совершенно спокойно насыпал себе новую бороздку порошка и смёл ее одним вдохом. И тут я понял одну вещь, которая, должно быть, представлялась вполне простой и естественной для того, кто уже имел привычку: наркотик – это, для начала, реальная штука. До сих пор единственное, что я знал о наркотиках, это то, что вне зависимости от их разновидности, когда они вступали в действие, вам начинала слышаться какая-то тибетская или марокканская музыка, перед глазами появлялся розовый слон или динозавр в перьях и пр. И последнее, о чем я не догадывался до приезда в Нью-Йорк: у «Короны» в самом деле вкус становился лучше!

– Спасибо, – поблагодарил композитор. Потом, видя, как я обливаюсь потом, он протянул мне кассету с записью своего нового альбома, сказав: – Послушайте немного, это еще не совсем смикшировано, так, проба.

Обмен, совершенно естественный, но такой целомудренный, как может показаться, как будто поблагодарить кого-нибудь за что-то, что тот сделал, было для этого человека совершенно нормальным, и потом эта его улыбка, после которой – уже всё. Улыбка, какой я никогда уже больше не видел после той встречи, будто у человека до сих пор, со дня его рождения, не было возможности улыбнуться так широко и свободно. И вовсе не кассета, а улыбка этого человека – он был японец – потрясла меня. Я так хотел вновь его увидеть, что попросил всех моих сослуживцев послать меня помогать ему собираться при отъезде или если ему до этого что-нибудь понадобится. У меня были знакомые на контроле и в *room-service*[1]. Примерно в час ночи мне сообщили, что он что-то заказал в номер. И вот я с пылающими, как у школьницы, щеками и бешено колотящимся сердцем, чуть не выпрыгивающим из грудной клетки, несусь к его апартаментам, катя впереди себя тележку с тремя бутылками шампанского.

Скоро я понял, что не только «Корона» была лучше. Я почувствовал, как во мне зарождается нечто невыразимое, несмотря на состояние отупения, в котором я находился, и чувство, что я сжег себе всю слизистую. Я ощущал необычное возбуждение, которое, казалось, безнадежно ищет способ как-либо проявить себя и мечется по моим нервным клеткам, словно пытается исследовать всю нервную систему сверху донизу. Подобно тому, как опавшие листья, разлагаясь на дне пруда, производят газы, и они поднимаются на поверхность мутными пузырьками. Это возбуждение овладело всеми моими умственными способностями, я снова протянул руку к пакетику с порошком, и именно после этой третьей дозы мне вдруг неотвратимо захотелось трахаться, и желание это было настолько сильным, что я не мог бы сравнить его ни с чем, что мне довелось испытать за все предыдущие тридцать лет. В горле у меня пересохло, стало трудно дышать, и все мое дыхание свелось к сухому хрипу. Я залпом опрокинул третью бутылку «Короны» и тут же ощутил, как все эти двести миллилитров бросились мне в яйца, прежде чем разлиться по всему телу. Мартышка все говорил:

– Три бутылки! Что-то тут было не так. Потому что, видишь ли, Миясита, это был «Дон Периньон» тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года! Представляешь? В сто пятьдесят тысяч

[1] Обслуживание номеров *(англ.). – Здесь и далее примеч. пер.*

раз дороже, чем бутылка пива! Это было слишком для того, чтобы просто что-то отметить, и уж совсем чересчур, чтобы пить их одному. Я позвонил в дверь, и у меня как-то сразу возникло нехорошее предчувствие, которое тут же материализовалось в лице девицы с прямым и злобным взглядом, появившейся на пороге в голубых подвязках, чулках в сеточку и туфлях на шпильках. Рядом с ней стояла другая, в черном кружевном боди. Она смотрела на панораму Акасаки, прекрасный вид из апартаментов за сто тысяч иен. На маленьком столике уже были приготовлены бороздки кокаина. Композитор был в банном халате. Девицы приказали мне открыть бутылки и разлить шампанское по бокалам. Я сразу понял, что они собираются поиграть, и руки у меня невольно задрожали.

«Смотрите-ка, у него стоит!» – прогнусавила девица в голубых подвязках, лаская свои соски.

«Заткнись! – прикрикнул на нее композитор. – Извините, эти девицы уже набрались и не соображают, что несут, простите их», – добавил он, опустив голову, и я успел заметить у него на лице точно такое же выражение, как тогда, когда я принес ему ремень.

В этот момент мною овладел запах, который носился в этой огромной комнате, – это был запах женских тел. Затем я спустился на свое рабочее место и разревелся, чтобы хоть как-то унять желание, которое меня парализовало. Сейчас я знаю, почему я ревел, а тогда я был не в состоянии выразить это словами.

– Вот в двух словах моя история. Спасибо, что так терпеливо выслушал всю эту чушь, – сказал он, похлопав меня по плечу.

Я не знал, что ответить. Мартышка сунул пакетик с кокаином в карман моей пижамы и вышел из номера. Я тут же принялся мастурбировать, но чем сильнее было возбуждение, тем более вялым становился мой член. По щекам стекал пот и падал крупными каплями на пол. Тут я почувствовал жестокую боль в сердце. Я запаниковал и уже хотел было выбросить остатки порошка в унитаз. Занимался день, а мне все никак не удавалось заснуть. Я снял трубку и позвонил другу в Японию. Этот разговор обо всем и ни о чем мне помог. Я немного успокоился.

На следующий день, будучи, правда, в совершенно разбитом состоянии, я сумел завершить свою работу; мой бомж-японец так и не появился.

Его не было видно и все последующие дни, вплоть до моего отъезда. Как обычно, я шатался с Мартышкой по ночным клубам и кабакам, однако тот ни словом не напомнил мне о том, что рассказал. Несомненно, возможность выговориться позволила ему перевернуть эту страницу. Для меня же здесь все только начиналось.

Я вернулся в Японию. Несмотря на сентябрь, все еще стояла удушающая жара, и у меня было такое впечатление, что листок бумаги оттягивает мой карман, как кусок железа: тот самый листок с номером телефона, который мне дал бомж, доставший меня с ухом Ван Гога. На этом клочке бумаги, казалось, выкристаллизовалось все то напряжение, которое я испытал в Нью-Йорке. Сразу же по приезде я хотел было позвонить в Нариту, но потом передумал из-за невообразимого шума на аэровокзале. Я поехал в офис проверить качество отснятого материала и надеялся позвонить оттуда, но бесконечное снование персонала меня разохотило. Когда я вернулся домой, было уже поздно, но спать мне не хотелось совершенно, вероятно, из-за разницы во времени. Я выпил пива, чтобы расслабиться. Номер телефона отпечатался у меня в памяти, хоть я и не пытался запомнить его. Я понял, что этот листок, лежавший на столе, полностью овладел мной.

«…Позвони по этому номеру, скажи, что от меня, и тебе дадут денег», – предложил бомж.

Я так и не понял, что он хотел этим сказать. Мне никак не удавалось уснуть. Много раз я уже собирался снять трубку, но вовремя себя одергивал: «Сейчас слишком поздно, позвонишь завтра».

Назавтра я услышал в трубке чей-то голос: «Меня нет дома, оставьте ваше сообщение…»

Я повесил трубку. Какое сообщение я мог оставить? На этом клочке бумаги не было ничего, кроме номера телефона. Конечно, я мог назваться, но, так как я был не в состоянии уточнить цель моего звонка, я просто нажал на рычаг, ничего не оставив на автоответчике. Голос был женский, невыразительный, голос, который вызвал во мне какое-то необъяснимое беспокойство, с которым я никак не мог справиться. Я позвонил в офис и сказал, что сегодня не приду, что у меня температура.

В голосе этом не было ни жесткости, ни холодности, но он, казалось, хотел предупредить, чтобы не оставляли бессодержательных сообщений. Хотя даже нет, здесь было что-то другое. Я много раз слышал чужие сообщения, мне приходилось попадать и на более сухие голоса, и на более резкие, но в голосе этой женщины было что-то неуловимое. Что? Сила. В любом учебнике по кибернетике написано, что сообщение – это необработанная информация, и информация прежде всего для того, кто ее получает, и во всех смыслах слова – призыв; голос же этой женщины категорически не допускал никакого взаимодействия. Голос был довольно высокий: ей, наверное, было между тридцатью и сорока. Я долго не мог понять, что напоминает мне этот голос: холодный ветер, резкий шквал, прорезающий джунгли, порыв, предвещающий приближение бури? Джунгли! Я немного преувеличиваю, но он напомнил мне именно шквал, который я ощутил, едва высадившись на Окинаве. Тяжелые серые тучи гнало с океана, и они в один момент затянули весь остров. Гигантская тень легла на пляж, прогнав сияющее солнце. Я побежал прятаться под деревья, и там-то как раз и почувствовал, как в спину мне ударил холодный ветер, прорезавший тропические заросли. Ветер холодный и колкий. Ветер сухой, тот, что влечет за собой ураганы, разрушительные наводнения. Большие капли дождя, размером с ладонь, стали обрушиваться на землю. «Голос этой женщины был неким предупреждением», – думал я и не понимал, как это возможно, чтобы у нее был такой голос. Я попытался спокойно разобраться в ситуации. Я обладал информацией, а эта женщина была наделена некой независимостью, способной отвергнуть любую форму взаимодействия, она никогда ничего не просила для себя самой. Я хочу сказать, что женщина, ожидающая результатов конкурса или сообщения о месте и часе свидания, никогда бы не выразилась так, как она. Ничего профессионального, ничего, что имело бы отношение к домашней сфере. Я пытался подобрать точное определение. Несомненно, существовало какое-то специальное слово для того, чтобы определить тон этого голоса. Слово это было здесь, невидимое, будто прячущееся за пустыми клетками кроссворда в ожидании, когда его разоблачат. Упадок?

Как будто близко, но не то. Грусть, одиночество… Это слово заключало в себе все эти оттенки, но… Что же это? Холодок пробежал у меня по спине, когда я наконец нашел его.

Отчаяние.

Это не было отчаяние, явившееся результатом экономического краха или социальной неудачи. Этот голос оставил во мне то же смутное впечатление, что и встреча с бомжом, который подошел ко мне и заговорил об ухе Ван Гога.

Мне удалось поговорить с этой женщиной уже в конце дня. – Да.

Она не назвала своего имени, сняв трубку, и я тут же почувствовал капельку подозрительности и раздражения в ее голосе. Я вытер пот, который постоянно выступал у меня на ладонях.

– Кто говорит?

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул, пытаясь таким образом сохранить спокойствие. Я представился и сказал, что работаю на одну продюсерскую видеокомпанию.

– Я недавно был в Нью-Йорке на съемках и там встретил одного человека, который дал мне этот номер.

Я почувствовал, что женщина как-то напряглась при слове «Нью-Йорк».

– Послушайте, я не совсем понимаю, что вы пытаетесь мне сказать.

Если до этого в ее манере говорить слышалось некое достоинство, то теперь ее голос вдруг стал резким. Вероятно, я слишком нафантазировал себе, услышав голос в автоответчике. Через трубку мне отчетливо передавалось напряжение и раздражение моей собеседницы.

– Я тоже не совсем понял, в чем дело. Этот человек почему-то заговорил со мной об ухе Ван Гога.

Я взял трубку в левую руку, чтобы вытереть потную правую ладонь о брюки.

– Ван Гога?

– Да. «Знаешь, почему Ван Гог отрезал себе ухо?» – спросил он у меня.

Женщина какое-то время молчала.

– Вы встретили этого человека в холле отеля «Плаза»?

Тон ее голоса изменился. Казалось, она что-то поняла.

– Нет, вовсе нет.

Мне хотелось рассказать ей, что я встретил его в задрипанном квартале алкоголиков Бауэри, что это был бомж и что я смутно запомнил его лицо, потому что у него была борода и длинные засаленные волосы, но я сдержался. По ее манере говорить, по той утонченности, которая слышалась в ее голосе, я почувствовал, что отель «Плаза» и бомжи Бауэри являлись для нее двумя совершенно разными мирами, находящимися на расстоянии многих световых лет друг от друга.

– Тогда, вероятнее всего, в баре «Роялтон хотел»?

– Нет.

– В его офисах? Если мне не изменяет память, это где-то в девятнадцатом квартале на Пятой авеню…

– Вовсе нет.

– Тогда где же? В итальянском ресторане «Сан-Доменико»?

– Нет, не там.

– Ах так! Я слышала, у него был загородный дом, да, в Восточном Гемпшире, там?

– Нет.

– Я думаю, этот человек – один из моих друзей. Но я не видела его уже больше года. Я даже посылала объявление о розыске в японскую газету, которая там выходит, но безрезультатно. Я уже не надеялась когда-либо услышать о нем, но вот этот вопрос про Ван Гога, в этом он весь. Ошибки быть не может.

Я наконец понял, почему бомж сказал, что мне дадут денег, если я позвоню по этому номеру.

– Этот человек сказал, что мне дадут денег, если я вам позвоню. Я вовсе не прошу у вас ничего, но когда вы упомянули про объявление в газете, я понял смысл его слов.

– Ах да! Точно, я и правда написала там, что заплачу за любую информацию. Я в самом деле готова отблагодарить вас. Знаете, ведь вы первый, кто с того времени заговорил о нем.

– Нет, спасибо, я звоню совсем не за этим.

– Значит, он прочитал объявление. Где вы его встретили?

Я должен был сказать ей правду. Какое-то время я молчал, но скоро это молчание стало невыносимым. И я сказал:

– В Бауэри.

И тут же услышал тихое, удивленное:

– Бауэри? Это там, где одно время был панк-клуб «СБЖБ»?

– Точно. Кстати, этот клуб до сих пор там.

– Ах так! Как странно! Когда-то этот человек не проявлял никакого интереса к подобным заведениям. И что же он там делал?

– Он был среди бомжей, одним из них, – не колеблясь ответил я.

На этот раз замолчала она, и я расслышал глубокий вздох. «Что вы говорите! Какое несчастье!» – думается, она сказала именно это. Затем она разрыдалась и пробубнила между двумя всхлипываниями:

– Все из-за этой девки… этой девки…

Я не знал, что говорить, и лишь чувствовал, что сердце мое бьется так сильно, что готово выскочить из груди. Я прижал трубку к уху и ждал, пока она успокоится. Я вдруг ощутил невыразимую грусть, слушая, как плачет эта женщина. В памяти у меня возник взгляд того бомжа и его силуэт вдалеке. Может быть, между ними что-то было, между этим мужчиной и этой женщиной, которую я слышал сейчас на другом конце линии. Чувство бесконечной тоски вырывалось откуда-то из глубин меня самого, как мутные пузырьки, прокалывающие поверхность стоячей воды. Чувство это вовсе не походило на сострадание, которое может овладеть вами, когда вы слушаете ребенка, потерявшего родителей; голос этой женщины и картины, сохранившиеся в моей памяти от Нью-Йорка, составляли странное единство, природу которого я никак не мог постичь. Изменение, смешение чувств? Нет, эту тоску я чувствовал у себя в груди, в животе, она походила на маленького звереныша. Как будто вы вдруг сообразили, что хирург оставил у вас внутри инструмент после операции.

Женщина немного успокоилась; тихонько шмыгая носом, сказала:

– Вы знаете, почему этот человек выбрал именно вас?

– Нет.

– Вы согласитесь выслушать нашу историю?

– Да, – ответил я, в то время как мое второе «я» кричало мне: «Стой!», то «я», которое выбросило в унитаз остатки кокаина, оставленного мне Мартышкой. «Остановись! Не вмешивайся ты в эту историю!»

– Он выбрал вас, и вы, несомненно, чем-то отличаетесь от всех остальных. Я хотела бы побольше услышать о нем от вас, а также рассказать нашу историю. Однако есть одно «но». Я знаю, что не имею никакого права ставить вам какие-либо условия. К тому же я не уверена, что вы меня поймете, но я нахожусь в таком положении, которое обязывает меня действовать с некоторыми предосторожностями… скажем… социального порядка и… как бы это сказать… относительного… даже философского.

«Да, да, я понимаю», – чуть было не ответил я. Я пока еще ничего не знал об этой женщине, но эта ее манера выражаться, такая неспешная, имела непреодолимую силу внушения. То, как внимательно она подбирала слова, как изменялся ее голос от редких всхлипываний… Я незамедлительно почувствовал, что ей нельзя было сказать «да, я понимаю», она бы сразу повесила трубку.

– Я бы попросила вас зайти ко мне попозже, после того, как один человек кое-что передаст вам и вы используете это так, как он вам скажет. Я его предупрежу. Сейчас я дам вам его имя и адрес.

Я записал имя и адрес.

– Я жду вашего звонка, – сказала она, прежде чем повесить трубку.

Адрес был странный, а имя и подавно. Контора инженера по звуку была расположена в одном из зданий квартала Аояма, самого же адресата звали Поросенок.

Табличка на стене указывала название конторы. Дом находился на улице, которая выходила на бульвар Аояма, и под углом примыкал к другому мрачному зданию, где располагалось строительное предприятие. Я нажал кнопку звонка рядом с вывеской «Staggio Heaven», и кто-то дрожащим голосом, похожим на хрип впавшего в детство старика или простуженного младенца, спросил:

– Кто там?

– Меня зовут Миясита.

Металлический звук известил меня о том, что стеклянная дверь открыта, – она открылась передо мной автоматически. На стене, отделанной разноцветной плиткой, было множество других табличек, среди которых можно было заметить, например, вывеску пошивочного ателье, офиса агента знаменитого актера, фотостудии и предприятия по производству керамических изделий в Каназаве. Плиты были розового, оранжевого, ядовито-зеленого цветов, и я подумал, что это вполне может подходить тому, кого зовут Поросенок, хотя я и не понимал, откуда у него такое странное имя.

В небольшом холле, куда вела автоматическая дверь, располагался контроль. У меня опять спросили имя и цель моего визита – вероятно, служащий охранной компании, но без униформы. И это была вовсе не обычная тихая и услужливая консьержка, а какой-то старик в сером костюме отличного покроя. «Благоволите подняться на лифте на третий этаж», – сказал он мне, прежде чем опять исчезнуть за своим компьютером и продолжить стучать по клавишам. Я взглянул на экран, однако мне так и не удалось понять, вводил ли он данные, касающиеся охранной системы, или свою личную информацию. Пальцы его бегали по клавиатуре быстро и уверенно. Исследовательский институт, где я работал раньше, наверняка мог бы предложить ему хорошую зарплату программиста. Странно, что такой человек служил простым вахтером в этом здании.

В лифте вместо кнопок, указывающих этаж, были замки. Таким образом, лифтом мог воспользоваться лишь тот, у кого был ключ. Вахтер, должно быть, запрограммировал лифт специально для меня. На нужном этаже двери лифта открылись, выпуская в просторное помещение, где меня уже встречал Поросенок. Он устремился ко мне через весь зал, площадь которого была не меньше двухсот квадратных метров; пол, похоже, был выложен подогнанными пластмассовыми пластинами непонятного полупрозрачного цвета. За исключением того места, где должна была находиться гостиная с верхним освещением, во всех остальных частях помещения царил полумрак. Я заметил электронно-акустическое оборудование и инструменты: добра этого здесь было на много миллионов иен, а также в самом центре комнаты, на почетном месте, – три компьютера «Apple Mother III», такие в Японии можно было пересчитать по пальцам.

– Меня предупредили о вашем посещении, и я вас ждал.

Поросенок был человечком маленького роста и с такой бледной кожей, что на его прозрачном лице я мог ясно различить всю систему кровеносных сосудов. Маленькие ручки, короткие ножки, круглое брюшко – внешность, которая не оставила бы равнодушным Феллини: тот, несомненно, пригласил бы его сниматься в каком-нибудь своем фильме. У него была едва заметная киста под ухом, волосы острижены до того коротко, что просвечивала кожа черепа, и невероятно маленькие глазки, рот и нос. Поросенку было лет под тридцать, если судить по его коже. Говорил он тем самым тонким и дрожащим, почти блеющим голоском, который я услышал в домофоне, при этом лицо его не отражало никаких эмоций: они прятались где-то глубоко, под слоем мяса на шее и щеках. Он предложил мне стул, который, вероятно, стоил целое состояние, – итальянская мебель в стиле постмодерн. Затем он приготовил мне чай на травах. Я уже видел такие чашки у директора исследовательского института, где раньше работал. «Саксонский фарфор. Двадцать тысяч долларов, на шесть персон, чай хороший», – с гордостью объявил мне тогда директор. Ботинки и футболка на нем, казалось, были неснашиваемые, куплены на годы, однако у вас не оставалось сомнения, что этот друг – ходячий мешок с деньгами.

– Я хотел бы… для начала я хотел бы уточнить, как мне к вам обращаться? – спросил я. Я бы никогда не смог называть его Поросенком, даже если бы мне за это заплатили.

– Делайте, как она вам сказала, зовите меня Поросенком.

– Но мы незнакомы, я так не могу.

– В любом случае это не имеет никакого значения, – тихо проговорил Поросенок все так же, не меняя выражения лица, разве только губы его немного дрогнули. – У вас есть девушка? – спросил он, шумно отхлебывая чай. Я не ответил. – Если вы мне не ответите, я не смогу отдать вам товар.

– Что вы имеете в виду? Девушка, с которой я был бы помолвлен, невеста?

Поросенок выпрямился и нетерпеливо заерзал в кресле.

– Ну, как вам сказать? – так же тихо ответил он. Потом, немного помолчав, сказал: – Товар, видите ли… речь идет о таблетках – я могу свободно с вами об этом говорить, потому что вас послала она, – это экстази.

Что-то внутри меня запротестовало.

– Швейцарского производства. Экстази – это некоторого рода препарат, вызывающий эйфорию и используемый, в частности, для преодоления аутизма, запрещенный три года назад в Штатах и в прошлом году в Японии.

– Запрещенный?

– Это наркотик. Разве она не просила вас не приходить к ней сразу, а переждать некоторое время после того, как вы его попробуете? «…Спустя некоторое время после того, как один человек кое-что передаст вам и вы используете это так, как он вам укажет», – так сказала женщина.

– Я не слишком хорошо понял, – промямлил я.

– Я очень занятой человек, решайте скорее, – отрезал Поросенок. – Знайте, однако, что, если я вынужден буду сказать ей, что от одного упоминания о наркотике вам сделалось дурно, она меня прижмет, а мне не хотелось бы доводить до такой крайности, понимаете?

Поросенок скинул свои ботинки, и оказалось, что они были надеты на босу ногу. Пальцы его походили на маленьких копошащихся слизняков. Они, несомненно, передавали все раздражение своего хозяина. Поросенок был из тех, кто выражает свои эмоции пальцами ног.

– Кто эта женщина? – спросил я, чтобы сменить тему.

– Я не могу сказать вам ничего конкретного; имя, которым она меня наградила, могло бы дать возможность составить о ней некое общее представление, не правда ли? Она для нас – причем во всех смыслах этого слова – *Queen*. Когда я говорю «мы», я не подразумеваю под этим всех сексуальных извращенцев: она *Королева* всякого рода очень разных и необычных людей. Рядом с ней все эти Хибари Мисора и Ямагучи Момое – просто дерьмо.

– Вы хотите сказать, что она певица?

– Вы совсем не там ищете. Я не говорил вам, что она известна или, скажем, обладает какой-то властью. Это не просто какая-то там женщина, перед которой угодливо заискивают толпы презренных дебилов, это Повелительница, которую мы уважаем и перед которой простираемся ниц.

– Садомазохисты?

– Разве я не говорил вам, что речь здесь не только об этом? – поправил Поросенок, слегка повысив голос. Он почесал свой вспотевший подбородок, будучи уже в несколько возбужденном состоянии. – Эту женщину – как мне представляется – сегодняшняя Япония должна бы обожать и почитать. Она не простила бы мне, если бы слышала это, но я говорю так, чтобы вы лучше смогли ее понять, пусть даже не до конца. Мне было бы крайне неприятно, если бы у вас сложилось о ней негативное представление, ведь вы ее совершенно не знаете. Это необыкновенная, громадная личность, вы понимаете?

– Думаю, да, – сказал я извиняющимся тоном. Поросенок был весь в поту, пальцы его ног нервно шевелились. – Хорошо, я возьму таблетки, но я хотел бы знать, почему вы спросили, есть ли у меня девушка?

– Потому что экстази – это вещество, стимулирующее сексуальное желание, доводящее его до предела, – объявил Поросенок, пытаясь унять буйное шевеление своих пальцев.

Выходя из здания, я оглянулся на старика-вахтера. Тот все так же сидел, не отрываясь, за своим компьютером. Он не поднял головы ни когда стеклянная дверь открылась, пропуская меня, ни когда она захлопнулась за мной. Естественно, ему нечего было спрашивать у того, кто уходил.

Я положил две таблетки, которые мне дал Поросенок, в правый карман. Под этой пластиковой упаковкой они выглядели как обычное, скажем, жаропонижающее, и к тому же помещались в коробочке, на которой были указаны название и адрес зубоврачебного кабинета. Чувство облегчения охватило меня, когда я вновь очутился на улице Аояма, освободившись от неприятного впечатления, которое производило все это здание в целом и личность Поросенка в частности. Солнце клонилось к западу, рубашка прилипла к спине, я был весь в поту и чувствовал себя неважно. Мне стоило встретиться с такими вот немного тронутыми личностями, чтобы понять, до какой степени сам я был нормальный. И тем не менее мне было плохо, я находился в том состоянии, в которое впадаешь после посещения больного, которому осталось недолго, и ты это знаешь.

Мне хотелось пива. И еще надо было позвонить. Я вошел в какое-то кафе, выпил сразу полкружки разливного и только потом пришел в себя и задумался над тем, что же отличало Поросенка и эту женщину, с которой я недавно говорил по телефону. Поросенок не был до конца откровенен, все в нем вызывало некое недоумение, начиная с места, где он жил. Я чувствовал что-то странное и в голосе женщины, но эта странность каким-то образом отзывалась во мне. Странность же Поросенка вызывала желание тут же убежать, скрыться как можно быстрее. Что же их отличало? Голос женщины нельзя было назвать обольстительным. С одной стороны, он выдавал мне лишь голую информацию, но с другой – я не мог не признать, что этот голос как будто раскрывал во мне какой-то код. «Примите таблетки с вашей подружкой, которой вы доверяете», – фраза Поросенка все еще звенела у меня в ушах. Он произнес ее своим угодливым голоском, который, казалось, прилип ко мне. «Если принять его, плотно поев, эффект будет небольшой и, кроме того, это может вызвать рвоту. В первый раз достаточно полтаблетки, но вы ничем не рискуете, если примете и целую. Натощак вы почувствуете результат уже через полчаса, проблема только в том, что потом вы уже не сможете взять в рот ни крошки, так что лучше сначала слегка перекусить, а потом уже принять препарат. Он начнет действовать через час, вы это поймете по расширившимся зрачкам. Никаких галлюцинаций, как после ЛСД, можете не волноваться».

Я листал страницы своей записной книжки, вспоминая снова и снова слова Поросенка, слова эти раздражали меня, как жвачка, прилипшая к волосам. Я должен был найти женщину. «Подружку, которой можно доверять», как говорил Поросенок. Я рассмеялся. Что же, он хотел подтрунить надо мной, предполагая, что у меня нет девушки? Подружка, которой можно доверять… а что, собственно, это значило? Разве бывают интимные друзья, которым нельзя доверять? Кому я мог предложить попробовать наркотик, действия которого и сам еще не знал? И потом, можно подумать, что у скромного служащего из провинции, живущего в новостройках, в спальном квартале, целый полк девушек, из которых он еще может выбирать! Последнюю женщину, с которой я переспал, звали Акеми Йокота, но я совсем не мог представить ее себе в роли моей подружки. Я встретил ее в отделе кожгалантереи в универмаге в то время, когда еще работал в исследовательском институте. Я искал дипломат тысяч за двадцать иен, Акеми Йокота подбирала сумочку в пределах тридцати тысяч. Она первая заговорила со мной: «В Италии вы нашли бы гораздо лучше и за меньшую цену». Посмотрев на нее, я хотел было ответить, что раз так, почему бы ей туда не поехать и не подобрать мне что-нибудь. Это была молодая женщина, которую недавно бросил женатый мужчина, одета она была, как обычный служащий офиса, и на безымянном пальце у нее не было кольца. Ей было где-то лет под тридцать пять, явно не урод, но, пожалуй, простовата.

– Ну, это долгая история! Я только что с работы… Да… внеурочные…

Мы оба в это воскресенье оказались в универмаге, каждый сам по себе – одни, ни семьи, ни друзей, ни любовников, – чтобы составить друг другу компанию, и под конец отправились вместе выпить кофе. «Есть один фильм, который я хотела бы посмотреть, – сказала Акеми Йокота тогда в кафе, таком маленьком и узком, что посетители едва не касались локтями сидевших за соседним столом. – Не какие-нибудь там *road-show*[2], – добавила она. На ней был сиреневый костюм, и она курила длинные сигареты, какие обычно курят хозяйки баров, неловко зажимая их между двумя пальцами. Название фильма было «Секс, выдумка и видео».

– Сегодня вечером? Ну что ж!.. Ты меня приглашаешь на ужин? Хорошо, тогда я хотела бы какую-нибудь экзотическую кухню, вьетнамскую или марокканскую…

Выйдя из кинотеатра, который находился в районе Иидабаши, мы зашли в бар одного из отелей, где принялись за коктейли на основе текилы, закусывая стеками с овощами и пиццей. Акеми не знала этого бармена. Потом она призналась мне, что часто приходила в этот бар со своими любовниками, в основном женатыми. Затем я проводил ее до дома – у нее была квартира на окраине района Сетагайа; в тот вечер она смахнула слезу, расстегивая свою кофточку, я поцеловал ее, потом взял на руки и отнес на кровать, возвышавшуюся в центре комнаты, – огромная полуторка, действительно необъятная.

– Видишь ли, у меня сегодня встреча… Я не могу… правда, клянусь тебе… Ну ладно, только ради тебя, Миясита… Замужем? Я?.. Дурачок!.. Ах, вот как, бросил свою лавочку… и мне ничего не сказал?

С того вечера мы стали встречаться по субботам, мы занимались любовью, и мало-помалу я начал осознавать, что проникаюсь ее грустью, наша связь становилась все теснее, именно с Акеми я впервые кончил в рот. Акеми Йокота вскоре забыла свое недавнее амурное разочарование, с каждым разом получая в моих объятьях все более сильный оргазм. Она была старше меня на три года. «Я до сих пор не вышла замуж, потому что, как мне кажется, не встретила подходящего человека», – говорила эта женщина, которая в моих глазах стала чем-то вроде неизвестного символа. «Простовата» не совсем то слово для нее, хотя, уверен, в школе она не числилась среди первых. Но она обладала довольно редким в наши дни чувством меры, здравым смыслом, что ли, она умела отвергнуть то, что ей не подходило, улавливать малейшее притворство и удивляться невероятному разнообразию вещей. Пожалуй, именно это и заставило меня больше не встречаться с ней с того дня, как я ушел с прежней работы. Должно быть, я ее сильно обидел, я чувствовал это по тому, как звучал ее голос в трубке телефона. Но она, со своей стороны, тоже не слишком торопилась со мной увидеться.

Я с ностальгией вспомнил тот бар в отеле, где мы обычно встречались. С моей теперешней зарплатой напитки, блюда, которые там подавали, сама обстановка, дышавшая роскошью, были мне не по карману, но, представив себе сказочное время, которое я собирался провести с Акеми, я закрыл на это глаза. Это место было наполнено воспоминаниями. Бармен не забыл меня.

– Как обычно? – спросил он, прежде чем подать мне «Tio Pepe in the rocks».

Сколько, интересно, таких вот коктейлей выпил я за те полтора года, что встречался с Акеми Йокотой? До назначенного времени было еще полчаса, и я задумался над тем, что же толкало меня делать то, что я делал сейчас. Почему я не пошел сегодня на работу? Почему все, на что я не решался за мои тридцать лет, казалось, вдруг накатило на меня? Я не знал. Я не смог бы ничего возразить, если бы кто-нибудь из моих друзей сделал мне замечание. Он был бы прав. Я был совершенно нормальным, обыкновенным человеком. И в то же время я понимал, что слова эти – обыкновенные, нормальные – утрачивают свой смысл, когда ты находишься в определенном состоянии сознания. «Состояние сознания» также было неточным определе-

[2] Гонки *(англ.)*.

нием, речь здесь шла не о какой-то абсолютной вещи, но я не знал, с чем это можно было сравнить. Я мог составить себе представление о личности, например директора продюсерской видеокомпании, который меня нанял: сыночек богатого папаши, слегка безбашенный столичный мальчик, привыкший с детских лет разъезжать на «моргане». Я понимал ход мыслей и действий Мартышки, который дал мне попробовать кокаин в Нью-Йорке. Но я не мог понять ни бомжа, ни женщину, с которой говорил по телефону, ни Поросенка. И дело здесь было не в недостатке информации, их существование вовсе не представлялось мне вне реальности, но я никак не мог постичь критериев, которые заставляли их поступать определенным образом, и их психология оставалась для меня загадкой. Я чувствовал, что это не те люди, которых могла бы удовлетворить перспектива насладиться дорогим вином или прокатиться в спортивной итальянской машине. Я не имел ни малейшего представления, что могло бы заставить их прыгать от радости, как детей.

Но отчего же я должен был чувствовать, что меня касается все это, чего я не понимаю? У меня отнюдь не создавалось впечатления, что мне скучно в этой жизни, и я вовсе не находил, что эти люди обладают каким-то особым магнетизмом, чтобы подминать под себя всех, кто к ним приближается.

На втором «Tio Pepe» я вдруг подумал, что эта история странным образом напоминает сценарий одной видеоигры, каких сейчас расплодилось сотни тысяч по всей стране, игры смены ролей, по типу знаменитого «Dragon Quest»[3]. Вам предлагается самому создать свою историю. Надо сказать, что с кибернетической точки зрения все эти игры так или иначе воспроизводят одну и ту же модель – искателей сокровищ. Другими словами, везде одна и та же схема: А похищает Б; А убирает В и похищает Б; или: А заручается помощью Г, убирает В и похищает Б; или, скажем, А с помощью Г, Д и Е убирает В, обладая оружием Ж, которое помогает ему обезвредить заклинание 3, и похищает Б. Версии могут изменяться до бесконечности, но идея остается все та же. Главное – вычислить А и сделать его слабым и незнающим, персонажем, который не понимает той роли, которая ему предназначена. Я думал об этом и уже стал задаваться вопросом, не попал ли я в какую-то нехорошую игру. Напрасно повторял я себе, что ничего не понимаю: стоило мне сделать малейшее умственное усилие, и я тут же осознавал, что то, чего я не понимал, было, собственно, формой возбуждения, которое охватывало меня и, не считаясь с моими желаниями, несло вперед, к тому, чего я не понимал.

– Давно ждешь? – спросила Акеми Йокота, приближаясь ко мне энергичным шагом, размахивая руками.

«Главное же, не пытайтесь снять незнакомку, напоив ее, с этим веществом вы можете натворить дел, – предупредил меня Поросенок. – Вас сразу же раскроют, к тому же этот наркотик может вызвать весьма существенные перепады настроения. Теперь представьте, что может произойти, если вы дадите его тому, кого совершенно не знаете и с кем не были близки… – Что же мне делать? Не кажется ли вам, что лучше сначала все объяснить человеку, чтобы он согласился это принять?»

– Что с тобой?

Я снова почувствовал, как во мне растет это возбуждение. У Акеми был тот же голос, то же выражение, как и всегда. Зайти в первый попавшийся ресторан экзотической кухни – вьетнамской, марокканской, пакистанской, Берега Слоновой Кости – какой угодно, набраться местных горячительных напитков до состояния нестояния, словом, в хлам, потом к ней, завалиться в постель, даже не принимая душа, не гася свет, черт с ним, облизывать ее всю, прогуливаясь языком по всему телу, и тут вытащить розовые таблетки, как будто только что вспомнил об их существовании: «Нет, я полный идиот, как я мог тебя оставить, как мог разочаровать? –

[3] «Поиски Дракона» *(англ.)*.

Что это за таблетки? – Так, ерунда», – и вскрыть упаковку, проглотить и потом вставить ей так, чтобы из ушей полезло.

– Посмотри на себя, с тобой явно что-то творится.

Я чуть было не выложил ей все, но сдержался, опрокинув залпом остатки коктейля.

– Что ты скажешь насчет венгерской кухни? Я отыскал хороший ресторан в одном журнале и позвонил, столик уже заказан.

Ресторан находился не очень далеко от отеля. По дороге туда Акеми *в деталях* изложила мне, как восполняла мое отсутствие все эти восемь месяцев, с тех пор как я смылся.

– Теперь уже лучше… я даже могу идти рядом с тобой. Но, знаешь, поначалу было тяжко. У меня нет особого желания говорить с тобой об этом. Не хочу, чтобы ты чувствовал себя виноватым. Тебе бы это не понравилось, ведь так? К тому же мы никогда ничего друг другу не обещали, никаких там планов, с самого первого дня нашей встречи. Говорят, ты не отдаешь себе отчета в том, насколько важным для тебя становится человек, пока не потеряешь его. Для меня же все с самого начала было ясно: я только что пережила несчастную историю и решила: больше никому не позволю ранить меня. Я сделала все возможное, чтобы не позволить тебе стать тем, кто действительно что-то для меня значит. Какая дура!

Я вышагивал рядом с ней, держа ее под руку, слушал и соглашался, не совсем понимая, с чем, собственно, я соглашаюсь, не в силах сказать ей, что она зря упрекала себя, что это я был идиотом, не в силах сделать что-либо, кроме как позволить запаху этой женщины, до сих пор влюбленной в меня, увлечь себя. Было начало девятого, и на улицах немного посвежело, легкий морской ветер обдувал башни Ниси-Синджуку, и поток неоновых огней рекламы создавал особую атмосферу, благоприятствующую любовным признаниям. Окна небоскреба отражались у нас в зрачках, как сотни прямоугольных лун.

– Когда я говорю, что ты кое-что значил для меня, я говорю это искренне. Я не хочу больше лгать самой себе. Я уже, знаешь, не так молода, и потом, я никогда не считала себя особо крепкой. Миясита, ты овладел мной… и, если хочешь, я даже собиралась ждать тебя. Прошло три месяца, четыре. Это становилось все невыносимее. Все началось, когда наступило лето, да, на деревьях вновь появились листья, это случилось в обеденный перерыв, я видела, как пары спорят о чем-то, девушки надели яркие свитера, все это меня страшно расстроило, у меня ноги подкашивались при одном взгляде на это оживление. Тогда-то я и поняла, что так больше продолжаться не может. У меня еще оставалось несколько дней отпуска, и я решила съездить к родителям, на остров Сикоку.

Акеми Иокота работала в одном крупном туристическом агентстве. Она начала с простой служащей офиса, затем, через три года, стала сопровождать группы, но потом, когда мы познакомились, опять перебралась в офис. Она оставила гидовское дело не потому, что была не способна выполнять эту работу, а потому, что быстро поняла: это не для нее. Она попросила своего начальника отправить ее обратно в офис. Акеми была не из тех женщин, которые ломают голову над трудными вопросами, она быстро нашла себе место в службе управления. С ее характером она была бы прекрасной домохозяйкой. Когда я сказал ей об этом, она долго смеялась: «Даже не знаю, лучше скажи, что мне так и не удалось найти кого-нибудь подходящего для этого…»

– Я пробыла там недели две. Из наших окон виден океан, кажется, я тебе уже об этом говорила. Но океан – это еще ладно. Самое тяжелое – это отец и мать, они, конечно, чтобы не расстраивать меня, не задавали никаких вопросов, не спрашивали, что происходит. Вот это было хуже всего. Мне тридцать три года! Я бы хотела, чтобы они заставили меня завести нормальную семью, чтобы оттаскали меня за уши. Я уже начинаю сомневаться, не подумали ли они, что я собираюсь покончить с собой! Когда я, наконец, решила вернуться в Токио, не зная еще толком, что буду делать, я все-таки набрала два килограмма. И потом, в тот день,

когда я вернулась на работу, да, кажется, это было в тот самый день, один человек, сотрудник из моего отдела, пригласил меня на ужин. Он один из моих сослуживцев-мужчин был в курсе моей прежней истории. И естественно, он тоже был женат.

Акеми Иокота никогда особо не распространялась насчет своей истории с тем человеком, который оставил ее незадолго до того, как она встретила меня. Она тогда просто сказала, что встречалась с женатым мужчиной и что у него были дети. Вот и все. В то время она еще работала гидом.

– Ха-ха-ха! Я сразу почувствовала, что на этот раз тоже все провалится. У этого нового в конторе была репутация человека начитанного, который стремится к самообразованию, короче, занудный женатик. Это правда, вначале я говорила с ним о моем бывшем, конечно, потому что он умел слушать, умел держать дистанцию… и вот, только вернувшись с Сикоку, запрятав сердце подальше, я вдруг поняла, что этому товарищу просто не терпится раскатать меня по полной… Кажется, есть такие, которых подобные истории заводят до предела!

Мошкара, которая в конце лета все еще носилась в воздухе, тучами собиралась в свете фонарей, стоящих ровными рядами между зданиями. Случалось, под одним фонарем их была тьма, под другим – совсем немного. «Это, должно быть, зависит от числа самок», – подумал я. Слушая, как Акеми рассказывает о своем сослуживце, я испытывал жгучее чувство ревности, и мне не терпелось, чтобы мы уже поскорее добрались до этого ресторана. И в то же время я был признателен ей за то, что она не спрашивала, почему я позвонил ей сегодня. Наставления кибернетики были верными: желание может возникнуть только в присутствии объекта желания.

– Он специально потащил меня в какую-то забегаловку под мостом Симбаси, где продают куриные шашлыки. Надо заметить, что, кроме его галстука от Армани, у него, пожалуй, ничего и не было, и жил он в новостройках в районе Шиба. Не знаю, хотел ли он таким образом показать, что не ждет от меня ничего конкретного, или, напротив, это был с его стороны точный расчет. Потом он повел меня в бар «Роппонги», где бывает много людей из рекламного мира. Сначала он заказал виски, наверняка чистый солод, потому что в современных японских фильмах все герои только это и пьют. Я много выпила и быстро почувствовала, что настроение у меня – хуже некуда. Хотелось повеситься. Я его не хотела. – Акеми остановилась и, как ребенок, разрыдалась в мое плечо: – Только ты у меня, только ты, только ты, только ты… Потому что ты… Я поняла, что я не смогу дальше жить, если не буду тебя ждать.

Мы поцеловались, стоя в конусе желтого света, в первый раз спустя восемь месяцев. «Я люблю тебя», – сказал я Акеми. Никогда еще я не говорил ей ничего подобного. «Я знаю», – ответила она, вытирая слезы.

Мы заказали сперва суп из карпов с красным перцем, затем рагу из оленины и перепелов, венгерскую колбасу, все это обильно сдабривалось венгерским красным вином. Когда умолкла цыганская музыка, все эти восемь месяцев превратились в далекое воспоминание. «Акеми была еще очень даже привлекательной, несмотря на то что ей уже за тридцать… этот ее седой затылок, тонкая шея, начинающая немного расплываться фигура», – думал я, физически ощущая груз двух таблеток, которые оттягивали мой карман. Мы завершили трапезу двумя стаканами шнапса, крепкого прозрачного алкогольного напитка германского производства.

– Слушай… – начал я. – Я тебе уже рассказал в двух словах, что работаю сейчас в одной видеокомпании, которая занимается главным образом распространением, но они еще и немного снимают…

– Да, и я сказала, что такая работа тебе как раз и подходит, – перебила Акеми. Щеки ее порозовели, глаза блестели, губы были слегка влажные. Подружка, которой можно доверять…

– Я принимал участие в трех съемках. В первый раз это был фильм о заштатном актеришке, которого раскручивают до ранга поп-звезды, снимали мальчишку четырнадцати лет.

Это потом довольно хорошо продавалось. Второй был про психотерапевта, который оказался *pending*…

– А что это такое?

– Это такая форма психотерапии, очень популярная в Соединенных Штатах, практикуемая также и в Японии. Я работал над документальным фильмом.

– Спиритизм или что-нибудь в этом роде?

– Нет-нет, что ты.

– Ты меня напугал! Я всего этого не переношу.

– Они применяют наркотик.

– Наркотик? Какой именно?

– Наркотик, который освобождает сердце. Под его действием люди начинают рассказывать то, что до сих пор держали в себе. Говорят еще, что он вызывает сексуальное влечение, хотя некоторые полагают, что это всего лишь некая разновидность плацебо. В Японии его очень трудно достать.

– У тебя есть? Дай мне немного…

Я высыпал обе розовые таблетки на ладонь.

– Горькое, – поморщилась Акеми, первой проглотив таблетку.

– Ну и что это такое? Я, например, ничего не чувствую… – объявила Акеми, оказавшись в потоке электрического света. Мы как раз вошли в одно кафе, покинув венгерский ресторан. Несколько будоражащая обстановка этого места чем-то напоминала восточное побережье Соединенных Штатов, неоновые огни разделили лицо Акеми на две части – зеленую и розовую.

– Я тоже ничего. Никакого эффекта.

Мне в конце концов удалось снять номер с большой кроватью, после того как я обзвонил практически все *city hotels*[4] в Токио. Я еще подумал тогда, что гораздо предпочтительнее находиться в нейтральной обстановке гостиницы, если принял такое сильнодействующее средство… Однако все отели поблизости оказались переполнены. Оставались лишь номера в заведениях второго класса. Я знал одного малого, который работал ночным портье в отеле люкс в Акасаке, и это благодаря ему мне удалось-таки заполучить этот номер, с которого только что сняли бронь. «Да, приятель, если ты рассчитываешь получить номер, щелкнув пальцами, тебе лучше сразу обратиться в *business hotel*… Потому что, если тебе нужен номер в приличном отеле в пятницу вечером на двоих, тебе следовало забронировать его за полгода, не меньше, а иначе и надеяться не на что. А в рождественскую ночь и вовсе за год бронировать надо, точно тебе говорю!» – Он счел себя обязанным разъяснить мне ситуацию. Всем, оказывается, приспичило трахаться именно в нейтральной обстановке.

– «Открыть свое сердце» – что это значит?

Я пожал плечами:

– Понятия не имею, я сам это в первый раз принимаю.

– Миясита! Может, тебя надули?

– Гм! Очень даже может быть, – сказал я, залпом осушив свой стакан виски «on the rocks», и выражение, появившееся у меня на лице, должно быть, можно было принять за удовлетворение.

«Если только оно не действует на нормальных людей, а может, доза оказалась недостаточной?» – размышлял я про себя, когда Акеми вдруг спросила, нахмурившись:

– Ты не находишь, что здесь слишком шумно? Я никак не могу сосредоточиться.

Я попросил счет у официанта, который как раз подошел справиться, не хотим ли мы чего-нибудь еще.

[4] Городские отели *(англ.)*.

– Слушай, может, пойдем уже в отель?

Каков был механизм сексуального желания? Я не чувствовал ничего особенного, кроме своего тела, отягощенного смешавшимися у меня в желудке венгерским вином, шнапсом и виски, и пребывал в состоянии какого-то оцепенения, которое, казалось, рассеивало мое разочарование оттого, что я не ощущал никакого особого возбуждения. Внутри у меня как будто разворачивалась пустота, вытесняя весь поглощенный за этот вечер алкоголь. Я понял, что понемногу трезвею. Может, это перспектива переспать с Акеми после перерыва в восемь месяцев меня расхолодила? В баре были в основном молодые парочки лет по двадцать. Возраст их можно было определить главным образом по коже, гладкой и упругой. Они болтали без умолку и с удовлетворением поглощали отвратительную смесь картофеля фри и размороженного мяса. Я чувствовал, что Акеми все больше напрягается.

– Пойдем отсюда, а?

Зачем мы вообще завернули в этот бар? Наверное, принятый наркотик и ближайшая перспектива оказаться в отеле возбудили нас настолько, что мы потянулись на первые неоновые огни и взрывы смеха, доносившиеся оттуда. Лучше было бы выбрать место потише, какой-нибудь бар в районе Акасаки, где я забронировал номер.

– Тебе, кажется, не слишком охота оказаться со мной наедине, так?

Что же это такое? Мы уже готовы были поссориться, а никакого физического или психического действия наркотика все еще не наблюдалось. Я взглянул на часы: прошло уже сорок минут с тех пор, как мы приняли по таблетке. Лекарство от желудка уже начало бы действовать, средство от простуды уже вызвало бы некоторую сонливость. «Радуга в вашем сердце», – объявил тогда Поросенок. Радуга? Я не видел никакой радуги ни на затылке Акеми Иокоты, ни на стенах кафе, а может, она была столь же неразличима, как и мое опьянение? Молодежь принялась орать хором какую-то популярную песню, и голоса их усиливались громкоговорителями. Слова этой песни были явно не из литературного японского. Разгоряченные и пьяные посетители бара дергались под музыку, с лицами, пунцовыми от выпитого саке и проглоченной картошки с дешевым мясом, отсвечивая залаченными прядями черных волос, на которых отражались вспышки огней музыкального проигрывателя пятидесятых годов. Мне показалось, что пульс у меня участился, но это, несомненно, было связано со страхом перед неминуемо приближающимися упреками этой тридцатилетней женщины, моей спутницы. У Акеми на бедре был шрам, напоминающий пятно от красных чернил на промокашке.

– У тебя такое лицо… можно подумать, ты уже жалеешь, что грохнул столько денег, и все, что я тебе только что рассказала… тебе ведь просто смешно, а?

Положение ухудшалось. Акеми, которой, конечно же, очень хотелось упрекнуть меня за восемь месяцев моего отсутствия, находилась на грани истерики. Истерика! Слово показалось мне старомодным. Я чувствовал, что Акеми, переполняемая той самой энергией, которая рождается от безысходности, готова наброситься на меня с совершенно абсурдными обвинениями, наговорить неизвестно чего. Я не знал, как быть: она непременно накинулась бы на меня, если бы я продолжал молчать, но ответь я – это могло бы разозлить ее вдвойне. И первое и второе заранее утомляло меня. Конечно, лучше было промолчать в ответ на необоснованные обвинения, но дело в том, что я молчал уже довольно долго. Это пятно, след от шрама, величиной с монету в пятьсот иен, осталось от ожога лазером на месте родимого пятна. Я живо представил себе ситуацию: родимое пятно, приподнятое двумя длинными волосками, затем запах паленой свинины в момент облучения и наконец красное пятно. Я знал, что, раздевая ее, я не удержусь и спрошу, сколько мужчин у нее было за это время, и мне стало дурно. Всем, кто спал с ней до меня, нравилось это родимое пятно с двумя волосками, а те, кто будет после, вряд ли обратят внимание на этот оставшийся красноватый шрам; я один знал всю историю.

– Ну все, я ухожу!

Акеми поднялась, прошла к выходу, проталкиваясь сквозь толпу посетителей, которые все до одного были моложе ее лет на десять. У двери она обернулась ко мне, как бы говоря: «Так ты идешь или нет?» Я почувствовал, как на меня обратились взгляды раскрасневшихся студентов, в большинстве своем довольно пьяных. «Что за тип, не может послать подальше эту невзрачную дамочку», – казалось, говорили они. У официанта были лисьи глаза, и взгляд его пронзила ярость: не дав ему договорить, что с меня всего две тысячи восемьсот семьдесят одна иена, я сунул ему три тысячных банкноты и кинулся вслед за Акеми. Когда я выбрался наконец на улицу, Акеми стояла у края тротуара и ловила такси.

– Я… – прошептала она в такси, которое везло нас по району Йоцутани, – я никчемная, пустая… не только сейчас, с тобой, я всегда была такой, с самого рождения. Когда-то… видишь ли… я тебе уже говорила, что я из города, который стоит на берегу океана? Когда-то, не знаю точно, когда, за нашим домом по краю холма тянулись мандариновые поля. От них доносился невероятный, изумительный запах, и в этом аромате расцветали каны, я… я… я все время говорила себе, что я пустая, глядя на океан, но почему? Почему? Почему?

Зрачки ее настолько расширились, что я не мог уже различить даже радужную оболочку. Глядя на нее, я вдруг вспомнил годы своей учебы в коллеже, курс пластических искусств, тот день, когда я чуть было не разрыдался, увидев впервые «Весну» Боттичелли. Сейчас я чувствовал то же самое. Огромная симпатия, столь резкая и пронзительная, что я уже готов был закрыть руками лицо, дрожал и стучал зубами. «Что-то произошло», – понял я, отводя взгляд от лица Акеми, пораженный и возбужденный до предела. Я попытался сконцентрировать внимание на городском пейзаже, разворачивавшемся за стеклами такси. Вдалеке я заметил наш отель. В каких-то окнах горел свет, в других уже погасили, все вместе было похоже на мозаику, приветствовавшую нас.

– Смотри, – сказал я Акеми, – смотри, как нас встречают!

Таксист взглянул на меня в зеркало заднего вида. Я улыбнулся ему. Он мне не ответил. Между тем я знал, что ему хочется улыбнуться, но по правилам этого, вероятно, делать было нельзя, если только он не решил вообще никогда в жизни не улыбаться после какого-нибудь несчастья с одним из его близких.

Я улыбнулся также и всему персоналу, выстроившемуся в приемной, пока заполнял карточку посетителя; дрожь в пальцах мешала мне четко написать мое имя и адрес. Переполняемый чувством глубокой признательности, я улыбнулся и основателю этого отеля, чей портрет висел над стойкой. Пока я бился над карточкой, Акеми держала за руку мальчика какой-то американской пары, которого она остановила, когда он бежал через холл. Она высыпала содержимое своей сумочки на пол и тщетно пыталась отыскать в этой куче что-то, что она хотела ему подарить. Кошелек с изображением Снуппи, тюбик губной помады, какие-то стеклянные флакончики. В лифт мы вошли вместе с какой-то пожилой четой, которые вежливо отказались от моего предложения поднести им чемодан. «Откуда вы? У Мексики колоссальный внешний долг, не правда ли? Ресторан в этом отеле очень дорогой, вам лучше пообедать завтра в „Макдоналдсе“!» Они вышли раньше нас.

Очутившись одни в нашем номере, мы повалились, обнявшись, на кровать.

– Так странно, странно себя чувствую, – залепетала Акеми, расстегивая мою ширинку, чтобы высвободить член, который тут же стал твердым. Она взяла его в рот. Я сразу понял, что ее агрессивность прошла. Желание, которое я испытывал, не было похоже на волну, которая подняла меня, когда я попробовал кокаин, предложенный Мартышкой. Акеми попыталась освободиться от своей одежды сама, не выпуская мой член изо рта, при этом она не была похожа на собаку, сосунка или нимфоманку. Она стояла на четвереньках, задрав зад, промежность ее увлажнилась, но запах влагалища, растекавшийся по бедрам, не тревожил меня. У меня было такое впечатление, что мы повисли в воздухе, на ладони у Бога, под стеклом микроскопа, на ковре-самолете, на паковой льдине. Я воображал себе тысячи мест, и все они

представлялись бесконечно чистыми островками пространства, купающимися в мягкой влаге. Когда она прикасалась ко мне, кончики пальцев моих рук и ног немели, при этом раздавался какой-то приглушенный звук, мне казалось, что каждая моя клеточка вытягивается в струнку, а железы разбухают, выделяя влагу. Капля этой влаги, исполненная бесконечной нежности и чистоты, заключала в себе всю теплоту, какой могло обладать человеческое существо или животное. Прорываясь, пузырьки этой влаги высвобождали теплоту, которая распространялась по поверхности тела, собираясь под верхним слоем кожи. Когда я вошел в Акеми, теплая слизь выступила наружу, тонкими прозрачными струйками разливаясь по ее влажному влагалищу, жар, скопившийся у меня под кожей, вдруг бросился мне в вены и распространился по всей нервной системе, собравшись затем на конце моего пениса. «Как это возможно, чтобы этот орган, доставлявший мне столько удовольствия, был частью меня?» – думал я, двигаясь все быстрее. Я уже готов был кончить. Мне казалось, что какие-то карлики или какие-то маленькие, едва различимые под микроскопом путти, расположившиеся вдоль вагины Акеми и с ног до головы покрытые ее клейкой влагой, улыбаясь, щекочут конец моего пениса. Много раз мой вулкан готов был извергнуть семя, но тут же волна отступала, я менял положение, раздвигал еще больше бедра женщины. Ее лицо исказилось, как фотография, которую, сначала смяв, потом разгладили. Мне казалось, что выражение ее лица меняется с каждым толчком моих почек. Я превратился в порыв ветра, раздувающий парус, или во что-то подобное. Если бы я мог заснять этот момент, сцена вышла бы неповторимая. Мы оба вспотели, пот пропитал покрывало, и когда Акеми попыталась прижаться ко мне, мы мягко съехали на пол, продолжая слизывать друг с друга пот и другие выделения, покрывавшие наши тела. Затем мы громко рассмеялись, прильнув друг к другу и мерно раскачиваясь. Я ласкал пальцем ее шрам на бедре, похожий на маленькое чернильное пятнышко.

– Это сокровище, которым обладаешь только ты, – сказал я ей, прикоснувшись к нему.

– Перестань, это всего лишь мой детский стыд, сконцентрированный в этом шраме, проделки непослушного ребенка! – ответила она, поморщившись.

Она проговорила это, склонившись надо мной, и струйка слюны, скопившейся в уголке ее рта, пролилась мне на лицо. Я собрал слюну свободной рукой – другой я ласкал ее шрам – и облизал пальцы.

– Скорее это выражение, а не концентрация стыда, ты не находишь? – спросил я.

– Концентрация или выражение, во всяком случае, мне еще никогда не говорили ничего подобного, – ответила она, все теснее скользя своим животом по моему.

Смех вырывался из нее толчками, как будто она задыхалась, отчего вагина ее сжималась еще больше. Маленькие карлики или путти, едва различимые под микроскопом, защекотали меня быстрее и тоже громко засмеялись. Внутри моего черепа, как песчинки на поверхности пустыни во время подземных толчков, маленькие черные крапинки покрыли вдруг мой мозг, они всё скапливались, всё сгущались и скоро превратились в кишащую тьму – «Тьму зимней ночи без звезд», – подумал я в тот момент, когда Акеми впала в транс, по животу ее пробежали судороги, а пальцы ног свело. Я продолжал одной рукой вытирать слюну, сочившуюся у нее изо рта, а другой, оторвавшись от шрама, принялся растирать ей пальцы ног.

– Сейчас, сейчас все сделаем, – приговаривал я, массируя ей пальцы, отчего у меня вдруг возникло впечатление, что я раздвоился, что нас теперь двое – я и мой брат-близнец, или мой сын, который когда-нибудь у меня появится, я и мой ребенок, играющий со своим обожаемым концом, действуя при этом из лучших побуждений, будто бы для сохранения чего-то жизненно важного, для спасения всего мира и рода человеческого.

Я сказал это Акеми, но она уже больше ничего не слышала, она орала, с пеной у рта и полузакрыв глаза, это был один монотонный звук, рвущийся к бесконечному.

– Акеми! Акеми! – звал я ее. Она наконец уловила мой голос и попыталась проглотить слюну. Ее влагалище сжалось еще плотнее, будто пытаясь всосать себя, и тут яркая вспышка

пронзила мой мозг, погруженный в темную беззвездную зимнюю ночь, вспышка, рассыпавшаяся на тысячи других, подобно электрическому току, заполняющему неоновую лампу: я извергал себя по мере того, как поток света проникал в самые потаенные уголки моего черепа. Минут двадцать нас одолевали спазмы, и все это время я ласкал ее чернильное пятнышко, повторяя:

– Это сокровище, это сокровище.

– Я хочу, чтобы ты выслушал мою историю. Я хочу, чтобы ты выслушал мою историю.

Завязав на бедрах полотенце, Акеми стала набирать номер *room-service.* Она заказала шампанское и кока-колу, минеральную воду и пиво, яблочный сок и содовую. Первые три для себя, последние – для меня. Парень, который доставил нам заказ, был явно удивлен: «Это все для вас двоих?» – спросил он. Когда он вышел, мы оба рассмеялись, глядя на батарею стаканов, выстроившихся перед рядом бутылок. И так как Акеми смеялась, струйка спермы вытекла, запачкав ей бедра.

– Мне так стыдно, – сказала она, вытираясь, прежде чем начать свою исповедь. – Ты слушаешь, да? Эта история очень важна для меня, правда.

Речь шла об одном эпизоде из ее детства, о том дне, когда она почувствовала сексуальное желание, глядя на океан, повернувшись спиной к холмам, засаженным мандаринами, где цвели еще и каны. Объектом этого желания был некий Дак Дэйкс. Он был контрабасистом в одной рок-группе и носил солнцезащитные очки «Рэй Бэн».

– Я никогда и никому об этом не рассказывала, никогда за все мои тридцать три года, никогда с самого рождения, никогда и никому, даже тому, с кем я была до встречи с тобой.

Затем она рассказала мне о связи, которая была у нее с этим женатым мужчиной. Он был дизайнером, рисовал модели драгоценных украшений и разъезжал на сером «ягуаре». Она до сих пор не понимала, почему он обратил на нее внимание: у него была жена, в прошлом манекенщица, дочь, похожая на мальчика, он носил кожаную куртку, какие можно найти только в Париже и которая была ему к лицу, и он кончал, стоило Акеми вставить ему палец в заднее отверстие. Слушая ее, я не испытывал ни малейшей ревности и улыбался. Я знал, что отныне я больше никогда не почувствую ревности. Потом я подумал об этой женщине, той, которой я должен был перезвонить. Я выполнил ее условие, принял этот наркотик. Я почувствовал, как на спине у меня выступил холодный пот. Зачем эта женщина дала нам наркотик?

Первые лучи солнца уже проникли в комнату, а мы все еще не могли заснуть, сосали, облизывали друг друга, тщетно пытаясь совокупиться еще раз. Когда Акеми, наконец, уснула, я все еще был возбужден. Я стал мастурбировать, но мой член все никак не вставал, и хотя я сжимал его все интенсивнее, я так и не кончил.

На следующий день я не пошел на работу. Акеми ушла утром с большими черными кругами под глазами, она поспала всего два часа. «Ты мне позвонишь, да? Позвонишь?» – напомнила она мне раз пятьдесят, прежде чем уйти.

Потом я проснулся от телефонного звонка уже за полдень, звонили с ресепшн: номер уже нужно было давным-давно освободить. Чувствовал я себя отвратительно. Я снял трубку и набрал номер.

– Да.

– Мое имя Миясита. Это я звонил вам вчера.

– Минутку, – сказала женщина и отошла выключить музыку. Музыка была странная. Нойз, наверное, или что-то берлинское. Я не очень в этом разбирался. В конторе, где я раньше работал, мои сослуживцы, те, что помоложе, не раз пытались приобщить меня к такой музыке, но напрасно.

– Что у вас? Наш знакомый принял вас как подобает?

Вне всякого сомнения, судя по голосу, ей было около тридцати. Голос этот мог принадлежать женщине, уверенной в себе и немного уставшей от жизни. Однако стала бы она в свои тридцать слушать нойз?

– Да, я взял товар и проверил его незамедлительно, вчера вечером.

– А вы времени даром не теряли! Только давайте не будем об этом по телефону, хорошо?

– Да, конечно, я понимаю.

– Итак, как мы поступим? Я могла бы освободиться, когда вам удобно, потому что, полагаю, вас ждет работа, не так ли?

– Вчера я не был на работе, и, честно говоря, мы могли бы встретиться сегодня, если хотите.

– Мне очень жаль, но сегодня никак не получится, у меня другие дела. Однако нам надо увидеться как можно быстрее. Завтра, например, вы смогли бы?

Мы назначили встречу на следующий день. В три часа, в кафе отеля люкс в квартале Гинза. Значит, завтра я тоже на работе не появлюсь.

В конце дня ко мне явился коллега из конторы. Казалось, он обеспокоен. Ягуши работал в том же отделе, что и я; не то чтобы мы были близкими друзьями, однако шеф послал его справиться, что со мной.

– Тебе нездоровится? – спросил он, когда мы вошли в кафе, находившееся в доме, где я жил.

Ягуши был довольно вялый молодой человек, он носил длинные волосы и был лет на пять-шесть младше меня. Я проспал всю вторую половину дня и сейчас решил выпить горячего кофе. Ягуши, весь день проторчавший в темном и затхлом помещении, заказал себе пива.

– Да нет, не то чтобы, – ответил я, прежде чем выдать ему утку, которую заранее подготовил. – Мне нужно было доделать одно дело, отказаться я не мог, это отчет для моей прежней работы.

– А, ясно! А то шеф забеспокоился. Даже подумал, не собираешься ли ты увольняться. Что, интересная была работа?

Ягуши говорил, постоянно запуская пальцы в свою шевелюру и обдавая меня при этом невыносимым запахом своего лосьона: какие-то цитрусовые – лимон или апельсин. Я недоумевал, кому могло прийти в голову назвать освежающим запах подобного рода. Я был уверен, что Акеми тоже не находила освежающими мандариновые рощи, когда смотрела на океан, сидя на пригорке и изнывая от желания к этому контрабасисту из рок-группы. Сегодня мне без конца снились какие-то сны. И я до сих пор хотел спать. Каждая клеточка моего тела, казалось, требовала еще немного отдыха. Должно быть, я переборщил с любовью, или же это действие препарата, а может, и того и другого.

– Ты не хочешь об этом говорить? – спросил наконец Ягуши; на верхней губе у него остались усы от пивной пены.

– О чем?

Лицо у него было невыразительное, а кожа грязная и пористая, покрытая угрями.

– Ты нашел новую работу? Не бойся, я шефу не скажу. Не хочешь со мной поделиться?

То, что хотел услышать Ягуши, заключалось, вероятно, в следующем: с появлением цифрового телевидения высшего порядка открывалась новая эра, революция, которая должна была привести к реструктуризации в области видеопродукции и ее распространения. Трудно двигаться дальше с современной системой видеоклубов, зарождалась новая концепция видеокинематографии, или *videomovie*, и уже ощущалась нехватка квалифицированных руководящих кадров, даже если японский рынок и не был достаточно широк, чтобы развиваться в этом направлении в течение продолжительного времени. С ростом иены число съемок за границей постоянно увеличивалось, съемок, в которых были заняты в основном люди типа Мартышки,

не имевшие никакого таланта, но знавшие свое дело. Не то чтобы Ягуши был недоволен своим настоящим положением, просто он не терял надежды подыскать работу более интересную и, главное, лучше оплачиваемую.

– А чем бы ты хотел заниматься?

– Точно не знаю, что-нибудь в стиле Нью-Йорка, понимаешь? Не знаю, как объяснить, ну, скажем, работать с артистом в изгнании. Таким, например, как Михалевский, Ван Опен, Кучутолафуска, что-нибудь в этом роде.

«Что-нибудь в этом роде». Можно подумать, все вокруг знали, кто эти люди, имена которых он только что назвал.

– А если тебе самому уехать?

– Я не имею в виду столь упрощенный выход!

«Оказывается, бросить все и уехать в неизвестность – это упрощенный выход», – подумал я, но вслух ничего не сказал. Тот, кто накануне ночью выжал себя до последней капли спермы, должен был, вероятно, начать вдруг мыслить более открыто. Что, интересно, делает сейчас Акеми? Наверное, дрыхнет где-нибудь в состоянии, близком к каталепсии.

– Послушай, Миясита, тебе не кажется, что бросить какую-нибудь восточноевропейскую страну ради Нью-Йорка и бросить Японию – это совсем не одно и то же? Быть в изгнании – значит отказаться от своей страны, сохранив при этом некий долг перед ней, ведь есть еще ностальгия по родине, правда? Но вот я, например, в настоящий момент вряд ли смог бы испытывать нечто подобное по отношению к Токио.

Мне было интересно, откуда он взял эту речь, которую столь добросовестно сейчас мне выкладывал, как попугай.

– Ну так скажи мне, чем конкретно ты хотел бы заниматься?

– Чем конкретно я хотел бы заниматься? Вопрос не в этом. Как тебе сказать? Мне нравится творить, да, испытывать чувство, что ты что-то создаешь. Я обучался в школе фотографии. Многие мои друзья работают сейчас над собственными проектами: одни сопровождают маленькие группы рэгги на Ямайке, другие, пробравшись в среду Йокосуки, снимают *drag queens*[5]. Некоторые успели уже обрести известность. А я вот не тороплюсь, понимаешь?

Drag queens? Это еще что за штука? Какой-нибудь допинг? Розовая таблетка?..

– Я вижу, что ты размышляешь о многом… Скажи, ты когда-нибудь интересовался наркотиками?

Услышав мои слова, Ягуши как будто расстроился. Он, казалось, спрашивал себя, зачем теряет время, беседуя со старым идиотом, от которого он все равно не может получить сведений о подходящей работе. Я же думал о том, что он мог думать обо мне. Вероятно, шеф благосклонно отзывался обо мне, гордясь тем, что я пришел к ним из исследовательско-совещательного бюро, а не из независимой студии, какой-нибудь там ассистент съемок непонятно чего.

– Наркотиками? – пробормотал Ягуши будто сквозь сон. – Говорят, что их употребление чем-то напоминает некую форму религиозности, и мне трудно поверить, что наркотики могут быть феноменом, скажем, моды. Лично я считаю, что они станут одним из ключей к пониманию двадцать первого века, не в смысле волны энтузиазма, поднятой движениями освобождения духа в шестидесятые, с их упрощенными и даже смехотворными лозунгами, но – как бы это сказать? – мне кажется, что если подойти к этому вопросу как к занятиям бегом трусцой или хождению под парусом, то перед нами, без сомнения, открылись бы новые перспективы.

Ягуши, закинув назад свою челку, выговаривал все это, как какой-нибудь ученик, пересказывающий сочинение другого. Он готов был мгновенно проглотить все что угодно и потом

[5] Некое сексуальное направление: мужчины, изображающие женщин в жизни и на сцене, при этом очень редко меняющие пол *(англ.)*.

выложить все это, слово в слово. От собственного красноречия ему захотелось пить, и он как ни в чем не бывало заказал еще одно пиво. Интересно, платить за это придется мне?

– Ты уже пробовал? – спросил я.

Ягуши вдруг весь напрягся. Он оглянулся на другие столики и приложил палец к губам.

– Миясита! Ты не мог бы перестать задавать мне такие откровенные вопросы и говорить на подобную тему в общественном месте?

Мы сидели в обычном кафе, каких полно между Сетагайа и Шофу. Я знал, что оба официанта, работающие здесь, учатся в парикмахерской школе. Хозяин был добряк, который не интересовался ничем, кроме бейсбола и купли-продажи биржевых акций, и всегда готов был подать вам на редкость вонючий и вязкий *dry curry*[6]. Среди посетителей, оказавшихся здесь в этот час, было несколько коммерсантов, но в основном это были студенты технического лицея, располагавшегося по соседству, которые зимой и летом прилетали сюда на мотороллерах, набрасываясь на допотопные видеоигры. Мы могли хоть дюжину раз проорать во все горло слово «кокаин», не рискуя увидеть здесь полицейского. Почему Ягуши нравилось разыгрывать эту комедию? Отчего, стоило ему лишь раскрыть рот, как вы сразу понимали, что он всего лишь повторял уже где-то слышанное и делал это для того, чтобы убедиться в реальности услышанного?

– В наши дни в моде, скорее, стимуляторы.

Я выслушивал его все так же терпеливо, как будто даже проявляя интерес к своему молодому коллеге, который немного захмелел от выпитого пива и стал словоохотливей. Представим, что бывший коллега из исследовательского института, где ты раньше работал, кто-нибудь с довольно консервативными взглядами, попросил тебя набросать несколько слов на тему этого опасного мира, в котором мы живем. Наркотики являются настоящей проблемой для отсталых стран… Глядя на Ягуши, я представлял себе цыпленка, копошащегося у меня на ладони. Не помню точно когда, но я знал одного чудака, который выращивал цыпленка. Дрессировка состояла в том, чтобы давать ему зернышки на кончике бамбуковой палочки, тихонько гладя его при этом, чтобы он привык к вашему присутствию. Этот парень, должно быть, сначала вымачивал зерна в теплой воде, чтобы они немного размякли. Цыпленок к тому времени еще не совсем оперился, живот у него был почти прозрачный, поэтому можно было наблюдать, как проглоченные им зерна проникают в желудок и скапливаются там. К тому же цыпленок пока еще не мог переварить все зерна, которые проглотил, и так и выбрасывал их целыми вместе с пометом. Стоило лишь повторить эту операцию, чтобы цыпленок привык к вам и, перестав бояться, научился взбираться к вам на ладонь.

– Стимуляторы?

«Ягуши, как хорошо видны зернышки у тебя в желудке!»

– Миясита! Любая девчонка, побывавшая в хулиганской компании, поднимет тебя на смех с подобными размышлениями! Стимуляторы – это те же возбуждающие средства, как кокаин или амфетамины в Японии. Совсем недавно появилось еще экс. В периоды социального затишья в ходу слабые стимуляторы. А вот в кризисный период, скажем, война или конфликт какой-нибудь, скорее ударные: марихуана, опиум, героин. Сечешь?

– Ты, похоже, в этом спец!

«Ягуши, дружище, ты питаешься информацией!»

– А ты, Ягуши, ты что предпочитаешь?

– Вот так так! Миясита, ты что, из отдела по борьбе с наркотиками, шпик в штатском?

– Ты думаешь, спец по наркоте будет устраиваться в какую-то там студию видеофильмов?

[6] Блюдо из риса с мясным или рыбным соусом *(англ.)*.

– Конечно! – рассмеялся Ягуши. Смех клокотал у него в горле и свидетельствовал о довольно рудиментарной пищеварительной системе. – Может быть, тебе покажется, что это старо, но мне нравится ЛСД.

– И ты часто им балуешься?

– Нет, такое часто не принимают.

– А кокаин?

– Порошок – это просто игрушка почтенной публики! По мне, эти полосочки – низший уровень.

– «Каждый однажды находит наркотик, который ему подходит», – говорил Уильям Берроуз. Не то чтобы он был прав на сто процентов, но его слова не лишены смысла. Скажешь шефу, что на меня свалилась срочная работа, отчет по Среднему Востоку, нужно срочно доделать, старый должок.

– А ты уверен, что это не исследование, касающееся рынка и экономики производства наркотиков в Центральной Америке? – настаивал он, выходя из кафе с раскрасневшимися от алкоголя щеками.

На столике остались три пустые бутылки. Ягуши два раза пробовал экстази, «экс», как он говорил. Как случилось так, что этот цыпленок, обожающий зернышки, оказался таким стреляным?

Отель находился на границе квартала Гинза. Трудно было назвать холлом это огромное помещение с одной лишь стойкой приема посетителей, за которой находились две девушки. Здесь царила атмосфера *happy few*[7]. В этот отель вряд ли приходили люди, добравшиеся сюда на метро с несколькими пересадками. Не видно было и такси. Я примчался весь в мыле, оказавшись у входа одновременно с серым «бентли», который плавно проследовал под навес, высадив чету лет сорока. Оба были одеты так, словно только что вышли из шикарного модного магазина; выражение некой меланхолии появилось у них на лицах, когда перед входом в это отделанное мрамором здание они незаметным жестом руки ответили на приветствие услужливого портье. Я только что позвонил из метро Акеми Йокоте. Она как раз собиралась уйти с работы. Она чувствовала себя неважно, уже успела побывать у врача, жаловалась на боли в низу живота, врач спросил ее, не принимала ли она чего-нибудь сильнодействующего. «Слушай, Миясита, у тебя есть еще? Смотри не принимай без меня, ладно?»

До назначенной встречи оставалось еще около четверти часа. Я отправился в ванную смыть пот, кативший с меня градом; пол, стены, потолок – все было отделано мрамором. Я выкурил две сигареты. В кармане у меня по-прежнему болтался листок с номером телефона, который дал мне бомж, листок был совершенно измятый, и мне показалось, что я храню его как какой-то фетиш.

Чайный салон, куда меня направили, имел мало общего с кафе, находящимся в бельэтаже моего дома, где Ягуши лакал свое пиво. Число официанток намного превышало количество столиков, ни у одной из них не было крашеных волос или, скажем, желтых передничков с красными тесемками, завязанными на талии, передвигались они бесшумно, не производя того смачного скрипа губчатыми подошвами тапочек, потому что не носили их. Тысяча пятьсот иен – любой горячий напиток, с обязательным маленьким печеньицем, две тысячи стакан свежевыжатого апельсинового сока, который вам подавали на подставке с колотым льдом. *Dry curry* в моей забегаловке стоил семьсот пятьдесят. Я взял один чай «Orange Pekoe», который мне подали в чашке веджвудского фарфора. С назначенного времени прошло уже минут двадцать, однако никакой женщины, которая хоть приблизительно походила бы на ту, которую я ждал, не появилось. «Никого похожего», – пробормотал я, пытаясь представить себе эту женщину.

[7] Избранных *(англ.)*.

Я понял, что имел о ней довольно смутное представление – психологический портрет, составленный, так сказать, по голосу. Как она одевалась? Какая у нее могла быть прическа? Худенькая она была или, скорее, наоборот? Без понятия.

Одна из официанток в блузе с длинными рукавами, какие обычно носят пианистки или артистки, проскользнула между столиками, дернув маленький колокольчик и подав мне подносик с карточкой, на которой значилось: «Мистер Миясита». Я чуть было не вскинул руку, порываясь закричать, как ученик, который раньше остальных нашел ответ на вопрос, заданный учительницей, но сдержался и лишь улыбнулся, ограничившись незаметным жестом благодарности, когда наши взгляды наконец встретились. Она протянула мне беспроводной телефон, грациозно поклонившись, причем так, словно собиралась расстегнуть мне ширинку, достать *его* и сделать мне приятное.

– Я сняла номер. Вы не могли бы подняться ко мне? – сказала женщина, назвав номер апартаментов.

Я постучал. Дверь открылась, и, думаю, я никогда не забуду лица, которое увидел в проеме. Я передумал и перечувствовал все на свете, прежде чем увидеть его. Я не знал, что испытаю сейчас, если, зная ее необыкновенный голос, увижу самое заурядное лицо, – облегчение или разочарование. Наверное, и то и другое вместе. Я почувствовал, что мой бешеный пульс понемногу падает. Женщина была немного худовата, выше меня ростом и не носила высоких каблуков. Одета она была в яркий костюм из гладкой материи, конечно же, хорошего качества, который сидел на ней превосходно, сшитый, естественно, на заказ. Кажется, это не было изделие какой-то известной марки, хотя я в этом деле пока не эксперт, однако у вас непременно складывалось впечатление шика и роскоши. Запах ее духов тоже был очень изысканный, мне показалось, что голос этой женщины, ее манера говорить – все в ней было, как костюм, «надето» специально. Волосы были коротко острижены, как у моделей в модных журналах. Она достала сигарету из бордового чехла крокодиловой кожи, какую-то коричневую, без фильтра, и затянулась, медленно выпуская дым. Правая щека у нее казалась немного припухшей. Накрашена она была лишь слегка, неброский цвет помады…

– Спасибо, что пришли. Меня зовут Катаока. Кейко Катаока.

Я никак не мог отвести глаз от ее лица, хотя она уже предложила мне кресло с широкими подлокотниками – вероятно, антиквариат.

– Это становится навязчивым, почему вы так смотрите на меня? Вы заставите меня покраснеть. Хотите чего-нибудь выпить? В холодильнике есть пиво, или, может быть, предложить вам виски? Я сама не пью. Налью себе чаю. А вы располагайтесь, прошу вас.

Я был потрясен еще сильнее, чем когда услышал ее по телефону. Она была гораздо моложе, чем я предполагал. Она села в кресло, положив ногу на ногу. Чем дольше я смотрел на эту женщину, медленно выпускавшую дым французской сигареты, тем сильнее становилась моя уверенность, что ей не больше двадцати пяти. У нее были маленькие и очень узкие глаза в форме полумесяца, которые она щурила время от времени очень сильно, вероятно, из-за близорукости. Подбородок был вылеплен восхитительно, плавно переходя в дуги щек. Я не заметил в этом лице ни малейшего высокомерия, напротив, видел одну лишь утонченность. Когда она говорила или меняла положение, ее лицо выражало бесконечное множество нюансов, дополнявших ее движения. Раздражение, грусть… стоило ей слегка нахмурить брови, и выражение ее лица едва заметно менялось. Это была не та женщина, которую можно увидеть на телевидении или на страницах журнала «Gravia», вряд ли вы столкнулись бы с ней, выходя из ресторана, где подают одно лишь вязкое *dry curry.* Я стал размышлять о том, как мужчина может защититься от подобной женщины, если она вдруг им заинтересуется. Я попытался представить ее себе обнаженной, заигрывающей, но мое воображение отказывалось играть в эту игру. Напрочь, глухо. Я не мог ничего поделать.

– Каким вам показалось это средство? – спросила она, улыбаясь.

Я ничего не ответил, с тревогой ощущая, как из-под мышек у меня течет ручьями.

– Не беспокойтесь! Здесь мы можем говорить на любые темы. Именно поэтому я выбрала это место.

Я прекрасно знал, что с номером нет никаких проблем, проблемы были со мной.

– Может быть, вы согласитесь сначала выслушать мою историю? – спросила она, слегка наклонившись вперед. – Еще совсем не поздно.

– Нет, никак не могу. Извините. – Мне необходимо было немедленно покинуть это помещение. Всеми своими фибрами я чувствовал, что надо бежать. Опасность! Красный сигнал! Однако моя нервная система как будто все еще находилась под действием кокаина и экстази, я был не в состоянии и пальцем пошевелить. В горле у меня пересохло. Я залпом осушил стакан воды, стоявший передо мной на низком столике.

– Позвольте, это мой стакан!

Я почувствовал, как покраснел, весь, с головы до ног, услышав ее протестующий возглас. Мне было мучительно стыдно, я не мог выговорить ни слова, пытаясь извиниться. Я больше не мог смотреть ей в глаза. Что это было, что так бесповоротно овладело мной?

– Мой рассказ может затянуться, и очень надолго, – объявила Кейко Катаока.

– Да, – согласился я, напрягаясь всем телом.

– Но, прежде чем начать, я хотела бы, чтобы вы подробно рассказали мне, господин Миясита, о вашем пребывании в Нью-Йорке.

«Да, правда, так будет лучше», – подумал я. Я где-то читал, что необходимо начать делать что-нибудь, неважно что, чтобы освободиться от этого ощущения парализованности, которое могло овладеть вами в иных обстоятельствах. Заняться садом, подстричь лужайку перед домом, складывать пазлы, повертеть кубик Рубика – что-нибудь в этом роде. Я почувствовал, что не смогу долго переносить это состояние беспокойства, в котором сейчас находился, более того, само это состояние не могло бы долго сдерживаться в присутствии этой женщины, если бы мне пришлось выслушивать ее историю в этих апартаментах, отделка которых напоминала итальянский стиль, если только это не была замашка на европейский классицизм или постмодерн, но явно без американского влияния, в этих апартаментах, где все дышало роскошью. Пытаясь избегать взгляда Кейко Катаоки, я стал рассказывать про бомжа, обо всем, начиная с нашей встречи в Бауэри и до истории с Ван Гогом.

– Нет, ошибки быть не может. Именно этого человека я и ищу!

Она замолчала. Я никак не мог уловить чего-то главного в этой женщине. Не понимал я, и какой атмосферой проникнута эта комната. Я принялся осматривать все вокруг, пока женщина молчала, уставившись в свои колени. Я не мог делать ничего другого. Я оглядывал помещение не поворачивая ни головы, ни плеч, и, пришибленный, мог лишь водить глазами – эта женщина заворожила меня, от нее исходил какой-то необыкновенной силы магнетизм, который парализовал меня. Какое-то непонятное чувство стыда овладело мной, когда она воскликнула: «Позвольте… это мой стакан!» Я не мог объяснить себе природу этого чувства и застыл в страхе опять выкинуть что-нибудь не то. Люстра на потолке отражалась в стекле столешницы. Я не мог бы сказать, было ли это оригинальное произведение или простая копия, несмотря на украшавшие ее цветки лилии. Стебли лилий были из бронзы и расширялись к краю, как хобот слона, лампочки крепились в небольших соцветиях в форме чаши. Низкий столик представлял собой толстое овальное стекло, покоящееся на металлических ножках, покрытых почерневшей от времени позолотой и глубоко врезавшихся в толщу ковра. Ворс ковра был настолько длинный, что мячик от гольфа мог бы без труда затеряться в этой чаще. Женщина перестала созерцать свои ноги и остановила взгляд на столешнице. Она потянулась к стакану и, конечно же, вспомнив о том, что я уже пил из него, налила себе в другой и отпила глоток. Я завороженно наблюдал, как вода проходит по ее глотке. «Актриса, точно!» – подумал я. Честно говоря, я никогда не встречался с актрисами и не мог бы сказать, как бы актриса выпила стакан воды. Я

сказал «актриса», но не такая, какие сейчас мелькают на экране в рекламных роликах финансовых компаний. Скорее какая-нибудь зарубежная, из тех, что когда-то давно снимались в черно-белых фильмах, которые сейчас можно увидеть только в кинотеках.

– Я повстречала его в то время, когда мы оба достигли апогея, – сказала женщина, поставив стакан обратно на стол.

При слове «апогей» я почему-то сразу представил себе оргазм. И не только из-за того, что оно редкое. «Его, повстречала, оба, достигли…» – все эти слова в ее устах принимали какой-то… сладострастный оттенок. Это существительное как-то внезапно возникло у меня в мозгу, хотя я никогда его не употреблял. Может быть, оно было просто забыто и дремало во мне, чтобы вдруг появиться вновь, в ответ на какое-нибудь событие, или лицо, или случай? Что-то подобное уже произошло со словом «отчаяние». Оно всплыло у меня в памяти, когда я услышал голос этой женщины на автоответчике, слово, возникшее, как старый инструмент, засунутый куда-нибудь в гараж и вдруг внезапно вывалившийся из пыльного шкафа.

– Вы понимаете, что я имею в виду, когда говорю, что мы оба достигли апогея?

– Я думаю, вы намекаете на различие ситуаций, в зависимости от того, идет ли речь о мужчине или о женщине, – ответил я.

Она слегка улыбнулась. Эта улыбка лишь мимолетно коснулась ее губ и тем не менее вызвала новую встряску в моем арсенале забытых слов, и уже опять что-то новое готово было возникнуть у меня в мозгу, но то, что она прибавила, остановило начавшийся процесс.

– У вас дар к общению…

Ее комплимент вызвал у меня нечто вроде экстаза. «Я просто пес», – подумал я. «Пес», – прошептал я, и в тот же миг осознал, что нахожусь на краю пропасти. Я не понимал, почему у меня создалось такое впечатление. Что произошло? Что это за сила так крепко держала меня? Одно, во всяком случае, было вполне реально: эта женщина, которая сидела передо мной, разбирала меня по косточкам.

– Я очень рада, что именно такой человек, как вы, услышит мою историю. Этот человек был очень влиятельным продюсером. Я потом расскажу вам поподробнее, а пока примите к сведению, что года два назад все, кто вращался в кругах кино и музыкальной комедии, знали его имя. Он пользовался широкой известностью. В то время я была еще почти ребенком, хотя и очень любопытным и довольно развитым в некоторых областях. Мне несколько трудно представить вам полную картину, но вот, к примеру, я могла, лишь посмотрев на руки мужчины, вполне точно охарактеризовать его личность.

Она помолчала, прежде чем продолжить, и тон ее голоса вдруг странным образом изменился: «Лишь…»

– Лишь посмотрев на руки или на лицо мужчины, я могу точно представить себе форму его члена, размер, цвет, каким он станет при эрекции, его способность сдерживать семяизвержение, то, как пойдет сперма в момент эякуляции, – я способна определить все это.

Она пронзительно рассмеялась, как недоразвитый ребенок, рассматривающий комиксы, застучала руками и ногами и завертелась во все стороны. Это был какой-то судорожный смех, который, казалось, отрицал мое присутствие: меня здесь больше не было. Я чуть не выскочил из кресла. Ее личность вдруг высветилась в совсем ином ракурсе, как если бы певица, поющая колыбельную, вдруг перешла на ритмы энка. Я был так ошарашен, что мне потребовалось определенное время, чтобы прийти в себя.

Кейко Катаока скоро вернулась к своему обычному тону и манере выражаться, как если бы эпизод, только что имевший место, был просто икотой.

– Извините мне мою вульгарность. Надеюсь, что не вызвала у вас антипатии…

– Вовсе нет, – помотал я головой.

Я не мог вытянуть из себя ни капли слюны. Стенки моего пищевода как будто слиплись. Я спросил у нее, могу ли я выпить пива. Она разрешила. Я выбрал на полке «Хайнекен» и тут

же выхлестал половину прямо из бутылки. Я почувствовал, как сердце мое немного успокоилось, и смог наконец подумать о том, что означал этот эпизод. Мне показалось, что я начинаю немного понимать, что за смутные чувства поселились внутри меня с тех пор, как я встретил бомжа и потом услышал этот голос в автоответчике и наведался к Поросенку. Было некое противоречие между благородством Кейко Катаоки и тем миром, в который я уже готов был войти. Я чувствовал, что тот, кто подвержен столь внезапным кризисам и с такой легкостью меняет поведение, должен был скрывать какой-то секрет, и в некотором смысле это обнадеживало.

– Я боюсь, что вы меня неправильно поймете, если я не объясню более подробно всю ситуацию. Если бы мне надо было подобрать более точное слово, чтобы вы лучше поняли меня, я бы сказала, что проявляла свои таланты в… садомазохизме. Вы понимаете значение этого слова, не правда ли?

Я подтвердил:

– Я встречал нечто подобное в журналах и в видеофильмах.

– Отлично. Этого вполне достаточно. Некоторые клиенты, которых не удовлетворяло собственное воображение, прибегали к моим услугам. Чтобы быть до конца честной, я могу добавить, что и мне самой это доставляло удовольствие. Я была довольно необычным ребенком, который был бы обречен на никчемное и безвестное существование, если бы не был вынужден проживать свою жизнь, без конца стремясь удовлетворять собственные желания. Вы следите за моей мыслью?

Я склонил голову набок, как бы в знак подтверждения, пытаясь тем самым дать ей понять, чтобы она продолжала. Я уже приговорил свою бутылку пива. За легкими тюлевыми занавесками окон начинал оживать квартал Гинза. Небо было пасмурным, так что не видно было теней, ни один звук с улицы не проникал сюда, и все там было каким-то нереальным. Кейко Катаока вновь положила ногу на ногу. Вид ее колен, икр, лодыжек, затянутых в черные чулки, еще больше подчеркивал нереальность внешнего мира, который я наблюдал за окнами. Я уже не знал, куда смотреть, что думать. Потом я вдруг заметил, что допиваю уже вторую бутылку, хотя совершенно не помнил, как достал ее из холодильника.

– Как-то очень давно один человек, которого я любила, сказал мне: «Кейко, ты женщина, которая очень легко может превратиться в проститутку». Такое можно сказать почти о любой женщине, ведь всякая женщина по природе своей уже проститутка, не так ли? В конце концов, почему бы и нет? Является ли проституция феноменом, который на руку мужчине? Женщине? Честно говоря, не важно. В моем случае важно то, что это могло позволить мне реализовать мои нимфоманские наклонности. Думаю, что первопричина была в этом, не считая денег, конечно. Машина с личным шофером. Это, естественно, тоже имело определенное значение. Роскошь. Именно так я начала пробовать все подряд. Но, как бы это сказать? Какая я? Усталая? Постаревшая? Поблекшая? Потрепанная? Какое у вас впечатление от садомазохизма?

Во всех журналах, на всех видеопленках, какие мне попадались, я видел женщин всегда только связанными и насилуемыми. Стоило мне представить в подобной ситуации Кейко Катаоку, ее, которая только что сказала, что занималась этим, как мысль эта тут же непонятным образом возбудила меня. Сколько нужно было выложить денег, чтобы получить удовольствие связать эту женщину и изнасиловать ее, какой формой власти нужно было обладать? Сколько это стоило? Это развлечение доступно лишь очень богатым людям – был единственный ответ, который я мог себе дать…

– Вы правы. Но вовсе не из-за этого мужчин – поскольку все они могут найти нужные средства – привлекают подобные развлечения, понимаете? Конечно, этот мир останется недоступным для неимущих. В детстве я много выстрадала из-за своей склонности к нимфомании. Выстрадала… я не говорю о тех страданиях, которые испытываешь, когда очищаешь от травы рисовое поле, когда вся грудь в крови от режущих языков осоки, нет, скорее я имею в виду тот факт, что добропорядочные мамаши запрещали своим мальчикам, за которыми я ходила как

привязанная, поскольку они были такие миленькие, приближаться ко мне: еще будучи ребенком, я прекрасно понимала механизмы появления желания, способы сосредоточиваться на нем и им управлять, понимала, что девочка устроена гораздо сложнее, чем мальчик, что желание мальчика находит свое логическое завершение в эякуляции и что между мужчиной и женщиной столь же большая разница, как между земляным червем и бесконечным космическим пространством.

Она умолкла и отпила из стакана. Я проследил за движением воды, от которого напряжение кожи на шее постепенно менялось. Эта женщина могла делать все что угодно, и все сразу же принимало драматический оборот. Неужели она на самом деле позволяла связывать и насиловать себя? И может быть, именно воспоминание о подобных вещах оставило свой отпечаток на ее лице в виде трагического выражения?

– Надеюсь, мой рассказ не очень утомил вас?

Я замотал головой в знак отрицания. Я чуть было не сказал, что находиться с ней в одной комнате само по себе было настоящим счастьем, но сдержался. Я вспомнил слова Поросенка: «Вы даже не можете представить, насколько это необыкновенная личность, рядом с ней все эти Хибари Мисора и Ямагучи Момое – просто дерьмо». Честно говоря, мне никогда не представлялся случай встретиться с Хибари Мисорой или с Ямагучи Момое, и мне трудно было как-либо оценить высказывание Поросенка. Тем не менее здесь я впервые понял смысл выражения «иметь ауру».

– Круг садомазо с некоторого времени, кажется, становится более демократичным. Любая девица – и не важно, что у нее в голове одна паутина, – отныне может оказаться связанной простым кушаком и отделанной по полной программе. Кто угодно, имеющий хоть небольшую склонность к садизму и решивший воспользоваться возможностью кончить немного иначе, может снять себе девицу за несколько тысяч иен. Но все это пока еще овеяно романтизмом и совершенно непрофессионально на практике, к тому же число настоящих маньяков весьма ограниченно, и мне на самом деле долго пришлось пытаться свести вместе земляного червя и бесконечное космическое пространство. В конечном счете во всем этом не было ничего, что позволяло мне выразить собственные желания, и я перестала работать по клубам. У меня уже было достаточно клиентов, чтобы обходиться без посредников. В то время мне еще не было двадцати, но уже был свой круг постоянных партнеров. Думаю, вам трудно будет представить, какие мне выкладывали суммы. Я часто ездила за границу и всегда останавливалась в апартаментах. Среди моих клиентов были и иностранные высокопоставленные чиновники, для которых я была их маленькой гейшей, много раз я могла быть втянута в крупный политический скандал, а это страшно. В юности годы для меня неслись со скоростью света. Время от времени мне случалось участвовать также и мазохистских играх. Вы слушаете? Я жила в постоянной мечте, несомненно, потому что встретила мужчину, который был способен полностью, всецело и безраздельно мною повелевать. Я доходила до крайностей, обретая довольно трудный опыт. Я даже проявляла интерес к грязной порнографии. Думаю, вы понимаете, о чем я, ведь вы принимали экстази. Не так ли?

– Думаю, понимаю, – ответил я.

Кейко Катаока одобрительно улыбнулась, однако улыбка тут же слетела с ее губ. Моя нервная система все еще бурлила. И не одно лишь воспоминание о том, что я испытал, когда мой член ласкали влажные и теплые губы партнерши, волновало меня. Я все еще находился в состоянии крайнего возбуждения, которое полностью владело мной, выворачивая меня наизнанку. Я испытал желание быть растерзанным на куски, я хотел бы, чтобы меня искалечили. Да, это желание, которое я узнал на деле, это возбуждение было мне понятно.

– Когда я была еще школьницей, благодаря профессии моего отца мне выпала возможность побывать на побережье в Штатах, потом в Гамбурге. Именно тогда я пристрастилась к наркотикам. Вначале я плохо переносила действие марихуаны, но потом привыкла. Затем,

однако, всегда наступает момент, когда строить свою жизнь вокруг секса и наркотиков становится весьма не просто, вы понимаете… Я иногда спрашиваю себя, как я до сих пор не умерла. В то время во мне, конечно, жила некая амбиция. Я заключила определенные соглашения с некоторыми влиятельными и могущественными людьми, что позволило мне организовать собственную сеть, не опасаясь вмешательства полиции. У многих из моих друзей возникали проблемы с правосудием. При всем при том я лишь годам к двадцати, или даже чуть позже, почувствовала, что во мне живет что-то, что я не могла бы точно описать. Состояние, схожее с тем, в котором, должно быть, оказываются люди, пораженные раком. Что-то подобное и одновременно отличное от этого, какая-то пустота, которая, несомненно, была во мне, но которую до сих пор мне как-то удавалось заполнить, замаскировать, скрыть от себя самой. Я ее чувствовала. Не то чтобы это появилось недавно. Нет. Оно было всегда, но я только тогда вдруг осознала это. Я очень хорошо помню тот момент. Это было в начале зимы, в одном из жарко натопленных номеров «Нью Отани» или «Принц Отеля» в районе Акасака, точно не помню, – в общем, в одном из тех отелей, которые еще славились своим прежним названием, хотя все внутри уже было переделано. Одну мою подругу вызвали для сеанса втроем, и она попросила меня пойти с ней. Я в то время уже не работала на клубы и даже перестала брать новых постоянных клиентов. В тот вечер я согласилась только потому, что она меня попросила. Клиент был молодой человек. Мне, честно сказать, было все равно, сколько мне заплатят, если давали наркоту. «Я в душ», – сказала я и отправилась в ванную нюхать порошок. Да-да! В то время в моде был кокаин, и мои носовые перегородки уже превратились в отрепья! Сеанс садомазо гораздо интереснее с кокаином, особенно если имеют именно тебя.

Слушая ее, я почувствовал, как во мне начинает принимать определенные очертания все то, что до сих пор было овеяно ореолом двусмысленности. Я вдруг начал различать все довольно четко, как если бы до этого смотрел на картину, не замечая ее основных мотивов. Это ощущение появилось у меня впервые в Нью-Йорке, когда Мартышка дал мне понюхать кокаин. Картина Кейко Катаоки, подчиняющейся мужчине, заставляющем ее принимать унизительные позы, сменилась иллюзией, что до настоящего момента мне было доступно лишь смутное представление об *истинном* возбуждении и удовольствии. Я внезапно ощутил непреодолимое желание пасть перед ней ниц. Я не хотел верить в реальность этого желания, но никак не мог изгнать его, и это угнетало меня: мне хотелось разреветься, как маленькому ребенку, запертому в темном и холодном помещении. Это желание постепенно овладевало мной. Ни отец, ни мать, ни Акеми – никто не смог бы мне помочь, я чувствовал, что это желание готово оторвать меня от меня самого. «Сейчас бы порошка», – подумал я. Мне хотелось раздеться донага перед этой женщиной, встать перед ней на колени, лизать кончики ее туфель. В тот момент, когда эта мысль пронзила мой мозг, я ощутил легкое головокружение и почувствовал, что у меня встает. Ее взгляд остановился на моей ширинке, и я понял, что она знала, что со мной творится. Она ничего не сказала, и я опять покраснел от стыда. Я дрожал. Я уже был не в состоянии управлять ситуацией. Меня будто парализовало. Желание полностью овладело мной, и я впервые почувствовал, что оно сильнее меня. Кейко Катаока продолжала свой рассказ. Я знал, что она прекрасно понимает, в каком состоянии я находился.

– Итак, мы начали раздеваться перед этим мужчиной, принимая самые унизительные позы, какие знали. А знали мы их немало, поскольку нам с ней не раз случалось предаваться лесбийским играм. Однако у клиента не вставал. Он сидел, развалившись на софе, расставив ноги, и лишь теребил свой вялый пенис. Не то чтобы этот парень был в доску пьян, но ему никак не удавалось завестись. Потом начал действовать кокаин, и мы с подругой увлеклись лесбийскими играми, как вдруг я ощутила непреодолимое желание быть изнасилованной самцом. Я обернулась к клиенту, готовая просить его стегать меня кнутом или пощекотать мне дырку вибромассажером, как вдруг увидела этого идиота, который, закрыв глаза, слушал плеер, на нас он даже не смотрел, он балдел от Сантаны, я поняла это по звукам, доносившимся из

наушников. Положение было до того нелепым, что я рассмеялась… Ха! Ха! Ха! Эй! Миясита! Придурок, ты меня слушаешь?

У нее опять начался припадок. Лицо изменилось в мгновение ока. Я подумал, что сердце у меня сейчас остановится.

– Да-да, я слушаю, – промычал я.

– Было бы некрасиво, если бы вы меня уже не слушали, тогда как я не дошла еще и до половины!

Она скоро обрела свой обычный тон, но мне уже не удавалось успокоиться. Сердце мое стучало как сумасшедшее.

– Я внезапно осознала, что лишилась воли. Сечешь? Эй! Миясита! Вы меня ясно понимаете?

Принимая во внимание то, каким образом происходил разговор, одно я понимал совершенно ясно: Кейко Катаока замечала малейшие изменения в настроении того, кто был у нее перед глазами, и меняла свое поведение в зависимости от реакции собеседника. Если она задавала вам вопрос, вы спешили ответить ей незамедлительно, и неважно, что она ожидала от вас ответа продуманного, относящегося к сути дела и точного.

– Вы хотите сказать, что система, в которой вы находились, не давала вам свободно выразить свою волю, не так ли? – ответил я, весь дрожа.

У меня стоял, и я чувствовал, что она это знает. Усилие, которое я предпринял, чтобы сформулировать этот ответ, сдавило мне виски, тогда как я желал лишь одного – валяться у нее в ногах. Данная ситуация напомнила мне тот день, когда я, не имея на руках никакой информации, должен был составить отчет, каким бы малодостоверным он ни оказался, об иракских войсках во время ирано-иракской войны.

– Система… Гм, вы и правда очень сообразительны!

Она сказала это лишь для того, чтобы сделать мне приятное, но таким тоном, который мог бы одновременно означать: «Вот видишь, как ты умеешь вертеть хвостом, славный песик, которого гладят по спинке», или же: «Сразу видно, что ты за словом в карман не полезешь, сказывается работа в этом исследовательском институте!»

– Именно. Именно так. Но это не означало, что я вдруг осознала, что зашла не туда, что жизнь моя – это провал. Вы ведь это тоже понимаете? Вы же не просто кукла, которая только и может, что кивать головой, соглашаясь со всем, что бы ей ни сказали. Я не ошибаюсь, не правда ли? Поскольку, надо признать, именно этого больше всего не хватает в этой стране – людей, которые умеют слушать. Именно из-за этого в стране сейчас упадок. Проблема существует именно на этом уровне. Это всегда напоминает мне мышей. Раньше бедняки держали белых мышей как домашних животных. Вы видели таких? Эти мыши постоянно бегают по клетке. Вам не кажется, что люди вокруг нас подобны этим мышам? Как будто больше ничего уже в этой жизни их не ждет и не касается. Я думаю, что отчасти и из-за этого я решила перепробовать все, пусть даже самое тяжелое и отвратительное. Я познала очень сильное возбуждение, оргазмы, большие и маленькие, оргазмы белых мышек и китов. Оргазмы, которые пронзали мое чрево и захватывали мой мозг, и другие, более легкие, которые лишь щекотали мне клитор. Но у меня никогда не складывалось впечатления, что я исчерпала все возможности. Вот что я поняла, увидев этого мудака, слушающего Сантану, музыку, выражающую неврастеническую меланхолию, которая поразила Европу, этого ущербного, не способного даже на небольшую эрекцию члена, которого так изнывающе требовало мое нутро. Я вдруг ощутила себя такой жалкой, что мне захотелось разрыдаться. Затем эта грусть довольно быстро превратилась в неудержимое желание рассмеяться. Конечно, не было и речи о том, чтобы расхохотаться перед клиентом, однако я смеялась, я смеялась про себя. Я тогда ясно поняла, что мне надоели все эти сеансы, проходившие совершенно однообразно, по одному и тому же сценарию. Несомненно, я бессознательно пристрастилась к ним и сохраняю эту привычку и по сей день, но они вдруг

показались мне лишенными всякого смысла, честно говоря, они были какими-то слабыми. С того дня я решила сократить поле деятельности и ограничиться моей обычной клиентурой, я становилась холодной и расчетливой хозяйкой своих желаний. Такое положение меня устраивало больше. Я стала брать уроки фламенко, путешествовала: Севилья, Барселона… Я была уверена, что однажды встречу садиста, которого так жаждала моя душа. Тогда-то я и познакомилась с этим человеком.

Кейко Катаока неестественно медленно опорожнила свой стакан. Лед в нем растаял, и на стенках образовалась тонкая испарина. Я смотрел на нее: она пила, стараясь, чтобы капли не упали ей на юбку. Откуда это? Сеансы садомазо? Фламенко и жизнь в обществе, ужины в роскошных ресторанах с ее обычными клиентами? Я не мог бы сказать, но ее манеры выдавали скорее давно и тщательно усвоенную привычку, нежели врожденную склонность к аккуратности. Ничто в ее поведении не могло навести на мысль о случайности.

– Когда мне его представил один из моих знакомых, вращавшихся в этих кругах, он как раз ставил музыкальную комедию, темой которой была Куба сороковых годов. Должно быть, увидев его впервые, я уже почувствовала что-то особенное, потому что на встречу, которую он назначил мне у себя в отеле, явилась с набором особенных инструментов, которыми уже давно не пользовалась. Он выбрал отель, не похожий на «Окуру» или «Империал», там никогда бы не поселились снобы, с которыми я встречалась. Казалось, этот человек ненавидит подобные места, которые все еще дышали атмосферой эпохи пост-Мэйдзи. Он был невысокого роста, но крепкий, как крестьяне, без всяких комплексов, гордый и полный жизни. Заядлый токсикоман, хотя и более умеренный, чем я. Будучи поклонником Боба Фосса, он уже поставил множество музыкальных комедий, продюсировал кубинскую комедию, постановку которой доверил хореографу с Бродвея. В первую же нашу встречу он принял экстази и заставил меня принять тоже. Только потом он начал рассказывать мне свою историю, почти так же, как я это делаю сейчас. В его истории не было ничего особенного. Обычная *success story*[8]: провинциал, столкнувшийся с проблемами в семье, и все же сумевший преуспеть. Меня привлекло скорее то, как он держал себя. Его манера рассказывать, выстраивать факты захватила настолько, что я уже чувствовала влагу между ляжками. Ему нравились мои стопы. Обычно он брал их в рот и сосал, эта странная церемония повторялась каждый раз, как мы встречались. И я признательна ему за то, что он всегда умел до конца исполнять эту роль садиста, поскольку сосать ноги женщины – это акт, который легко развивает у мужчины садистские наклонности. Именно в эту ночь между нами возникло нечто вроде преступного заговора. В эту ночь он не кончил. Как, впрочем, и в следующий раз, да и все последующие, наша связь не развивалась в этом направлении. К тому же встречались мы довольно редко, и лишь его предложение сыграть небольшую роль в его мюзикле толкнуло меня на решительный шаг: я покинула Европу и отправилась в Америку. Думаю, сегодня у меня уже не было бы сил жить дальше, если бы я не сохранила воспоминание о том времени. Это был период в моей жизни, о котором я никогда никому не рассказывала, и вам, при всем моем желании, вряд ли осмелюсь рассказать. Мы много разговаривали. Сколько раз я уже думала, что умру, – столько героина, кокаина и экстази попало в мою кровь и внутренние органы… Мы сразу решили, что пойдем до конца. Да, до самого конца.

Кейко Катаока не спросила меня, знаю ли я, где этот предел. Она сидела неподвижно, ссутулившись, невозмутимо глядя на стоявший перед ней стакан, и, похоже, не собиралась ни о чем меня спрашивать, хотя до сих пор систематически следила за моей реакцией, произнося какие-то слова, которые могли оказаться ключевыми. В профиль ее лицо показалось мне вдруг сильно состарившимся. Ей можно было дать где-то между тридцатью и сорока… Даже нет, если бы ее сейчас сфотографировали, кто угодно поверил бы, скажи вы ему, что перед вами шестидесятилетняя актриса после лифтинга, не в том смысле, что это лицо вдруг сразу лиши-

[8] История успеха *(англ.)*.

лось всей своей выразительности, а как будто что-то глубоко въелось в кожу этого лица. Я уже решил для себя, что удовольствие и разврат слепили эту женщину, однако в этот момент я понял, что здесь было нечто другое, похожее на то, что я ощутил, впервые услышав ее голос на автоответчике. Ее присутствие разлагало меня, и я панически пытался отыскать в этом отчаянии, поселившемся в ней, то, что могло бы меня спасти. Напрасно пытался я оттолкнуть это черное желание пасть к ее ногам. В какое-то мгновение я уже решил, что она сейчас расплачется, рухнет передо мной или заорет. Но некий невидимый барьер, который отгораживал ее от меня, выдержал, и я почувствовал, что это ее отчаяние, тяжелое, как свинец, вынуждало меня отступить. Я не знал, чем помочь ей, и эта мысль была невыносима. Я сам себе был противен. Я хотел бы умолять ее наказать меня, чтобы она полностью властвовала надо мной, хотел бы дать ей право распоряжаться моей жизнью, как и моей смертью. Сила этого отчаяния, которое она противопоставила мне, подавляла мою волю и пускала по ветру все, что составляло основу моей личности. Мне казалось, что мои чувства, мой жизненный опыт, все, что я знал или полагал, что знаю, – все во мне разъедалось полчищами термитов. После всего, что она сказала, я просто не мог вот так сидеть дальше и слушать ее. Я чувствовал, что должен сделать что-то, но не знал, что. Наверное, то, что удивило бы меня самого: повалиться на пол, спустить штаны, ерзать своим членом по ковру, раскусить, разбить, разжевать стакан, из которого только что пила Кейко Катаока, или исполосовать себе грудь ножом, валявшимся тут же, у корзины с фруктами. Вот что мне хотелось сделать, и это напугало меня. Несомненно, я именно хотел показать ей, что готов отказаться от всего, чем был раньше, чем всегда была моя жизнь.

Она вновь заговорила, не обращая внимания на то, что со мной творилось.

– Итак, между нами возникло нечто вроде преступного заговора, хотя это выражение еще довольно невинно. Но существует ли какой-нибудь термин, подходящий для определения этой связи? Сдается мне, любые слова окажутся слишком слабыми, чтобы выразить это. Это была любовь, да, именно любовь, такая, когда говорят: «Я люблю тебя». Все, даже те, для кого весь мир сводится только к пропалыванию поля, к нудной обязанности поддерживать огонь для производства древесного угля или высчитывать время, необходимое для высушивания скумбрии, – все они используют эти три слова: «Я тебя люблю». И мы тоже, потому что других слов для этого у нас не было. Мы часто говорили это друг другу: «Я люблю тебя. Я тебя люблю. Я люблю только тебя, скажи мне еще раз, скажи, что ты любишь только меня». Потом наркотики и деньги в одно мгновение втолкнули нас в опасную зону, куда мы влетели со скоростью триста километров в час, как гоночная машина, сразу со старта. Я приведу пример, иначе, боюсь, вы не сможете представить себе, о чем я говорю. Это случилось спустя месяц после нашей первой поездки. Мы вернулись в Европу после Нью-Йорка. Вы понимаете, зачем нам понадобился Нью-Йорк, не так ли? Нам нужен был чистый и качественный товар, в Европе же запутанность связей с сицилийской мафией, корсиканскими гангстерами или арабскими дилерами сказалась на качестве самым плачевным образом: к великому сожалению, эти люди не любят работать напрямую с колумбийцами. В Нью-Йорке мы сняли апартаменты в «Плаза Афина», наверное, чтобы как можно скорее оказаться в привычной для нас европейской обстановке, или по какой-то другой причине, уже не помню. Экстази, кокаин, экстази, кокаин, экстази, кокаин – по полной программе, естественно. Благодаря посредничеству одного его знакомого нам выпала возможность присутствовать на одной премьере на Бродвее. И поскольку было по-осеннему прохладно, он купил мне белую норковую шубу у Фэнди. Наркотики, которыми мы накачивались, стали гасить наши запасы аминовой кислоты. Каждый вечер мы заказывали суп из плавников акулы в одном заведении, которое превосходит все, что вы можете найти даже в Гонконге, – в ресторане на углу Кэнал-роад и Элизабет-стрит, и конечно, вы не отыщите такого в Европе, где китайская кухня в последнее время оставляет желать лучшего. Четыре дня спустя мы пересекали Атлантику на борту «конкорда», чтобы отдохнуть пару дней в отеле «Крийон», прежде чем вернуться в Барселону, которая стала для меня второй родиной. Из Барселоны мы

отправились на Ибицу прошвырнуться по дискотекам и доставить себе странное удовольствие заставить исходить слюной от желания всех этих жалких людишек, понаехавших из Северной Европы и проводящих свое время на нудистских пляжах. Затем курс в отеле «La Mamounia» в Марракеше, где мы провели дней пять и взяли напрокат «лендровер», чтобы посмотреть пустыню. Затем… Затем Миконос или Канарские острова, я уже не помню, да это и не важно, в общем, какое-то время мы разъезжали по региону, прежде чем остановиться подзаправиться в Риме: фунжи, паста, вестика. И наконец Венеция, где мы добили остатки наркотиков. Венеция! Венеция! Я произношу это слово и чувствую, что опять теку. Ах! Но что поделаешь?

Произнося эти слова, Кейко Катаока была похожа на старую актрису, вымучивающую свою игру, скрестив руки на груди и переигрывая ностальгию по ушедшим временам. Я ощутил, как немного спермы скатилось с моего члена, когда она произнесла эти слова, вся сияя от удовольствия: «…чувствую, что опять теку».

– И тут произошло нечто, что мы осознали не сразу, но чего ожидали во время всего нашего путешествия: все удовольствие, которое мы могли получить вместе, достигло своих пределов. Мне лично уже приходилось участвовать в любовных оргиях, когда я была еще школьницей: групповухи на троих, на четверых, у меня была настоящая способность организовывать все это… геометрически. Да, настоящая способность. И вот, у нас обоих вдруг появилась уверенность, что пришло время ввести в наш союз третьего, женщину, что окончательно укрепило бы наш преступный сговор. Сам по себе этот факт не представлял для нас никакого табу, тем более что этот мужчина привык снимать себе сразу двух-трех девушек. Я первая заговорила об этом, когда мы летели в самолете японской авиакомпании из Венеции в Японию через Париж, и мое предложение заинтересовало его, и он принялся рассказывать мне, как когда-то в Бразилии, когда доллар котировался необычайно высоко и один грамм порошка стоил всего десятку, он как-то купил двадцать граммов чистого боливийского, высыпал его горкой на стол и стал обмазывать этим кокаином анус проституткам-метискам, в общем, какая-то дурь в этом роде. Вот тогда-то мы и решили обзавестись третьей. Этот человек был настоящим садистом, но, похоже, постоянно страдал от необходимости выбирать. Я вам об этом уже говорила: садист – это человек, который может существовать лишь в математически выстроенном мире. Другими словами, он задавался вопросом, как помочь своей партнерше проявить ее мазохистские наклонности, не теряя при этом собственного возбуждения, если его конечной целью было кончить в тот момент, когда она мочится ему на лицо.

Больше я не мог этого выносить. То, что я чувствовал, походило на неудержимое желание отлить, когда терпеть уже не было мочи. Я вошел в опасную зону, слушая, как Кейко Катаока говорит обо всех этих оргиях, проститутках, анусах и моче. Я чувствовал, что начинаю терять контроль над собой, и, собрав последние силы, попросил ее прерваться на пару минут, панически ища предлога вырваться из этой комнаты. В номере, естественно, был туалет и телефон.

– Я прошу меня извинить, но мне необходимо немного расслабиться: могу я сходить за сигаретами и покурить в холле отеля? – было единственное, что пришло мне в голову.

– Пожалуйста, но возвращайтесь скорее!

Как только я вышел из номера, у меня закружилась голова: должно быть, процентные соотношения давления и влажности в коридоре были другими. Это не было похоже на ослепление, я медленно пробирался по стеночке, будто только что сошел с карусели в луна-парке, по коже у меня побежали мурашки, и тут меня чуть не стошнило. Идя к лифту, я почувствовал, что все мое возбуждение как бы сконцентрировалось у меня в затылке, вокруг меня пахло чем-то кислым, и этот запах уже пропитал всю мою одежду. Спустившись в холл, я сразу бросился к туалету, зажимая рот ладонью. Меня уже начало тошнить, до того как я успел влететь в кабинку. Я чувствовал, как желчь забурлила у меня в желудке, поднялась по пищеводу и уже текла меж пальцев. Меня стошнило, однако легче не стало. Желудок, горло, затылок, виски

– все во мне пробирало дрожью, которую я никак не мог унять и даже не понимал, откуда это, один только пенис был твердым. Я стал тискать его. Мне даже не надо было концентрироваться на словах Кейко Катаоки, ее манере говорить или представлять себе ее тело, достаточно было вспомнить атмосферу той комнаты в присутствии этой женщины, чтобы кончить. Оргазм затянулся настолько, что сперма, вытекшая мне на руки, уже начала засыхать, когда я пришел в себя.

Удовлетворив себя, я почувствовал, что в голове у меня пусто и что я потихоньку начинаю успокаиваться. «Беги, скорее», – крикнуло что-то внутри меня. Это был голос, который я никогда еще не слышал. «Все говорит об опасности. Ты никогда еще не подвергался такой опасности, и источник этой опасности сидит в тебе самом, – вопил голос. – Ты не готов кинуться в эти черные воды, с которыми тебе не справиться. И ты это знаешь. Тебе надо проанализировать все новые данные. Неиспользованная информация – это не информация, напротив, это иллюзия. Тебе нужно бежать, сейчас же. Никто за тобой не погонится…» Кейко Катаока будто околдовала меня. Впервые я перечувствовал столько необычного и находился в таком состоянии. Я уже больше не знал, кто я. Слово «личность» внезапно всплыло в моем сознании. Именно личность, а не характер, другими словами, то, что являлось основой меня, представляло собой некую эссенцию, сущность меня как человека. Я существовал, мог двигаться, был финансово независимым, я являлся служащим конторы, у меня была семья, мое тело, внешние данные, ощутимые, очевидные для всех остальных, кто воспринимал меня как такового, – и все это превращало меня в глазах окружающего мира в человеческую единицу, по крайней мере в социальном смысле. И так как личность моя разлетелась на кусочки, я остался совершенно голым. Все эти мысли разом одолели меня, все сигналы были красными, и я чувствовал, что нет большей опасности, чем подобное разложение себя самого, этот подрыв личности, я знал, что не перенесу его. Состояние это не имело ничего общего с помутнением рассудка или упадком сил, поскольку не существует таких физических или умственных расстройств, которые предоставляли бы тебе возможность от них избавиться. Мне во что бы то ни стало следовало сохранять связь с внешним миром, у меня еще были силы желать этого.

И тем не менее я ничего не предпринял и вернулся в номер Кейко Катаоки, поскольку то, что ожидало меня там, превосходило даже страх потерять себя. Это была простейшая вещь: удары моего сердца, которые влекли меня туда, возбуждение, которое одолевало меня, мои тщетные попытки защитить себя, которые я мог ему противопоставить.

– Сначала мы выбрали одну девушку, которую я знала.

Она заговорила сразу же, как только я присел на софу. Должно быть, она почувствовала запах спермы у меня на пальцах и под ширинкой. Я сгорал от стыда, мне хотелось переломать себе пальцы. Однако я знал также, что у меня нет никакой возможности скрыть от нее это.

– У меня было много подруг, и очень близких, все очень разные, но у них было кое-что общее, то, что я назвала бы силой слабого. Вы когда-нибудь видели девушек, работающих в клубах садомазо?

Я покачал головой. Прав я был или нет? Это не было отсутствие любопытства. Вероятно, при всей той информации, которой я обладал, вопрос следовало ставить иным образом, не рискуя подставить под удар собственную личность. При всем этом в голове у меня основательно утвердилось одно: невозможно совершенно потерять себя.

– Ах так! Вы таких не знаете! Впрочем, я тоже. Я знаю, что угроза СПИДа заставила многих девушек, работавших в *soap lands* или *love hotels*[9], перейти на садомазохизм и что этот наплыв обернулся снижением качества услуг под тем предлогом, что данная практика не требовала непосредственного проникновения. Когда я начинала работать в клубах, это были настоящие притоны пьяных девиц… Это, несомненно, согласовывалось с их желанием причастности,

[9] Бордели, публичные дома *(англ.)*.

желанием принадлежать к определенной сети. Этот феномен характерен для определенных периодов. Вспомните хотя бы эпоху модз в Англии, или немецких фанаток, или движение панков, или даже переводчиков в послевоенное время! С недавних пор садомазохизм превратился в некую форму признания, хотя это и звучит несколько странно, потому что я не имею в виду признание в том смысле, в каком оно употребляется в гражданском кодексе. В данном случае произошло то же, что случилось с сумками от Вюитон или костюмами от Шанель: деньги, которые полились сюда рекой, опошлили данный вид деятельности, которая поначалу мало кого интересовала.

Акт насилия подразумевал участие личности, расположенной к тому, чтобы быть изнасилованной. Я бы предпочел, чтобы моя лучше растворилась или вовсе не существовала. Однако как можно вообразить существование без личности? А может, это растворялся только этот кокон, некая социальная оболочка? Сумма информации, составляющая прошлое каждого индивида? Мой взгляд остановился на ножках кресла, в котором сидела Кейко Катаока. Ткань, которой были обиты спинка и сиденье, напоминала итальянскую. Легкие изогнутые ножки, украшенные простой резьбой по дереву, терялись в толще ковра. «Вот бы превратиться в ножки этого кресла», – подумал я и сам вздрогнул от этой мысли. Она не родилась в моей голове, но как будто витала в воздухе, прозрачная и незаметная, и мне даже показалось, что она сама в меня проникла. Я уставился на кресло. «Но разве не именно так возникают все наши мысли? Разве не мы являемся творцами собственных мыслей или волеизъявлений? Напротив, они вроде уже существуют здесь и рано или поздно привлекают наше внимание». Когда я осознал это, то тут же почувствовал, как будто что-то отделилось от меня. Как афиша, трепещущая на ветру, наконец поддается его порывам, и обрезки скотча, которыми она была приклеена к доске, не выдерживают. В то же время я не мог бы сказать, что это было, только что оторвавшееся от меня, как афиша. Мне казалось, что затронуты все участки моего мозга, что кора, зрительный нерв и центр мозжечка, механизмы действия которых я изучал во время курса биологии в университете, были словно оголены, не предохраняемые более ободранным черепом, и что части будто сместились по отношению друг к другу. Гипноз, пожалуй, мог бы произвести похожее действие на мои двигательные функции. Ножки злосчастного кресла уже проникли внутрь меня. Бедра женщины были слегка раздвинуты. Остались лишь ее ноги и стопы, которые я вожделел, и это кресло, торчавшее у нее между ног, как огромный пенис. Или же это были клещи, приближавшиеся к моему распоротому чреву, чтобы вырвать оттуда какой-то прогнивший и не действующий более орган: кресло полностью овладело мной. Я превратился в вещь, я был теперь предметом, и, что странно, тот факт, что я стал вещью, рассеял вдруг все мои страхи. Слова, которые произносила Кейко Катаока, не слетали с ее губ, теперь говорила сама комната, она сыпала на меня словами, и именно так рассказ проникал мне в уши.

Кейко Катаока последовала совету своего парня, с которым встречалась еще в лицее, и попала в клуб садомазо, как будто постучавшись в двери монастыря, словно этот совет явился для нее непреложной истиной или пророчеством. «Ты знаешь, ты могла бы стать проституткой, Кейко! – сказал ей приятель и прибавил: – Не простой проституткой, которая продается за несколько иен, но девушкой, из-за которой могла бы вспыхнуть война, девушкой, способной объединить удовольствие и дело…» Он не сказал «быть проституткой», но «стать», «могла бы стать», и Кейко Катаока была тронута столь внимательным отношением к словам. Год спустя после окончания лицея она начала работать в клубе «Роппонжи», переехав в Токио. После первого же раза, потрясенная суммой, которую выложил ей клиент, она истратила все сразу – около восьмидесяти тысяч иен, – купив себе на все деньги розы. Она не могла удержаться от слез и так и шла в ту ночь по улицам Роппонжи, прижимая к груди охапку ярко-красных роз. Слезы эти объяснить было очень просто. Они означали, что она, наконец, исполнила то, о чем всегда мечтала, и кое-что еще. Чувство, похожее на блаженство. Она была счастлива осознать, что обладала внутренней силой конкретизировать свое желание.

Это самое желание и привело ее в клуб, как благоговение приводит иных в храм. Первое время она тратила все деньги на розы, это продолжалось четыре года. Она обладала очарованием и притягательностью, с которыми не могли равняться достоинства прочих девушек клуба, она была способна на все, удовлетворить какое угодно желание и довольно скоро превратилась в ходячую легенду и хозяйку церемонии посвящения.

– Все мои подруги чем-нибудь увлекались – кто музыкой, кто рисованием, кто танцами, это были девушки, не знавшие ни зависти, ни злобы, ни ревности – никаких пороков. Именно по этой причине, посвящая их в наши любовные игры, мы уже не могли от них освободиться. Я иногда даже смущалась. Он – нет, он порой вздыхал, но это были вздохи от скуки. Мы не получили от этого никакого удовлетворения.

Человек, которого я встретил в Нью-Йорке, этот бомж из Бауэри, решил выбрать иную стратегию, пригласив профессионалок, которых Кейко Катаока не знала. Однако и здесь они быстро оказались в тупике. Кейко только что это объяснила: многие девушки, работавшие в клубах садомазо, перешли на этот вид из-за угрозы СПИДа. Так что от них тоже невозможно было получить то, что они оба хотели. Мне довольно трудно было представить эротические игры этих двух людей, ставших друг для друга идеалом садиста. Подчинять, унижать другого и лишь при этом кончать. Видя, как сношаются две собаки, вы не испытываете никакого возбуждения, и с сексом получается то же. Собакам неведом стыд, и никогда собака не почувствует себя униженной, если вы застанете ее во время случки.

Есть много способов унизить женщину. И все они изначально исходят из обывательских перипетий. Обычно это были замужние женщины, продававшие себя, чтобы заплатить долги, или, скажем, школьница, похищенная хулиганами, или еврейка, выбранная нацистскими офицерами. Самым главным здесь было придерживаться неопределенности насчет конечного исхода акта. Поскольку садист находит истинное удовольствие не в том, чтобы унижать, а в том, что партнерша в конце концов унизится сама.

Именно по этой причине те, кого бомж и Кейко Катаока вовлекали в свои игры и порой унижали самым жестоким образом, были не в состоянии удовлетворить их, поскольку подобно собакам, застигнутым во время случки, эти девицы не испытывали стыда, их дырки не краснели, и сами они превращались в моральных уродов. В итоге оставалась одна лишь досада. Причем, опять же из-за этих девиц, воспоминание об удовольствии, которое они доставили друг другу в Европе и Нью-Йорке, начинало понемногу стираться. Кейко Катаока старалась как можно больше узнать о тех, кого можно было снять в клубах, а бомж потом звонил, заказывая себе девицу и уточняя, что это не для группового секса. Однако у них не было причин надеяться, что они найдут, наконец, кого-нибудь – кто удовлетворил бы их обоих. По работе бомжу приходилось встречаться со всякими женщинами – актрисами, моделями, он признавался даже, что у него было много любовниц, но ни одна девушка, работавшая в клубе, конечно же, не могла равняться с Кейко Катаокой. Тогда бомж предложил кое-что новое.

– Вы хотите сказать, что он решил попробовать девушек, не имеющих никакого отношения к клубам?

– Да, именно. К тому же я и сама об этом подумывала, – ответила Кейко Катаока.

У нее в то время было много лесбийских связей. Она даже была довольно известна в этой области и имела среди своих клиенток девушек из самых разных кругов, в том числе и зарубежных топ-моделей, которых можно было заполучить довольно легко, если были деньги или наркотики.

– Я хочу лесбиянку, из твоих, позвони своим любовницам.

Первая, кому позвонила Кейко Катаока, была одна маньячка двадцати четырех лет; работала в салоне в Хараюку. Звали ее Кюоко, и она неистово почитала Кейко как настоящую хозяйку церемониала и лесбиянку. Встреча состоялась в одном из шикарных отелей в Акасаке, где обычно останавливался бомж. Кюоко явилась в костюме от Армани, изображая, по науще-

нию Кейко, отчаяние девушки, которую только что продали. Мужчина смотрел на все это со скучающим видом, будто присутствовал на представлении греческой трагедии.

– Кюоко, ты понимаешь, что в данный момент ты – наша рабыня и должна удовлетворять любые наши желания? Ты это понимаешь? Ну и как ты себя чувствуешь?

– Правда? Это правда? Меня это очень возбуждает.

– И это все, что ты можешь мне сказать? Я тебя не совсем понимаю.

– Я чувствую, что мое сердце бьется с такой силой, что готово выпрыгнуть из груди.

– Кюоко, малышка, скажи мне, что конкретно ты ощущаешь. То, чего я жду от тебя, что хотел бы услышать из твоих уст, это – что тебе стыдно, стыдно так, что ты готова сгореть со стыда. Обычно ты не заставляешь так упрашивать себя. Ты чувствуешь, как влага прибывает у тебя между ног? Ты способна произнести это? Это необходимо, Кюоко!

Кейко Катаока всегда начинала мягко и не спеша, прося сначала удовлетворить чисто физические желания бомжа. Девице неизбежно приходилось встать в такую позу, чтобы мужчина мог лицезреть ее половые органы, то есть встать на колени, повернувшись к нему задницей, и наклониться к полу, раздвинув ляжки, или, если она лежала к нему лицом, широко развести колени, предоставляя широкому обозрению свои прелести. Если у Кейко и была врожденная способность к подобным постановкам, чувствовалось, что этот талант является результатом длительной работы, потребовавшей изучения документов, фотографий, книг и, несомненно, репетиций перед зеркалом.

Однако, если данные проекции пользовались неизменным успехом в оргиях с промышленниками или политиками, то они оставляли равнодушным бомжа. Единственное, что по-настоящему возбуждало его, это ожидание, ожидание новой девушки – «какова она будет?», – вплоть до того момента, когда та входила в комнату. Затем наступало «какова она обнаженная?», пока Кюоко, с глазами, полными слез, не раздевалась, и, наконец, «каково будет выражение ее лица во время оргазма?», когда Кюоко ползала по комнате на коленях, тщетно требуя, чтобы ей вставили вибромассажер. После этого его уже ничто не возбуждало, даже вид Кюоко, на которую мочатся, или Кюоко, избитой до крови хлыстом: он видел в этом лишь надлежащее сведение счетов между самцом и самкой.

Кюоко приходила к ним семь раз, и лишь когда они заставили ее принять экстази, им удалось наконец получить свою рабыню, и бомж заявил, что улавливает некоторые возможные в будущем варианты, если они будут продолжать в данном русле. Кюоко приняла экстази всего один раз. В то время этот наркотик трудно было достать. Бомж и Кейко Катаока имели свои каналы, но поставки были ограниченны.

– В тот раз, когда Кюоко приняла экстази, было гораздо интереснее. Она со слезами умоляла хлестать ее кнутом.

Случилось так, что Кюоко выпила таблетку натощак. Она лежала, привязанная, на канапе, при этом таз ее был приподнят на пуфике. Когда средство начало действовать, ее тело покрылось холодной испариной, а влагалище стало увлажняться столь интенсивно, что струйки желтоватой жидкости просочились на пуфик, обволакивая ее анус и распространяя сильный запах самки. Бомж и Кейко Катаока наблюдали все это, слушая музыку за бокалом вина, и даже не удосужились раздеться.

– Я не терплю алкоголя, если только речь не идет о хорошем вине или коньяке.

В тот раз было «Шато Латур» семьдесят шестого года и музыка, отрывок из Ксавье Кюга, «Румба Майями-Бич». Каждый из них принял по половинке таблетки экстази и понемногу нюхал кокаин, порошок был из Иокосуги. Возбуждение бомжа достигло предела, когда он лицезрел одинокую Кюоко, привязанную к канапе: он вдруг осознал, что вид этой девицы, в рыданиях умолявшей, чтобы ей, наконец, вставили что-нибудь в форме члена во влагалище, был куда более зажигательным, чем тщетные попытки унизить ее, требуя, чтобы она раздвинула ляжки пошире.

– В этом человеке не было и следа снобизма. Он знал, что вина, шампанское, отель «Окура» или «Империал» ему не подходят. И презирал все это. При этом он пил вино по сотне тысяч иен за бутылку, шампанское по триста тысяч… Он даже принимал душ из этого шампанского, ему это было необходимо, как соленый чай японским рыбакам перед выходом в открытое море в шторм. Вы этого не знали? Кажется, его даже советуют пить перед выходом в море в холодную погоду, но я лично никогда не пробовала. Во время сеансов с Кюоко мы поняли, что удовольствие не заключается в одном лишь сексе. С тех пор я уже в состоянии это принять, но в то время, когда я разыгрывала сладострастие или порок, когда я часто находилась в таком состоянии, что не в силах была даже подняться, накачавшись экстази, кокаином или шампанским, когда мигрени терзали мой бедный череп с такой силой, что виски у меня вибрировали под напором героина, когда вся моя жизнь сводилась к этому, я была убеждена, что энергия, переполнявшая меня, безгранична.

Кюоко заставила нас понять многие вещи, это благодаря ей нам удалось преодолеть следующий этап. На протяжении наших встреч она удивительно быстро превратилась в замечательную рабыню, она стала нашей прислугой, нашей няней, нашей сиделкой. Она многое дала нам. Когда она была в костюме, с папкой под мышкой или с чемоданчиком в руках, она, конечно из-за своего довольно высокого роста, могла спокойно сойти за секретаршу в дирекции какого-нибудь крупного предприятия, и это весьма облегчало ей выполнение того, что мы ей поручали. Я хочу сказать, что она очень часто оказывалась нам полезной, когда надо было воспользоваться кем-либо.

Этот человек предложил мне привести к нам на встречу одну из своих любовниц, но я отказалась. Когда он заговорил о ней как о своей любовнице, я сразу представила себе, что это была за птица: леопардовый плащ, рыжие волосы – словом, девица, каких я встречала в кабаре «Синжуку». Впрочем, это было не совсем так. В то время у него, по его словам, было три женщины, предпочтение он отдавал стилистке: это была довольно посредственная девица, с которой он встречался уже лет десять и которую не знал раньше, я имею в виду, до того как стал известным, ей даже незачем было теперь работать, потому что каждый месяц он высылал ей нечто вроде пособия. «Мне никогда такие не нравились», – заметил я. Две другие чем-то напоминали первую: одна занималась рекламой в сети институтов красоты, вторая работала диктором на телевидении. Это не были девицы, которых он мог снять в баре, которых можно было заболтать и в тот же вечер увести в отель и там трахать всю ночь напролет, наблюдая через стекло панорамного окна во всю стену, как разбегаются до самого горизонта многотысячные огни города, нет, это было несколько иное. Как вам объяснить? Ему нравилась мысль, что он чувствовал в себе силы написать страницу об этой эпохе, в которую жил, он бесконечно любил всякие истории. Человек, который очень легко вписывался в общество. Именно поэтому было совершенно невозможно привести туда к нам эту девицу, которая делала рекламу, или другую, дикторшу, и сделать их нашими рабынями, пусть даже под действием экстази, поскольку они были знакомы уже более четырех или пяти лет. В сущности, то, к чему мы стремились, – это переделать самых обычных женщин, ничего не знающих о садомазохизме, в настоящих похотливых тварей, в сто раз заразительнее, чем Кюото.

«У меня есть еще одна любовница, несколько другого толка», – признался он мне. «Какая она?» – спросила я. «Совершенно обычная девушка, без всяких заморочек». Его ответ меня заинтересовал, и я подумала, что она-то как раз и могла бы нам помочь. Норико было двадцать семь лет, она работала продавщицей в одном модном салоне. Они встречались одно время, где-то полгода, а потом, поскольку он не получал от нее известий, он подумал, что она встретила кого-то другого. Человека, который, должно быть, принадлежал к ее миру. Это был мир, где объедаются до отвала за две тысячи двести иен в гостиничных ресторанах, где опрокидывают

пиалы *соба* и *кицун удон*[10] прямо за стойкой забегаловки, мир горячих *бенто*[11] и пиццы-хат, в общем, довольно далеко до «Шато Латур» семьдесят шестого года. И все же Норико так и не забыла его, хотя она в самом деле успела завестись тем самым приятелем. Я почему-то всегда думала, что мы никогда не сможем существовать в том же мире, что и она. И в сущности, я была права, поскольку достаточно взять в руки фотоаппарат, какой-нибудь «Минолта Альфа 7000» или «Канон EOS», и направить объектив на красивые вещи, чтобы сделать хорошие снимки, достаточно прокатиться в «бентли» или «ягуаре», чтобы уже почувствовать невероятно шикарную жизнь. Именно это мы и хотели дать почувствовать этим девушкам. Но тем, кто никогда не сидел в «бентли», эту невероятно шикарную жизнь можно было лишь описать словами, при этом вы всегда сильно рисковали остаться непонятыми.

Я все так же ощущал себя вещью. Кейко Катаока проникала в меня под видом какого-нибудь «я» или «ты» и сеяла хаос. Я был напуган до смерти и не мог даже поднять головы. Слова не проходили сквозь меня, но как будто заваливали, затапливали.

– Причина, по которой мы выбрали именно Норико, довольно банальна, в общем-то это можно обнаружить в подавляющем большинстве видеосадомазо, – словом, вполне классическая история, не правда ли? Вы согласны, господин Миясита?

«Господин Миясита». Мне было как-то странно слышать, что меня называют по имени. Я уже успел забыть, что Миясита являлось именем собственным, моим; произошло это только что, когда Кейко Катаока заговорила о снижении профессионализма девушек из клубов садомазо, делая вид, что не заметила, как я только что мастурбировал в туалете отеля. Именно в тот момент я решил отказаться от собственного «я» и уперся взглядом в ножки кресла, а этот предмет чуть не поглотил меня. В настоящее время ножки кресла вонзались в меня, это было какое-то неотвязное и неприятное ощущение. Я еще подумал, что это должно быть похоже на ощущение женщины, когда в нее проникает член мужчины, которого она не хочет. Ножки кресла всасывали меня, тогда как они, напротив, должны были бы проникать в меня, и мне казалось, что кожа моя вывернута наизнанку, как перчатка, а внутренности вывалены наружу. На всеобщее обозрение. Я ощущал опасность, но не находил в себе сил противостоять ей. У меня больше не было моего «я», и это напомнило мне тот день, когда я чуть не утонул. Я тогда еще учился в начальной школе. Я плавал в большом водоеме и внезапно почувствовал, как у меня свело ноги. Никто даже не заметил, что происходит, а я правда чуть не утонул. Никто ничего не видел, а я пошел ко дну. Я отчаянно забился под водой, и именно это привлекло внимание тренера, который нырнул и вытащил меня. Это происшествие отпечаталось в моей детской памяти. Перспектива умереть, захлебнувшись, заставила меня найти в себе силы забиться под водой. Страх смерти, бессилие и вода, которой я уже наглотался, успели лишить меня последних сил, и я помню, что уже готов был отказаться от борьбы. Но в последний момент был спасен. Ощущение, что меня будто заглатывают ножки кресла, походило на страх, который я испытал в детстве, на то чувство нежелания бороться, которому я чуть не поддался. В настоящий момент я уже готов был разжать зубы, но страх заставил меня поднять голову, однако, даже если на этот раз мне не грозило захлебнуться, я все равно готов был отступить. «Ты не должен покоряться ножкам кресла», – беспрестанно твердил мне внутренний голос. Теперь я думал уже не головой, но какой-то низшей, более простой частью тела, скажем, мышцами ягодиц. Мне оставалось несколько секунд, несколько мгновений, чтобы превратиться в ножки кресла. Кейко Катаока превратилась в какую-то необыкновенно объективную сущность и говорила теперь не от первого лица. Она повторяла «я», но мне слышалось «она», как будто что-то переводило мне ее слова, поскольку у меня уже не было собственной личности. Напри-

[10] Блюда японской кухни из разряда быстрого питания: *соба* — тонкая гречневая лапша, подается с бульоном; *кицун удон* – лапша из пшеничной муки, подается в бульоне, в который добавляется лук-порей, жареный тофо и пр.

[11] *Бенто* – блюдо из свинины, продается навынос в коробочках, в Японии его обычно едят холодным; *горячие бенто* — тайваньский обычай.

мер, она говорила: «Я не могла принять его предложение», а я слышал: «Неизвестно почему, но она не могла принять его предложение». И сейчас еще, стоило мне захотеть, и я сразу мог услышать, как она говорит от третьего лица. Так было проще, даже если это было сродни тому, чтобы уйти под воду и захлебнуться. В каком-то смысле это было как клеймение еретика каленым железом, как попадание в зависимость от химического вещества, как самоубийство. Вот почему я все еще пытался отбиваться, неистово стуча руками и ногами, как в том бассейне, пытался вернуться в себя, в то же время даже не предполагая, как долго сможет поддерживать меня это нечто вроде остатков мышечной воли. Я чувствовал, что все мое тело, за исключением какой-то мизерной части его, уже приняло эту мысль о растворении личности.

– Наивная и чистая девушка попадает в руки мужчины и женщины, которые обладают определенной властью, не правда ли, классическая завязка? Именно это вы чаще всего и встречаете в эротических фильмах и романах. Я была очень независимым ребенком, мне всегда позволяли делать все что захочется, так что у меня была возможность перечитать немало подобной литературы.

Эротические романы. Я почувствовал, как где-то глубоко во мне угасли остатки воли, когда два этих слова соскользнули с губ Кейко Катаоки. Я беззвучно произнес: «Ножки кресла снова начали всасывать Мияситу». Мне казалось, я понял, что должен был испытывать наркоман во время ломки, и повторил, все так же не произнося ни звука: «Миясита понимает, что должен чувствовать наркоман во время ломки». Не знаю, сколько раз это повторялось, но я понял, что мое «я» в нокауте. Это было немного странно. Я потерял свое «я», но сохранил все чувства, и это состояние, несомненно, должно было походить на то, что обычно называют жизнью после смерти. Как бы там ни было, но того, что Кейко Катаока произнесла эти два слова – «эротические романы», – хватило, чтобы превратить Мияситу в ножки кресла. Она стала размышлять над структурой фантазмов, используемых в большинстве эротических фильмов и книг.

– Обычно они являли вам мужчин в зрелом возрасте или молодую пару, желавших увеличить собственное возбуждение, введя в свои любовные игры кого-то третьего. В главной роли часто выступали гомосексуалы или лесбиянки, несомненно, для того, чтобы как можно ощутимее передать эту беспрестанную, напряженную погоню за удовольствием. Подобный мотив можно было обнаружить в большинстве порнографических фильмов, в том числе и в этих ужасных копиях кассет датских порнушек: одна пара молодых богатых любовников, отказавшись от этого мира, решает уединиться в каком-нибудь замке и снимает себе смазливую нимфетку или юного красавчика. Или еще, и даже чаще, какие-нибудь смутьяны или люди вне закона, или, скажем, глава подрывной организации покупают мужчин или женщин, чтобы располагать ими в сексуальном плане, как им заблагорассудится.

Она верно говорила, все так и было. Этот тип персонажей существовал на самом деле, и она не раз сама это испробовала. Ее часто снимали подобные люди. Десятки раз ей случалось в компании других девушек, которых она знала по клубам, приезжать на вызов к садистам или мазохистам и участвовать в тайных оргиях с политиками или бизнесменами. Обычно оргии начинались после более или менее официального банкета или приема, происходило это в маленьких комнатах, где они устраивали небольшой бедлам на три-четыре персоны. Случалось, что ее вызывали женатые пары или группы друзей. Чем же все это отличалось от того, чему решили предаться Кейко Катаока с бомжом? В то время они не задавались подобным вопросом. Они никогда не интересовались другими сексуальными «авантюристами», даже когда поняли, что достигли предела возможного физического удовольствия. Она продолжала говорить от первого лица. «Я», – говорила Кейко, обращаясь к Миясите, превратившемуся в ножки кресла, на котором она сидела.

– Мы не строили никаких иллюзий, и, несомненно, именно это отличало нас от тех людей, которые любят развлекаться втроем или вчетвером. Другими словами, мы не были закорене-

лыми адептами подобных оргий, даже если ему не раз случалось вызывать пару-тройку, даже четырех девушек, когда он открыл для себя прелести игр садомазо, я хочу сказать, что это было моим товаром, и я употребляю слово «иллюзии» именно в этом смысле. Миру известны лишь крайние удовольствия и люди, желающие их получить. Это тоже увлекало меня, и мне следовало, наверное, удовлетвориться тем, чтобы притворяться, будто я и в самом деле их получаю. Сейчас я могу это признать. Посмотрите, скажем, что выдает вам пресса в разделе «частная жизнь»: история мужа, который залез в постель к подруге или сестре своей жены – уж не знаю там, к кому, – приехавшей к ним погостить, жена застает их в самый пикантный момент, и все трое столь возбуждены подобной ситуацией, что тут же затевают игру втроем. Не думаю, что вам необходимо представлять данную проблему в развернутом виде. Не так ли, господин Миясита? Вы, кажется, эксперт по сбору и анализу информации, и того, что я вам сказала, должно быть достаточно, поэтому совершенно бесполезно развивать эту тему, даже если неотступное желание рассказать все это кому-нибудь преследует меня так давно, что, как говорится, в яйцах засело. Я не утверждаю, что то, чем мы вместе занимались, я и этот человек, сильно отличается от того, что делают люди, извращенные своими желаниями, нет, мы не были ни чище, ни порочнее, и в большинстве случаев это сводилось к обычному групповому акту втроем. Лучше я расскажу вам, что *конкретно* мы делали. Норико работала в салоне итальянской одежды, расположенном в квартале Минами Аояма. Она была продавщицей в женском отделе огромного магазина, «Сейбу» или «Такасимайя», я точно не помню. Норико была хорошенькая и сметливая, так что ей поручили заведование складами.

– И какая она, эта девушка? – спросила я.

– Приличная, – ответил он. – Я встречаюсь только с приличными.

Они находились в апартаментах, которые он обычно бронировал в одном Гранд-отеле в Акасаке. Из окна номера открывался вид почти на весь Токио. Ему нравилось высыпать очень длинные бороздки кокаина на стеклянном столике. Солнце садилось, но в небе еще кое-где на горизонте проблескивала синева, и огни Токийской башни только что начали перемигиваться. Он втянул половину полоски и выпил бутылку «Хайнекен» или немного шампанского «Крюгг», затем сказал Кейко Катаоке:

– Смотри. – Он кивнул в сторону огромного окна. – Посмотри на Токио, на этот Токио, насколько хватает глаз, на последнем дыхании.

Он всегда повторял эту фразу. «Непонятно, кто это – Токио на последнем дыхании или это он сам?» – хотелось спросить ей. Она чувствовала, что не будет уже ничего выше того удовольствия, которое они испытали вместе, что они достигли предела, что если предел уже был достигнут, лучше уже было ничего не предпринимать, чтобы не разрушить их отношения. Лучше было утопить реальность этой связи в наркотиках или пригласить кого-то третьего.

– Приличная девушка. Что ты под этим понимаешь? Все мои подруги приличные девушки…

Кейко Катаока прекрасно понимала, что мужчина обычно подразумевает под этим «приличная девушка», и задала этот вопрос уверенным тоном. Ей казалось, что она ходит по краю пропасти. У нее всегда появлялось это ощущение, с того самого дня, когда она почувствовала, как желание струится у нее между ног; это было еще в детском саду, именно эта дрожь толкала ее, совсем еще маленькую, склоняться, глядя вниз, в пустоту, и именно это позволило ей жить дальше.

– Может, я была не совсем нормальной, что думала об этом? Может, я была чокнутая, что мочилась в штаны, каждый раз думая об этом? Как будто еще вчера моя соседка, старуха, спросила меня, не являюсь ли я сексуально озабоченной. Я не знала, что это значит – «сексуально-озабоченная», но поняла, она хотела сказать, что мужчины с их членами погубят меня, когда я вырасту. Я всегда жила в этом страхе. Поэтому-то я ничем не рисковала, даже стоя на краю пропасти. Несмотря на страх и напряжение, которые держали меня. Впрочем, как

ни странно, я никогда не пыталась от них избавиться. Встреча с бомжом оказалась решающей. Я…

В тот день, когда она впервые купила себе розы, в тот день, когда она впервые продала свое унижение, в тот самый день, нет, гораздо раньше, в сущности, с самого дня своего рождения, с того самого дня, когда она поняла, что начало и протекание этого нежного и сильного, неодолимого удовольствия, которое проистекало из ложбинки у нее между ляжек, поднималось по спине, вонзалось в затылок и расходилось по вискам, были исключительно результатом, плодом отношений между двумя существами – с того дня Кейко Катаока уже знала, что мужчина, который позволит ей выразить, точно и *конкретно*, ее желание, однажды, рано или поздно, появится в ее жизни. Этот мужчина должен был быть, не мог быть никем иным, как садистом, садистом, к которому она проникнется глубочайшим уважением. Садистом, который позволит ей утвердиться в своем желании, который потребует, чтобы она унизилась перед ним, и согласится смотреть, как она будет кончать в тот момент, когда она перешагнет через свой стыд. Именно такого человека она ждала, но в этом же состояло противоречие. Это означало желание испытать еще большее унижение после того, как она уже испытает самое крайнее унижение. Другими словами, это означало добиться от него, чтобы он вытерпел, наблюдая ее в этом состоянии.

– До каких пор могло продолжаться подобное напряжение? Норико, пожалуй, ничем не могла нам помочь. Какую власть сообщали нам садистские приемы, в которых мы изощрялись, наркотики, шампанское, апартаменты с видом на Токио? Это нас вовсе не интересовало. Вместе с тем мы не простили бы себе, если бы напряжение, в котором мы пребывали, покинуло бы нас.

«Когда заигрываешь со смертью, становишься романтиком», – как-то сказал этот человек, и ей не было противно слушать, как он выдает подобные чувствительные сентенции. Кейко Катаока, которая могла, глядя на руки и пальцы мужчины, представить себе его пенис, размеры и форму, его манеру кончать, понимала, что фраза, которую произнес этот человек, помогала ему успокоиться. Ей нравилось, что слова для бомжа были способом успокоиться.

– Что для тебя значит «приличная девушка»?

– Приличная девушка? Именно то и значит, что приличная, буквально, так же, как и *приличное* вино, *приличный* стейк, *приличный* кутюрье, понимаешь? Хорошие исходные данные плюс хорошее воспитание.

– Я уже говорила, как долго они были знакомы?

Она много раз слышала ответ на этот вопрос, и хотя план встречи был тщательно разработан заранее, она не могла удержаться, чтобы не задавать его снова и снова. В тот вечер она чувствовала напряжение, какого не испытывала ни с одной девушкой из клуба. Даже с Кюоко. Мужчина пил шампанское «Крюгг» семьдесят девятого года, наслаждаясь видом Токио из огромного окна своих апартаментов. Он уже высыпал три полоски кокаина длиной в десять сантиметров каждая: этого могло бы хватить на всю ночь. Кейко Катаока смела половину полоски разом. В тот вечер она казалась немного рассеянной.

– Они были знакомы уже четыре года.

В тот момент они уточняли последние детали этого вечера.

– Это не означало, что он переспал с ней сразу, как только познакомился, понимаете?

– Я не из тех, кто сразу бросается на женщину, потому что знаю, что из этого не выходит ничего путного, если не соблюдаешь то, что называется периодом, часом или сезоном. Это все равно что пирожки с мясом, которые продают в киоске на вокзале и которые покажутся тебе сочными и вкусными в тот момент, когда ты подыхаешь с голоду. Я ничего не имею против пирожков с мясом, проблема лишь в том, чтобы уметь признать, что они не являются хорошими сами по себе, понимаешь? Ну да, это сравнение со слоеными пирожками не очень легко уловить.

– Эта девица дорого обошлась тебе?

– Нет, не больше, чем обычно, я не из тех, кто тратит деньги на женщин. Мне не приносит никакого особого удовлетворения снять дичь за пределами моей привычной территории охоты. Не знаю почему, но меня никогда не интересовали подобные вещи. И потом, я считаю, это связано с тем, что я никогда не стану мазохистом. Что ты об этом думаешь, Кейко?

Это была тема, которую они часто обсуждали. Они говорили об этом и в Париже, и в Венеции, и в Барселоне, и в Нью-Йорке. От кокаина и экстази становишься чересчур болтливым – поначалу. И Кейко нравилось слушать этого мужчину. Ей нравились слова, которые он подбирал, движения его рук и пальцев, то смешение доверия и сомнения, которое окрашивало его голос, розовый кончик его языка, который время от времени нервно проскальзывал между сухими губами, облизывая их. Иногда, слушая его, она вдруг спрашивала себя, сможет ли она любить их всегда, эти губы? Но в тот вечер она впервые спросила себя, что, если скука встрянет между ними?

– Да, вероятно, в этом и заключается причина того, что ты никогда не станешь мазохистом.

– Ты понимаешь, вот, для примера, это как если бы я влюбился в какую-нибудь актрису, пусть даже знаменитую, актрису, которой бы я обладал, понимаешь? Я никогда бы не испытал особого тщеславного удовольствия показаться с ней на людях в обнимку только для того, чтобы обратить на себя внимание. Я ничего не имею против актрис. Я хочу сказать, что вынес бы ее и так, без макияжа. Я знаю людей, которые обладают колоссальной энергией, как, кстати, и ты, но мне было бы трудно охарактеризовать тебя только так, это значило бы признать, что существует много женщин, обладающих подобной энергией. Просто я ненавижу тратить попусту свое время, поскольку даже на моей территории, я имею в виду среди женщин, которым я нравлюсь с первого взгляда, неизбежно попадается уйма приличных девушек, даже если это и не облегчает задачу. Видишь ли, очень может быть, что Норико оказалась лучшей из всех, может быть, даже слишком хорошей.

Выбирать среди лучших. Услышав, как он произносит эти слова, Кейко Катаока испытала жгучую ревность, чувство, которого до сих пор не знала. Им никогда не случалось, как обычным любовникам, сидя за столиком в кафе, рассказывать друг другу о годах, проведенных в лицее, ходить в кино на последний сеанс, уезжать на пару дней в *онсен*[12], забираться в номер отеля и сразу набрасываться друг на друга, даже не раздевшись до конца. Нет, они всегда встречались, чтобы исполнить некий ритуал, а это подразумевало определенное время на обстоятельный разговор, наркотики. Начинали они с того, что лизали друг другу стопы, затем она медленно раздевалась перед ним, он вставлял ей вибромассажер во влагалище и заставлял наматывать круги по комнате, на карачках. Так все и происходило. «Почему ты никогда просто не возьмешь меня?» – однажды спросила она его. «Среди мужчин и женщин, которые не в состоянии удовлетворить себя обычным способом, мы с тобой заняли бы первое место», – не побоялся ответить он.

– Может быть, эта девушка была даже слишком хорошей?

– Да, она никогда ничего не требовала для себя самой. Девушка, которая целый день серьезно работала и которая была занята даже вечером, однако, когда мы с ней начали встречаться, я имею в виду и сексуальные отношения, она являлась ко мне в отель по первому звонку, даже посреди ночи, даже когда я был в доску пьян. Это ни в коем случае не означает, что она совершенно не пользовалась успехом у мужчин: она целые дни проводила в магазине, и, естественно, вокруг нее постоянно кружили тучи мужиков, начиная с мелких работников производства готового платья и кончая служащими банков и журналистами. И, к счастью или к несчастью, – для меня, конечно, к счастью, – Норико оказалась девушкой, воспитанной при-

[12] Горячие источники, излюбленное место отдыха японцев.

мерным отцом и любящей матерью, у нее было два брата: один – пилот японских авиалиний, другой работал в Юнеско или в OMS[13], сейчас уже точно не помню, парни, которые всегда посылали ей цветы на день рождения. Ты понимаешь, о чем я? Норико всегда была любимицей. Девочкой без комплексов, которая никогда бы не стала бегать за мужчиной, которая никогда не удивлялась, настолько это было естественным для нее, что мужчины всегда с ней предупредительны. Словом, это была девушка, которая не умела лгать себе, девушка, которая просто не понимала таких слов, как «выносить» или «жертвовать собой», даже если она естественно была готова на все ради мужчины, которого любила, готова страдать ради него. Я говорю тебе сейчас все это не для того, чтобы дать тебе понять, насколько я нравлюсь женщинам, но лишь затем, чтобы объяснить, что я понимаю под словами «приличная девушка».

– Почему же вы расстались?

– Да мы на самом деле и не расставались. Мы просто перестали видеться, и это произошло как-то само собой. Никакого чувства вины. Может быть, это оттого, что она всегда точно исполняла все, что я от нее требовал, и так как в то время у меня были и другие женщины, гораздо менее послушные и покорные, то мало-по-малу я стал ее меньше… замечать.

Норико вот-вот должна была прийти. Кейко Катаока чувствовала, что у нее начинается гон, и впервые она почувствовала это до того, как к ней прикоснулись.

– Мне очень жаль, право, очень жаль.

Кейко Катаока начала с извинений, когда Норико вошла в номер.

– Мое имя Катаока. Я его ассистентка. Я занимаюсь всем, что имеет отношение к музыкальной части его деятельности. Я вынуждена буду вас оставить, но прошу, располагайтесь.

Кейко Катаока сразу поняла, что с этой девушкой не потребуется тратить много времени и сил. Норико в точности подходила под описание, только что сделанное бомжом. Ей было чуть больше двадцати лет, очень узкие глаза, кожа в самом деле казалась нежной. Обыкновенная хорошенькая девушка. «Да нет же, это я вам помешала», – ответила она, когда Кейко Катаока встретила ее этой фразой: «Мне, право, очень жаль, но, прошу вас, располагайтесь». На ней был отличный костюм, вероятно, хорошей марки.

– Ему еще надо просмотреть несколько дел, а пока, прошу вас, воспользуемся этим, чтобы переговорить, так, по-женски.

– Извините меня, Норико, у меня тут еще буквально на пару минут, – сказал мужчина, увидев, как обе они садятся на диван, две совершенно обычные хорошенькие женщины, рядом, на том же диване бежевой кожи. «Она на самом деле слишком приличная», – подумала Кейко Катаока.

– Я слышала, вы работаете в сфере моды, и могу заметить, вы умеете носить хорошие западные вещи, – сказала она, предложив девушке джин-тоник, который только что приготовила.

– Да нет, что вы! Я продавщица в модном салоне, – ответила, смутившись, обыкновенная хорошенькая девушка по имени Норико. – Спасибо, – прибавила она, беря стакан, предложенный Кейко Катаокой, которая, в свою очередь, подумала, что никогда обычная проститутка, девица, снятая за небольшую сумму, не смогла бы вызвать в ней подобного возбуждения.

Даже в игре на троих недостаточно было просто прибавить кусок мяса, чтобы продлить удовольствие и изменить характер связи. С Норико все было по-другому. Норико выполняла роль катализатора. Кейко Катаока стала подбираться к ней очень осторожно, допивая свой джин-тоник. Не следовало сразу набрасываться на дичь. Совсем как с пасущимся стадом баранов, не нужно спешки. Надо лишь запастись терпением.

[13] Organisation Mondiale de la Sante' (OMS) – Всемирная организация здравоохранения (*фр.*).

– Извините, обычно я не употребляю алкогольных напитков, разве что за компанию. И только напитки очень высокого качества, алкоголь всегда вызывает у меня страшную мигрень.

– Ах так? А вот я могу пить столько, сколько захочу!

– Вы знаете такой бар, «Эль Грио», он находится в квартале Дайканияма? Бармен там итальянец, а повадки у него, как у настоящего мафиози!

– Нет, не знаю. Я не часто бываю в таких местах.

– Мне кажется, что лучше итальянца никто не сможет содержать бар. Я даже уверена… Вы так не думаете?

– Откровенно говоря, мне не часто приходилось бывать за границей…

Норико говорила сквозь зубы, невероятно растягивая последние слоги. Она производила впечатление подыхающей рептилии, с этой ее преувеличенной и простоватой манерой произносить слова: так уже не говорили даже школьницы, девушки-подростки, которых немало шляется в этих кварталах. У каждого из нас есть инстинкт самосохранения, каждый каким-то образом защищается при возникновении опасности. Говоря сквозь зубы, невероятно растягивая слова, пытаясь прикинуться перед Кейко Катаокой обычной девушкой, каковой она, конечно же, не являлась, Норико делала именно это: пыталась защитить себя. Это была девушка, у которой где-то глубоко была запрятана исключительная способность к сопротивлению. Бомж делал вид, что работает, стуча по клавишам своего компьютера или просматривая какие-то бумаги, но он не упускал ни единого слова из разговора двух женщин. «У этого человека настоящий дар притворяться», – подумала Кейко Катаока. Но разве это искусство симуляции не составляло его натуру?

– Есть много отелей, построенных целиком из белого мрамора, это отели максимум номеров на тридцать в Сен-Жан-Кап-Ферра, это в закрытой зоне, точнее, между Ниццей и Монако.

Бомж, который следил за каждым словом, резко прервал Кейко:

– Эй, Норико! Ты как-то говорила, что готова принять любое средство, способное сделать тебя счастливой, не правда ли? Так вот, я привез тебе немного из Лондона. Хочешь попробовать?

Норико как-то сразу напряглась, услышав его голос, и это внезапно овладевшее ею состояние напряжения они и не должны были теперь упустить.

– А? Что ты-ы-ы говори-и-ишь?

Норико ответила, еще больше растягивая последние слоги. Она согласилась на это свидание по одной-единственной причине: надеялась, что ее оттрахают как следует. Давно уже ее никто нормально не вздувал. Она была напряжена, потому что пока не знала, какова будет ее роль здесь, в этом номере, в этой связи между Кейко Катаокой и бомжом, которого она встретила сейчас впервые после годового перерыва. Вот это напряжение, свое хорошее воспитание и внутреннюю силу она и пыталась, правда, без особого успеха, рассеять, выражаясь, как развязная студентка. Норико была достаточно сильной, чтобы не подавлять в себе желание узнать, каким будет действие предложенного средства и в каком направлении будут развиваться отношения в данном треугольнике.

– И что это за средство? – Норико залпом осушила остатки джин-тоника и вопросительно посмотрела на бомжа, затем на Кейко Катаоку. Прослушав двухминутное наставление по поводу эффекта, производимого экстази, она раскусила розовую таблетку, поморщившись и сделав вид, что это горько.

– Видите ли, в таких мраморных отелях, где потолки в барах непременно украшаются фресками, за стойкой вы всегда обнаружите итальянца. Это лучшие бармены, не считая, конечно, ирландцев, и знаете почему?

Норико покачала головой. Зрачки у нее еще не успели расшириться.

– Дело в том, что итальянцы, как и ирландцы, в душе – народ охотников. И поверьте мне, я знаю, чем отличается настоящий охотник, потому что этот человек тоже из этой породы, вы это знали?

Норико взглянула в сторону мужчины, когда Кейко Катаока заговорила о нем. Экстази как раз начало проникать в кровеносную систему. Она почувствовала, как зараза распространяется по всему телу, до самых кончиков пальцев, и поняла, что теряет контроль над собой. Вначале средство всегда вызывает небольшую панику. После странного впечатления, что мозг прилип к черепной коробке, вызвав потерю равновесия и головокружение, объект вдруг осознает существование этой самой вагины, исходящей мутной влагой и разрываемой спазмами от непреодолимого желания, чтобы в нее вонзился пенис, от желания трахаться в самых немыслимых, почти невозможных позах. Тогда он начинает требовать, чтобы ему дали то, чего он до сих пор был лишен.

– Охотник готов преследовать свою добычу, соблюдая тысячи предосторожностей. Он умеет держаться против ветра так, чтобы животное не распознало его запах, он продвигается очень медленно, стараясь ступать совершенно бесшумно по траве или опавшим листьям. Вы это знаете, не так ли?

Норико немного повернулась. Ей было трудно сидеть неподвижно на этом диване. Она пыталась сосредоточить внимание на том, что говорила Кейко Катаока. Однако, концентрируясь на этом описании охотника, она вдруг поняла, что дрожит, и ей захотелось спрятаться при звуке внезапно послышавшихся шагов. Но спрятаться, естественно, было невозможно, и эти шаги лишь еще больше усиливали впечатление пропасти, которая разверзалась у нее внутри. То, что скрывалось за словом «охотник», приняло для нее фаллическую форму.

– Но в конечном счете в предсказанный момент охотник должен уметь прорвать пространство, забыть все: свои навыки, собственное представление о себе – все, что ему кажется, что он знает о себе. В тот момент, когда он нажимает на спусковой крючок или разжимает пальцы, отпуская стрелу, когда он потрошит дичь или сдирает шкуру с животного, он должен следовать своему инстинкту и позволить увлечь себя собственной агрессивной натуре. То же самое с итальянскими и ирландскими барменами: им не нужно измерять количество джина или водки. Даже для сухого мартини: хоп – немного джина, хоп – немного вермута, они никогда не ошибаются, никогда, даже на каплю. Норико? Вы следите за моими словами?

Норико дрожала все сильнее и сильнее. Она уже готова была упасть на диван и в тот момент, когда она протянула руку, чтобы опереться обо что-нибудь, вдруг почувствовала, что все внутри у нее закружилось. Появилось острое сознание того, чего она, собственно, ожидала, входя в эти апартаменты. Она много чего передумала. Весьма возможно, она ожидала, что бомж станет рассказывать ей все, что с ним было за все это время, пока они не виделись, конечно, они выпили бы чего-нибудь и она понемногу освободилась бы от своего напряжения, позволила бы этому мужчине действовать, он бы обнял ее, нежно приласкал. «Ты знаешь, ты можешь гордиться собой, – сказал бы он ей, – ты права, ты была права, что не соглашалась ни на какие посредственные компромиссы, а ждала меня». Потом он позволил бы ей завладеть его членом, которого она так хотела. Что-нибудь в этом роде. Но шум шагов отвлек ее. Ею овладело одно непреодолимое желание. Любой наркотик, будь то ЛСД, экстази, героин, кокаин или марихуана – не важно, действовал таким образом, что тело начинало требовать удовлетворения, и возникал риск, что объект впадет в истерику, если не осознает, что с ним происходит.

– Норико, вы следите за моими словами?

Кейко Катаока пыталась продолжать говорить с ней в той же милой, спокойной манере, хотя не было уже никаких причин думать, что Норико понимает хоть что-нибудь из того, что она ей говорит. Она пыталась толкнуть ее на ложный шаг. Норико же тщетно пыталась найти, на что можно было бы опереться, взгляд ее блуждал в тумане, а на лице застыло выражение маленькой девочки, которую только что отругали.

– Эй, Норико! Я с вами говорю!

Норико приложила ладони к вискам и попыталась подняться. Но не сумела. Глазное яблоко расширилось у нее настолько, что скрыло радужную оболочку, она умоляла, умоляла, чтобы ей дали что-нибудь, скорее!

– Не понимаю, почему ты решила, что тебе так сразу дадут то, чего ты хочешь, – прошептала Кейко Катаока.

Не в привычках садиста пытаться подчинить себе бессознательное существо. Конечно, такие тоже бывают, но если называть человеком всякую тварь, способную ходить на двух ногах, то это будут всего лишь австралопитеки!

– Что с вами? Вы плохо себя чувствуете? Не хотите прилечь на кровать? Идемте, я вас провожу.

Норико, стеная, согласилась. Она попыталась подняться, оперевшись на Кейко Катаоку, но ее шатнуло в сторону, и стаканы и ведерко из-подо льда полетели со столика на пол. Она с трудом стала вновь подниматься, вся в слезах. Кейко Катаока на этот раз сама подтолкнула ее к столу.

– Нет, вы посмотрите, что вы наделали, Норико! Залили все бумаги, – презрительно воскликнула она.

Она была выше сантиметров на восемь. Норико побледнела. Она взглянула на рассыпанный по полу лед, затем в лицо Кейко Катаоки и поняла, что не может подобрать слов извинения. Губы не слушались ее.

– Ах! Извините меня. Все спуталось. Что же делать? Что я могу сделать?

Слезы уже готовы были брызнуть из глаз. Кейко Катаока влепила ей пощечину.

– Соберите лед!

Бомж улыбался. Норико дрожала, потирая щеку. Она наклонилась, чтобы собрать лед, и повалилась на пол. В этот момент юбка у нее задралась, приоткрыв соблазнительные белые ляжки.

– Собирайте, собирайте, все до одного!

Норико была как ребенок. Она ненавидела себя. Еще пять минут, и она забудет про свой стыд.

– Норико! Вы отдаете себе отчет в том, что натворили? Вы залили папки с очень важными делами и рассыпали лед по этому шикарному паркету!

– Простите, я все соберу, простите меня.

Она разрыдалась, бормоча слова извинения, голос ее зазвучал громче. Кейко Катаока сделала знак мужчине, приглашая его подойти. Он поднял Норико, нежно обняв ее за плечи и запустив пальцы ей в волосы.

– Норико, Кейко моя секретарша. Совершенно естественно, что случившееся ей явно не понравилось. Я тоже хочу извиниться за нее перед тобой. Но посмотри, у тебя вся юбка промокла. Иди, прими душ. Иди скорее.

Норико всем телом прижалась к мужчине и зарыдала еще сильнее. Душ – еще ладно, но ей хотелось, чтобы он выставил эту женщину, такую сильную, такую высокую; но она ничего не сказала. Она была уверена, что допустила непростительную ошибку. Смущенная до крайности, она удалилась в ванную. «Отчего я так теку?» – недоумевала она, подмываясь. Когда она возвратилась в салон, обернувшись полотенцем, скрывавшим трусики, Кейко Катаока сидела все на том же диване, одетая в свой шелковый костюм цвета бордо, и сосала твердый член мужчины, стоявшего перед ней. Норико тихонько вскрикнула и закрыла лицо руками. Кейко Катаока подошла к ней.

– Простите меня, Норико. Я совсем не собираюсь отнимать его у вас. Но я тоже его люблю. Он так дьявольски соблазнителен, вы не находите?

Норико опустила руки, взглянула на Кейко Катаоку и кивнула. Эта женщина на самом деле любила этого мужчину и при этом обладала такой силой внушения, что у Норико мурашки поползли по спине.

– Идемте же. Я хочу, чтобы вы любили этого мужчину. Вы, должно быть, умеете это лучше меня: он меланхолик. Так, Норико?

Норико посмотрела на мужчину. В глазах у нее стояли слезы. Кейко Катаока медленно подвела ее к бомжу, держа за плечи. «Все вверх дном». Она чувствовала: все было не так, и не только в этом номере гостиницы, но во всей вселенной, чувствовала, что и Норико должна бы ощущать дрожащий воздух этой комнаты, хозяйничающий у нее в трусиках, щекочущей кожу. Норико застонала. Ей мучительно хотелось, чтобы он взял ее прямо сейчас, кончить, как можно скорее кончить, как раньше, много раз, а потом взять его член в рот и проглотить сперму, доказывая тем самым свою любовь к нему. Сопровождаемая Кейко Катаокой, она приблизилась к дивану, на котором сидел бомж, выпростав свой напряженный член. Подводя к нему Норико, Кейко Катаока вновь вспомнила о том, что он ей говорил. Голос у него тогда был совершенно спокойный, как у спортивных комментаторов, описывающих какое-нибудь движение теннисиста или гольфиста:

– Норико так странно устроена, и влагалище у нее такое глубокое, и так странно расположено, что когда я вхожу в нее, у меня такое впечатление, будто я не вонзаюсь, а скольжу по ее заднице, вульва у нее так широко открыта, такая влажная, так щедро обдаваемая вязкой жижей, что я не чувствую стенок ее вагины. Как бы объяснить? Похоже на свинину, нежное мясо самочки, которая всю свою жизнь питалась только ямсом. Сначала я не чувствую никакой упругости ее тела, хотя она, несомненно, оказывает какое-то сопротивление. Затем, через некоторое время, когда мы приближаемся к развязке, все у нее внутри будто превращается в турбомашину, края вагины сжимаются, все тело скручивается, и она кончает. Если я кончаю раньше, то создается впечатление, будто отливаешь в сточную канаву в окрестностях Осаки. С Норико хорошо только тогда, когда она съеживается, как гиена, рыщущая по саванне. Однажды я подсчитал: она кончила восемнадцать раз.

Кейко вспомнила о том, что он рассказал ей в тот вечер, лакомясь блинчиками «Сюзетт», опустошив при этом две бутылки «Шато Латур» семьдесят шестого года. Она остановила Норико, когда та уже готова была броситься в объятия мужчины.

– Мадемуазель Норико, одну минутку, пожалуйста! Сначала вы должны исправить ошибку, которую допустили. Я знаю, что он вас уже простил, но так все было бы слишком просто, вы не находите? Я слишком ответственная секретарша и считаю, что вы слишком легко отделались на этот раз. Что вы об этом думаете?

– Да, – согласилась Норико, оставшись в одних трусиках.

Кожа у нее покрылась мурашками. Она чувствовала, как вокруг нее распространяется запах ее вагины, и ей было как-то неудобно спускать трусики, не поняв, какое отношение это должно иметь к необходимости просить прощения. Она сама не заметила, как оказалась на коленях, связанная кожаным ремнем. Сеанс начался незамедлительно.

Когда начался сеанс, Кейко Катаока вдруг поняла, что то, о чем она всегда смутно мечтала, сейчас, прямо у нее на глазах, стало приобретать определенную форму. Бомж хоть и был несколько груб и неотесан, но зато умел заставить другого принять очевидную данность.

– Я на тот момент уже стала чем-то вроде легенды, признанной хозяйкой церемониала. А это накладывало свой отпечаток на манеру мыслить и требовало физической выносливости. Мужчины больше не представляли для меня загадки, я многое узнала, и можете назвать это как угодно, но я непременно должна была входить в пятерку первейших покорительниц, работающих в этой стране. Однажды этот человек даже сказал мне следующее:

– Кейко, ты могла бы стать психиатром.

– Психиатром? И что это за специальность? – спросила я.

– Приносить облегчение тем, кто страдает.

– Да, я как раз этим и занимаюсь, – ответила я.

Я понимала мужчин, что ими движет. Между тем один аспект до сих пор ускользает от меня: эта борьба, которую они все еще способны вести, даже после эякуляции, эта сила поднимать невероятные тяжести, эта энергия, которая переполняет их даже на последнем издыхании, даже когда они в состоянии полного физического истощения. Есть вещи, на которые мужчины не были бы способны, не обладай они этой слепой решимостью. И когда я думаю, что все, все делается для того, чтобы получить этот результат, эта мысль убивает меня, меня, Кейко Катаоку. Именно в этом мужчины, во всяком случае некоторые, превосходят нас, женщин, именно благодаря этой ничтожной разнице, которая толкает их на непредвиденные крайности.

Бомж обратился к Норико:

– Норико, ты меня слышишь?

Глазное яблоко у нее расширилось до невероятных размеров. Она была не в состоянии подняться. Стоило ей лишь попытаться это сделать, как она тут же тяжело валилась на колени. «Как только что родившийся олененок», – подумала я, хотя дикие детеныши всегда умудряются устоять на своих четырех, даже после не одного десятка неудачных попыток. Во всем остальном Норико походила на олененка: своими расширенными от ужаса глазами, своим липким телом, всеми порами, источающими влагу, хотя детеныш уже давно извалялся бы в траве и обсох. С Норико же было наоборот: из нее продолжало сочиться, и остановить это можно было, лишь вставив ей вибромассажер или тампон.

– Норико, как ты? Это наркотик, экстази. Понимаешь? Ты чувствуешь себя странно? Ты знаешь, со мной ты можешь расслабиться…

Норико замотала головой, как аптечная лягушка, каких можно увидеть в витрине любого фармацевтического заведения. В глазах у нее стояли слезы. Экстази не заставляет испытывать жалость к самому себе, напротив, заставляет полностью и безоговорочно принимать ближнего, даже если то, что на самом деле могло бы ее утешить, было…

– Да, кстати, чего бы тебе хотелось, Норико?

Пенис моего любимого мужчины, этот член, который находился всего в каких-нибудь полутора метрах от меня, спрятанный под двойной броней трусов от Версаче и брюк от Черутти. Я видела вульву и клитор этой обыкновенной девушки, из тех, простых, что мне нравятся. И, никогда не пренебрегая интересами женщин, я знала, что могла бы помочь ей кончить в сорок четыре секунды, но я была такой холодной и бесчувственной, будто меня заковали в лед.

– Что с тобой? Что происходит? Как ты? Этот наркотик действует как «сыворотка правды». Он позволяет к эффекту удовольствия и возбуждения прибавить свободу действий в отношениях с другими, понимаешь? Он совершенно располагает к партнеру. Чего тебе хочется? Ну скажи, Норико! У меня есть то, чего тебе хочется? Норико, разве я когда-нибудь сделал тебе что-либо плохое?

Норико покачала головой. «Никогда», – казалось, хотела ответить она. И мечтала лишь об одном: уйти из этой слишком ярко освещенной комнаты, оказаться в постели и броситься на этот член, сосать и покусывать его, как собака кость. И тем не менее как раз этого ей бы и не позволили. Мужчина обнял ее и принялся целовать. О! До чего же эти поцелуи были неприятны и неумелы! Никакой нежности, чувственности! Однако он целовал так, как я никогда бы не смогла поцеловать.

– Хватит, хватит, хватит, хватит, хватит, хватит, довольно! Что же это такое? Да что со мной? Что это… – орала Норико, которую начало сильно трясти; она тщетно пыталась унять эту дрожь, притираясь к члену, контуры которого угадывались под натянутой тканью брюк.

– Успокойся, Норико! Позволь мне. Держись прямо. Обопрись на меня и попытайся подняться. Доверься мне, и я дам тебе то, что давал всегда…

Он надел ей на лицо маску с логотипом «Вирджин Эйр», какие раздают в полете пассажирам первого класса британских авиалиний.

– Нет, только не это! Что ты собираешься делать? – вопила Норико, пытаясь высвободиться.

Тогда он прищемил ей сосок, и она застонала, смирившись и дав ему закончить начатое.

– Эй, Кейко! У тебя еще есть?

Я передала ему кусок пластилина, каким обычно играют дети в начальной школе. Это ему пришла в голову эта мысль. Я сама, например, никогда этим не пользовалась. Мужчина засунул в уши Норико затычки, замазав их пластилином, а затем водрузил ей на голову огромный стереошлем. У Норико и так была большая голова, а в этом уборе она вообще стала казаться необъятной.

Он связал ей руки поясом юката, оставив ноги свободными, затем, положив ее на пол, завязал ей рот кожаным ремнем, в середине которого было утолщение величиной с пинг-понговый мячик, оказавшееся у нее в зубах, и оставил ее минут на десять.

Он действовал так впервые, и, вероятно, у него были основания полагать, что это небезопасно.

– Когда я был студентом, я знал одного парня, которого вот так же обработали, впихнув дозу ЛСД, а через пару часов он оказался в психушке. И знаешь, теперь он работает в прессе, важная птица и законченный мазохист! Ты должна его знать, Кейко. Это Акиширо. Да, точно, представь, он стал главным редактором в тридцать семь, и ему нравится пить мочу. Ты, конечно, не можешь его не знать, и поверь, всем этим он обязан тому опыту. Я искренне убежден, что чем раньше приобщишь их к этому делу, тем лучше для всех!

Самый верный способ превратить человека в мазохиста – это вызвать у него приступ безумия, лишив его всякой возможности чувствовать. Конченый мазохист – это существо, жаждущее находиться в чьем-либо полном подчинении, как младенец в руках матери, которая единственная может удовлетворить все его желания. Необходимо, таким образом, заставить его осознать существование кого-то, столь же влиятельного и сильного, как эта мать, и вбить ему в голову страх и уважение. Через десять минут Норико принялась тереть одну ногу о другую, извиваясь, как слизняк, и где-то, должно быть в груди, начал зарождаться невыносимый страх. Она стала дергать ногами, тело у нее покрылось потом: это был холодный пот – первый признак мазохиста. Этот мужчина действовал со знанием дела, и даже если у него не было большого опыта в этой области, как у меня, надо признать, он обладал определенным воображением, которое не могло не зависеть от той слепой решимости, о которой я только что упоминала. Во время наших путешествий в Париж, Нью-Йорк и Венецию мы приняли такое количество наркотиков, которое могло бы свести нас в могилу, но вместе с тем оно позволило нам приобрести некоторый опыт. Например, мы поняли, что героин – лучший из всех наркотиков, поскольку его производят из мака и его употребление практически снимает всякую потребность во сне, или что ЛСД больше подходит для ночных клубов, – словом, масса мелких сведений, которые приобретаются как бы сами собой, как опыт моряка, бороздящего незнакомые морские просторы. Когда я с ним познакомилась, у него не было ни малейшего опыта, он совершенно не разбирался в наркотиках. Конечно, еще студентом ему случалось оказываться в Окинаве в поисках героина или ЛСД, или того и другого вместе. Он покуривал травку. Кокаин в то время трудно было достать. Так что он интересовался лишь средствами, действующими на воображение, вызывающими возбуждение или эйфорию. Он располагал меньшими средствами, чем я, и вынужден был жертвовать качеством ради возможности попробовать все, что попадалось ему под руку. Решимость! ЛСД – это символ разумности вещей, он называл его «Карибский Сомерсет Моэм» и, бывало, принимал по сорок пакетиков сразу. Вы представляете, что это за

дерьмо, и как он только не окочурился после сорока доз! Думаю, что большую часть он сблеванул, но сам этот факт уже свидетельствует о том, что в нем жила та поразительная энергия. Большинство сосунков подыхают именно оттого, что не могут проблеваться. Думаю, со мной могло бы случиться то же самое. Как-то в Нью-Йорке, в тех самых апартаментах за две тысячи долларов в сутки, мы всю ночь принимали кокаин. Уже на рассвете я высыпала полоску в полметра и хотела, чтобы он умолял меня остановиться, что он больше не может, но он лишь сказал: «А у тебя ловко получается», – прежде чем втянуть двадцать сантиметров одной ноздрей, а потом вышиб огромную горькую соплю, сделав до этого такой глубокий вдох, будто собирался погасить разом пятьдесят свечей на праздничном пироге. Полчаса спустя он дрожал как осиновый лист, и я уже думала, что мне предоставляется возможность испробовать свои садистские наклонности. Но я быстро поняла, что даже в том его беспомощном состоянии он никогда не позволит взять верх над собой и никогда не окажется в роли мазохиста. Мазохист должен быть спокоен. Ему требуется совсем немного: жить как раб, как младенец, отказаться от всего, коекакая одежда, чтобы прикрыться, собственное имя, свобода действий… Мужчина лежал на боку, свернувшись комочком, в позе зародыша, на диване викторианского стиля в посольских апартаментах отеля «Плаза». Уже начали пробиваться первые лучи солнца. Он находился в состоянии безумного напряжения, намного перебрав дозу, и его состояние могут понять лишь те, кто сам испытал это. Состояние, которое намного страшнее, чем блюз отрыва после ЛСД, когда достаточно инъекции кокаина. А вот после экстази, если ввести героин, сердце обычно сдает. В тот момент я по-настоящему любила этого человека, беспомощного, дрожащего, который уже ничего больше не просил. Я ввела ему немного морфина, чтобы облегчить его страдания, и, думаю, с моей стороны это было самое лучшее, что я когда-либо сделала для мужчины. Сердце его бешено колотилось, однако он нашел в себе силы приказать мне раздеться и ползать перед ним на четвереньках, при этом он тотчас же завелся. Я никогда еще не встречала мужчину, у которого встал бы в таком состоянии. Естественно, у него был не слишком твердый, но он заставил меня кончить несколько раз, и тогда я поняла, что, если останусь с этим человеком, он меня убьет. Я поняла это не головой и не сердцем, я поняла это маткой, собственным чревом, бьющимся в судорогах оргазма. Сейчас я понимаю и еще одну вещь. Чтобы выкарабкаться, ему надо было отказаться от всякой попытки осмыслить то состояние, в котором он находился, и понять, что одной ногой он был уже там. Одного шага было бы достаточно, чтобы вернуться в небытие, стать пустотой, как, например, эта фреска или эта мелодия, написанная каким-то немцем, имени которого я не знаю. Мужчины превосходят нас только в этом благодаря безумной решимости, на которую они способны. Любой другой в его случае кончил бы свои дни ни на что не годной тряпкой, таскал бы мои чемоданы на горных курортах или что-нибудь в этом роде. Эта фреска, как и эта мелодия, являются не чем иным, как результатом той самой слепой решимости, они и есть это ослепление. У меня гораздо больше воображения, чтобы придумывать разные игры, и особенно чтобы изощряться в них. Мужчины не способны выделять суть вещей, даже сейчас мне достаточно было сказать: «солнечные очки», как в ответ послышалось бы: «Рэй Бэн». И тем не менее лишь мужчинам дано писать такие фрески, создавать новые языки, новые концепции. Итак, что же доставляло мне крайнее сексуальное удовольствие? Норико была совершенно раздавлена, полностью порабощена. Она была гораздо менее строптивой, чем я. К тому моменту, когда он снял замазку и вытащил затычки из ушей, Норико уже превратилась в безмозглого младенца, который принялся всхлипывать, ища лишь одного – укрыться в его объятиях. Он обнял ее и усадил на стул, раздвинув ей колени, затем сделал мне знак привязать ей ноги. Пока я возилась с этим, Норико все всхлипывала и сильно дрожала, будто прося мужчину, чтобы он погладил ее по щеке, по голове, помассировал ей плечи, приободрил ее. Наконец я привязала ее ступни к стулу кожаными ремнями. Тогда мужчина скорчился, просунув голову ей между ног и стал смачно лизать ее промежность.

– Эй, Норико! Мы ведь всегда так начинали, правда? Эй-эй! Ты меня слышишь? Слышишь? Ну вспомни! Сколько мы выпили вместе! Ты только подумай! Помнишь тот бар в Аояме с форелями в аквариуме, мы пили там до самого утра, а тайский ресторанчик в Шибуйа, там еще дергалась под музыку целая банда скинхэдов, или караоке у двух травести в «2 Чом». Мы так набрались, что уже и не знали, осталось ли у нас что-нибудь от мозгов. Каждый раз мы так напивались, что не помнили, где у нас язык, и нам уже ничего не надо было, лишь бы добраться до кровати, все так всегда и начиналось. И я говорил тебе, что главное – это не отдых и не сон, а желание, и начинал лизать тебя, вокруг клитора…

Норико, все еще с маской на лице, стонала от удовольствия, чувствуя ласки этого мужчины, эти губы и этот язык в своей промежности. Она отвечала ему своей чувствительностью, будучи не в состоянии произнести ни слова. Он велел мне приготовить леску: с помощью этой нити, просунутой между ног и обвязанной вокруг талии, можно было обнажить клитор, слегка приподняв прикрывающие его половые губы. Норико не поняла, что мы проделали, возможно, она представляла себе палец или язык, которым пытались добраться до ее щелки. Я, должно быть, тоже не раз это испытывала, но никогда после экстази. Для Норико все было впервые.

– Я хочу предложить тебе кое-что, чего мы еще никогда не пробовали.

Глаза у него блестели, как у ребенка, которому выпала невероятная удача поиграть в любимую игру. Когда он был пьян или под кайфом, он всегда говорил одно и то же:

– В моем возрасте я в конце концов понял, что мне нравится, а что – нет, и это далось мне нелегко. Когда я готовился к вступительным экзаменам в институт, мне однажды пришлось вернуться к нам, в деревню. И вот, в одном магазине подержанных книг я как-то наткнулся на серию старых журналов садомазо. Сейчас, вспоминая об этом, должен сказать, что журналы эти были довольно пресные и, пожалуй, хороши лишь на потребу какому-нибудь конченому маньяку. Однако там я нашел одну сцену промывания. Деревенька у нас маленькая… я долго раздумывал и так ничего и не купил, зная, что тут же весь этот забытый богом уголок наполнится глупыми слухами. Потом я все ходил вокруг да около этого книжного магазинчика, но так и не решился купить журнал. И знаешь, я потом жалел об этом все следующие двадцать лет. А может, купи я его, до сих пор бы заворачивал в него бутерброды, как те простаки, которые таскаются на экскурсии с завтраками, завернутыми в разноцветные страницы с фотографиями какой-нибудь древней рок-звезды. Видишь ли, мне всегда хотелось поприсутствовать при промывании, по старинке, с клизмой, совсем как это показано в том журнале. И если я по-настоящему хочу этого, то уверен, мне придется потратить не одну сотню тысяч иен и переступить опасный порог, запастись приличным количеством наркоты и, главное, найти подходящую девицу, такого класса, как Кейко. Это желание застряло во мне с того самого момента, сначала это была всего лишь прихоть, пустяк, но со временем он разросся, как воспоминания о детстве, которые обычно оказываются слишком преувеличенными, когда возвращаешься на прежние места уже в зрелом возрасте. Только видишь ли, в чем дело, на том снимке девица, которой ставят клизму, была такая страшная, что хуже не придумаешь.

Норико уже начала кое-что понимать. Мужчина отошел, но между ног у нее все еще что-то мешало. Она чувствовала это, но ничего не могла сделать.

– Норико! Ты привязана к стулу и сидишь, раздвинув ноги, – весело заметил он.

Норико не поняла, что он говорил, она лишь интуитивно улавливала его голос и своеобразную манеру говорить, однако понимала, что находится в каком-то унизительном положении, а ее хозяин оставил ее, связанную, возбужденную до крайности, когда ей так хотелось, чтобы у нее отсосали.

– Тебе нравится?

Норико поняла по тону, которым был задан вопрос, что протестовать бесполезно, и кивнула. Большинство людей не понимают, что все держится именно на этом моменте, когда соглашаешься. Мужчина же давно знал, что этот момент означает разрушение воли, это было зна-

ком того, что ему удалось, что его энергия взяла верх. Он понял это благодаря собственной решимости.

– У тебя клитор торчит наружу, ты знаешь? И как? Ты чувствуешь унижение?

Норико не знала, что отвечать, и некоторое время молчала, прежде чем завопить:

– Мне стыдно, стыдно, стыдно, стыдно! – При этом она приоткрыла ряд крепких и ровных зубов, хотя десны у нее были какие-то темноватые, болезненного оттенка.

Тут же я почувствовала, что сильно теку. Любое разрушение личности непременно отзывается эротическим возбуждением. Я мало читаю и не могу объяснить этот феномен. Норико наконец-то сумела избавиться от надетой на нее маски. Экстази давало примерно тот же эффект, что и «эликсир правды», однако это вовсе не означало, что Норико должна была совершенно потерять чувство реальности. Она обвела взглядом комнату и мгновенно поняла, в каком положении находится. Привязанная к стулу, с широко разведенными ляжками, вся напоказ перед этим мужчиной, с которым она когда-то кончала, которого когда-то любила и сейчас продолжала любить, а рядом с ним – эта женщина, такая высокая, в безупречном красном костюме, – я. Поскольку она работала в модном салоне, то без труда могла оценить по достоинству мою элегантность. И, сознавая всю нелепость своего положения, Норико тем не менее была не в состоянии протестовать. Это вовсе не было отупением, просто она совершенно не знала, как быть. Ее легкие, вот здесь, прямо под ребрами, ее язык и нёбо, стенки ее вагины, казалось, существуют отдельно от нее самой и раздуваются в такт ударам сердца. Они готовы были оторваться и заплясать вокруг нее. Ее женское естество больше ей не принадлежало, не слушалось ее. Она понимала, что этот мужчина, которого она любила, ничего не предпринимал, чтобы прийти ей на помощь. И потом, здесь было еще кое-что: мужчина усадил эту высокую женщину на диван, снял с нее туфли на шпильках и стал целовать ей ноги. Женщина же холодно смотрела на них обоих, на него и на нее, Норико. Затем она принялась стонать, все громче по мере того, как его язык проскальзывал у нее между пальцами.

– Я чувствую, как это встает, я сейчас сниму чулки и спущу трусики, для тебя, – сказала я ему.

Норико отвела взгляд. Взгляд! Это самое существенное в подобных ситуациях.

– Норико, если ты и дальше будешь отводить глаза, если ты не можешь на нас смотреть, на этого мужчину и на меня, ты у меня останешься привязанной до конца твоих дней.

– Да-да, Норико, посмотри, как раздулся твой клитор! Он уже больше, чем мой пальчик. Посмотри! – Мужчина оставил меня и подошел к Норико, схватив ее за волосы. – Ну же! Наклонись немного и посмотри на свою дырочку.

– Нет, нет, нет! – запротестовала Норико, разрыдавшись.

Мужчина никогда не поддавался на эти трюки и не собирался ее отпускать.

– Посмотри! Видела? Ты видела?

Он несколько раз заставил ее нагнуться, просунув ее голову между ног, будто выполняя гимнастическое упражнение. В конце концов Норико перестала сопротивляться и согласилась.

– Мы хотим это внятно услышать. Отвечай, Норико! – говорили мы ей.

– Да, – через силу выговорила она, несмотря на душившие ее рыдания. – Не делай мне больно! Пожалуйста, не делай мне больно! Миленький, миленький, пожалуйста, миленький! – повторяла она, шмыгая носом и одновременно понимая, что она не та женщина, которая заслуживала того, чтобы с ней были миленькими.

– Ну конечно, Норико, я буду очень ласков с тобой, – произнес мужчина, прежде чем лизнуть ей грудь. От ласки она застонала и поджала пальцы ног. – Посмотри хорошенько, Норико, и признай, что ты ревнуешь, что ты нам завидуешь, признайся честно, – сказал он, опять вернувшись ко мне и устроившись у меня между ног.

Он начал ласкать меня, раздвинув пошире половые губы, чтобы Норико могла видеть, как сильно я теку. Сначала она с отвращением отвела глаза. Но потом опять повернулась, будто

спохватившись от страха, услышав все нарастающий звук сосания у меня между ног и мои стоны удовольствия. Она попыталась освободить себе руки, но все, чего она добилась, – это еще больше натянула леску, привязанную к ее клитору. При этом из нее вытекла щедрая струя влагалищной жидкости, смешанной с другими выделениями, и намочила сиденье. Норико была подавлена.

Действуя именно таким образом, мы подчинили немало других женщин. Все они походили на Норико, один тип. Обыкновенные, миловидные, хорошо воспитанные, ведущие размеренный образ жизни, при этом все они относились с благосклонной симпатией к бомжу. Среди них была даже жена одного его партнера по гольфу: она разъезжала на «порше-каррера», любила английский рок, независимое французское кино, парусный спорт, гольф, погружение с аквалангом – словом, замужняя женщина, которая, помимо гольфа, обожала итальянскую кухню и всегда хотела попасть в этот мир мужчин, который она находила столь привлекательным, однако каждый раз, через два часа после того, как набиралась всяких разных макаронных блюд и опорожняла пару бутылок бароло – я уже говорила вам, что всегда любила это вино? – так вот, она проглатывала полтаблетки экстази и пять часов кряду отдавалась самым извращенным прихотям. Женщина, которая обычно трахалась два раза в неделю в парикмахерском салоне Дайкамияма, а потом в наших апартаментах при полном свете и звуках английского хард-рока, доносившихся из-за двери соседней комнаты, после недолгого стриптиза, сводившегося к дюжине похотливых жестов, широко расставив ляжки и выставив свою дырку, откуда только что вывалился ее муж-бизнесмен, неистово требовала оргазма, а между тем каждый раз должна была довольствоваться тем, что лакала нашу мочу. Еще была одна студентка двадцати одного года. Старшая дочка директора небольшой фармацевтической компании; она училась на курсах международной торговли при католическом университете, в Йокогаме, очень гордая девица, обожавшая мюзиклы этого мужчины и имевшая за всю свою жизнь, несмотря на ревностное пристрастие к произведениям маркиза де Сада, всего двух мужчин и ни одного оргазма. Он представил меня как специалиста по потустороннему миру. «Пожалуйста, прошу вас, посвятите и меня!» – все повторяла она, не зная толком, о чем речь, а потом сразу струхнула, когда почувствовала первые признаки действия экстази. Эта волосатая девица сразу начала сильно брыкаться, и ему пришлось силой успокоить ее, чтобы я смогла ее связать, однако она тут же потекла, как только он начал ласкать ее между ног. Надо прибавить, что у нее были обширные книжные познания о садомазохизме, и поскольку она без конца повторяла, что хочет стать нашей рабыней, я связала ей руки за спиной и натянула тонкую полоску кожи между ног. Она плакала, но от удовольствия, и просила у нас прощения, когда мы стали заниматься любовью у нее на глазах, показывая, что нам плевать на нее, всю в дерьме, которым мы ее обмазали, сделав ей промывание. Она и сейчас еще иногда приходит ко мне за унижением. Она же, разумеется, и платит. Потом была одна служащая, довольно умная девушка из какой-то конторы по кредитованию, потом тридцатилетняя хозяйка джаз-бара из Акасаки.

Тогда мы, должно быть, и поняли, что нет ничего, что могло бы сравниться с представлением о сексуальном желании. Но вот… решимость? Проистекала ли она из философии этого мужчины или зависела от женщины, которой была я и которая отказывалась стать нимфоманкой? А может быть, мы осознали, что отныне ничто не могло бы нас остановить…

Вот здесь-то и появилась Ми. Она не имела ничего общего с другими женщинами, о которых я упоминала, была их полной противоположностью. Понемногу мы устали и от Норико, которую приглашали не один десяток раз, и от великовозрастной девицы, и от замужней гольфистки, этих двадцатиоднолетней и тридцатилетней, которых нам случалось сводить вместе. Всем им недоставало одного, и мы находили особое удовольствие в том, чтобы лишний раз показать им это, причем довольно пошлым образом. Но вот как-то раз мужчина заговорил со мной о Ми, и, что странно, все началось с истории туалетов.

– Я видел в жизни всякие ужасы, но знаешь, что больше всего меня испугало? Еще в детстве это уже не были обычные проделки сорванцов, когда тебе подсовывали змею или, балуясь, толкали с высокого края; мой маленький гений, каким я был с детства, с легкостью воспринимал все эти дурачества. А между тем было нечто такое, что ужасало и угнетало меня, – война. Не война вообще, а то, как я себе ее представлял благодаря мерцающим кадрам новостей, в черно-белом цвете, какие непременно выдает нам телевидение накануне каждой годовщины пятнадцатого августа тысяча девятьсот сорок пятого, и сопровождающим их комментариям, всем этим сценам массовых самоубийств в Сайпане, трагедии Хиросимы, самолетам камикадзе, разбивающимся в море, рядам солдат, выступающих из Маньчжурии по холоду и грязи. Этот голос, гнусавый и покорный, пугал меня до такой степени, что я готов был намочить в штаны. Сейчас я понимаю, что так угнетало меня: это были вовсе не кадры хроники, кадры, показывающие войну, но все это, весь этот ужас войны, в целом, как я представлял ее себе благодаря этим кадрам.

– Все это? Что вы хотите этим сказать?

– Заклание отчаянию, внутренний отказ, молчаливая покорность. Вот что это было. Вот чего я не мог выносить. Этот вид темной страсти, эта форма патологического безумия, которая возникает во время войны. Это скрытое желание подчинить себе другого, эта воля, которая, разумеется, питает в ответ противоположное желание быть подчиненным, покоренным, униженным. Мысль, что рабство представляет собой высшее состояние. Мысль, которую я обнаружил в наиболее проработанном варианте в документальном фильме об Освенциме «Ночь и Туман» Алена Ресне, французского режиссера, в два раза менее известного, чем Годар. Там были комментарии на французском языке, сопровождающие кадры этой краткой хроники, показывавшей невыносимые ужасы: горы трупов, тела, сваленные кое-как один на другой. И все же не это представляло для меня предел ужаса, а туалеты.

– Туалеты?

– Ну да! И еще спальные помещения. Ряды кроватей, поставленных одна на другую в три этажа, на которых едва ли можно было растянуться во весь рост. Слова, сопровождавшие эти кадры с кроватями, сохраненными до наших дней в одном из музеев Польши, были следующие: «Вот здесь, на этих матрасах, кинутых на деревянные доски, голодные и под постоянным наблюдением проводили свои бессонные ночи депортированные». Вот что вызывало в моем воображении все эти политические зверства, этих евреев, лежащих в темноте и надеющихся до самого утра, что все обойдется, и то состояние страха, в котором их держали силой. Я представлял, как уже на рассвете они должны были немного успокоиться, постепенно привыкнув к своему положению пленников. В этом фильме использовались и документальные кадры военной хроники, но самыми сильными были другие, цветные, снятые в этом музее. Это было похоже на надписи, которые вдруг случайно обнаруживаешь на школьной парте, и это производит гораздо более сильное впечатление, чем собственная старая фотография, пусть и цветная, напоминающая тебе о первых школьных годах. И еще там были туалеты. Хроника показывала заключенных в туалете. Думаю, оператор не горел тогда безумным желанием снимать подобные кадры, в конце концов, все одинаково пользуются этим заведением, и дерьмо у всех одно, но вот Ален Ресне специально долго, очень долго задерживается на этих кадрах – заключенные в туалетах Освенцима. Эти ряды туалетов, возвышающихся на цементном цоколе, в метре от пола, зияющие своими дырами, расположенные зигзагом через равные интервалы. Простые дыры. А подобное расположение – естественно, для удобства наблюдения. Словом, они полностью исключали момент уединения, даже во время испражнения. Эти цоколи были примерно в метр глубиной и располагались зигзагом, а не в линию, что довольно просто понять: таким образом получалось больше дыр! Садясь в ряд, заключенные непременно стали бы мешать друг другу. Ряды были довольно длинные, так что справлять нужду могли сразу человек сто. А так как там было много подобных заведений, десять или двадцать, то это давало возможность испраж-

няться сразу уйме народу, до двух тысяч человек. В комментарии, сопровождавшем эти дыры, сообщалось, что малейший понос означал смерть; а когда там открыли музей, естественно, все продезинфицировали. Дыры в бетоне были заделаны, и теперь уже никто не смог бы воспользоваться ими по назначению, так что они должны были навсегда остаться чистыми. Эта сцена длилась бесконечно долго. Сначала я не понимал, о чем речь, но потом до меня дошло, что это туалеты, когда за кадром стали говорить, что заключенные располагались рядами, находясь, таким образом, под постоянным надзором, и что их часто били, даже пока они справляли нужду. Вот тогда-то мое воображение и заработало. Потому что я, которому вечно хочется отлить, – несомненно, потому, что я всегда слишком злоупотреблял своей пипеткой, – ненавижу общественные туалеты, особенно за границей – в Марокко, в Индии, в Турции. Чтобы решиться на это, нужно на самом деле очень хотеть, как однажды мне приспичило и пришлось справлять нужду в сортире второго класса на самоходном пароме, который бешено качало по пути в Хашиоджиму. А вот теперь представь себе, какое это зрелище, когда тысяча или даже две тысячи человек одновременно справляют нужду в одном сортире, у кого-то понос, кто-то ссыт кровью, кого-то выворачивает наизнанку, кто-то скребет свой фурункул на заднице, кто-то просто подыхает. Туалеты Освенцима для меня представляют наивысшую степень ужаса, забыть о котором мне помогает лишь «Шато Латур» семьдесят шестого года, или светлые, цвета слоновой кости, кристаллики колумбийского кокаина, или гладкая площадка для гольфа, понимаешь? Ми была профессиональной переводчицей, и еще она брала уроки фортепиано и увлекалась современными танцами. По выходным она играла в одной группе, одна воспитывала маленькую дочку, которая уже ходила в школу. Ростом она была всего метр пятьдесят четыре; однажды она пришла к нам на прослушивание. Меня в тот день не было, а мой ассистент нашел ее слишком невзрачной и без особых церемоний отправил восвояси, что, должно быть, вовсе ее не удовлетворило, и она прислала мне потом очень длинное письмо. К тому времени я уже поставил два мюзикла, а основная тема того, над которым я работал в тот момент, была такой: «Существа, не способные сочувствовать, – живые трупы». Это тоже, несомненно, должно было подвигнуть Ми на такой шаг.

Эта девушка жила в провинции Нагано или в каком-то другом, столь же забытом богом месте. Как-то раз он показал мне письмо, которое она ему прислала. Оно было удивительное: неужели в этом мире еще есть такие чистые люди?! Конечно, подобные вещи забываются, когда живешь в Токио, где все возможно. Словом, эта девушка была чистым порождением сельского уклада жизни.

Я лишилась сна, с тех пор как съездила в Токио на это прослушивание, почему я решилась на такое? – писала она своим круглым женским почерком, подчищая огрехи, невольно допущенные дрожащей рукой; при взгляде на это письмо создавалось впечатление, что от него зависела вся ее жизнь.

Могу сказать, что я женщина уже не первой молодости, мне только что исполнилось двадцать восемь и у меня маленькая дочка, которую я воспитываю одна.

С детских лет я была очень независима и горда, и потому никогда в себе не сомневалась.

Мои родители были люди простые, и в семье у нас у всех было очень развито чувство независимости, так что, верно, по этой самой причине мои родители разошлись, когда я была еще совсем маленькой, и нас с сестрой воспитывала мать.

Моя мать занималась тем, что выдумывала новые пирожные, и сейчас я очень хорошо понимаю, насколько трудно ей было одной поднять нас с сестрой. Это была сильная и жизнерадостная женщина. В настоящее время она снова вышла замуж и занимается камбоджийскими сиротами, участвует в миссии Красного Креста в Шри-Ланке и прекрасно себя чувствует.

Я создала свою рок-группу, когда была еще на подготовительном курсе в университете. Начало было удачным, мы пользовались успехом.

В нашем городе есть радиостанция, на которой записываются пять-шесть групп музыкантов, иногда вживую, для концертов, на которые, бывает, попадают и банды кретинов, какие, несомненно, встречаются и в Токио. Мне довелось получить предложение от двух-трех групп, и это, конечно, не могло не подать мне нужную мысль.

Сценарий был все время один и тот же: лидер группы является ко мне с предложением, напыщенный, как индюк, мы объясняемся, всего несколько фраз, и я отказываюсь; на следующий день они выступают с какой-нибудь другой вокалисткой, в общем, все на уровне школьного вечера в прежние времена, а я все не у дел.

Моя сестра – госслужащая, работает в сфере водообеспечения. Она вышла замуж за простого человека, который на восемь лет старше нее, а я пошла по стопам своей матери и пустила любовь на самотек.

Я забеременела, когда была еще студенткой, и решила сохранить ребенка и воспитывать его одна, потому что он был от человека, которого я любила.

Вполне естественное решение, не правда ли?

И вот началось, года два назад.

Без денег, без семьи, никаких особых талантов, не слишком привлекательная, в этом захолустном мирке, с его ультраконсервативным укладом, с одной целью в жизни – воспитать своего ребенка….

И вот, два года назад, я открыла для себя ваше творчество.

Вначале оно сильно меня шокировало, я едва могла вытерпеть до конца спектакля, а потом мне вдруг показалось, что во мне как будто что-то проснулось.

Какое-то волнение, напряжение, которое заставляло меня по-новому осознать жизнь, понять, что не было никакой заслуги в том, чтобы безропотно сносить скуку и то, что я молча переносила до сих пор. Это была очень важная вещь, которую, однако, я давно забыла, а сейчас она вдруг возродилась как некая сила, которая росла во мне.

Я поняла, что должна прекратить это пустое существование, и, преодолев свой стыд, решила брать уроки современного танца.

С тех пор я стала замечать, что мой взгляд меняется, я вновь обретала себя.

Я назвала свою дочку Нао, потому что это звучит как «now», понимаете? И Нао теперь тоже чувствует себя гораздо лучше; она стала более уравновешенной, с тех пор как пошла в школу и не проводит целые дни в моем обществе.

Это письмо вовсе не предназначено для того, чтобы выразить вам свою горечь по поводу моего провала на прослушивании.

Совсем наоборот, я хотела бы поблагодарить вас от всего сердца.

Вы часто говорите, что жить без удовольствия – это грех.

Я давно уже не выпивала, не тр… не была с мужчиной, и все же, думаю, я вновь обрела вкус к жизни.

Теперь я уверена, что покраснею перед вами, если однажды нам выпадет случай встретиться».

Итак, перспектива получить возможность лицезреть эту провинциальную мать-одиночку, такую сознательную и трудолюбивую, растленной, с клизмой, вставленной в задний проход, и подтолкнула нас превратить ее в нашу новую жертву. На самом деле эксперимент оказался не слишком занимательным, а Ми некоторое время спустя покончила с собой.

– Тогда впервые этот мужчина испытал чувство вины. Когда он заговорил со мной о ней, он сказал: «Эй, Миясита! Вы что-то неважно выглядите. Моя история еще не окончена, расслабьтесь. Прошу вас. Расслабьтесь и слушайте меня…»

Кейко Катаока только что произнесла имя Мияситы, и я внезапно осознал то, что от меня оставалось. Руины, куда ни кинь взгляд, руины и опустошение. И поверг меня в это состояние небытия вовсе не рассказ, который я только что от нее услышал, а ее голос и пытка сонмом извращенных кадров, которые как будто еще мелькали у меня перед глазами на воображаемом экране. Я чувствовал, что все внутри меня разлагается, гниет. Мне довелось както посмотреть тот документальный фильм Алена Ресне, о котором бомж рассказывал Кейко Катаоке, поясняя ей, что больше всего ужасало его. На меня фильм произвел очень сильное впечатление. И потом я пересмотрел все фильмы этого режиссера. И всякий раз находил у него постоянное стремление сохранить некую дистанцию. Дистанцию с прошлым и с современными событиями, со временем и с пространством… дистанцию, которая невольно возникает при просмотре черно-белого фильма именно из-за самой силы впечатления от черно-белого кадра. Решающим было даже не столько содержание этих кадров, сколько сама форма представления: с того момента, как ты их увидел, это уже невозможно было забыть, выкинуть из головы. То, что рассказывала Кейко Катаока, ее голос, ее манера выражаться – все обращало меня в прах, ее рассказ проникал в меня, как если бы я видел фильм, серию кадров, сухих и шероховатых от времени. Фильм, снятый в пустыне, обветшалый ресторан под открытым солнцем, сухие, черствые кадры. Пыль в воздухе, окна с разбитыми стеклами, хлопающие на ветру, осколки стекла, отсвечивающие в лучах заходящего солнца, мухи на остатках свинины с бобами. Персонажи, о которых она говорила, истекающие спермой и выделениями секреторных желез, покрытые дерьмом, возникали прямо в комнате, как в этом ресторане, затерявшемся на самом краю пустынных пространств американского Дикого Запада. И если эта пыль, кружащаяся в воздухе, представляла собой тот самый затхлый душок и настрой всех этих оргий, то ни у одного из персонажей, за исключением Кейко Катаоки, не было лица. Мне пришлось встретиться с бомжом в Нью-Йорке, но его лицо скрывалось от меня в тени, в глубине комнаты, и я был не в состоянии узнать его. То же можно было бы сказать о Норико, замужней женщине, старшей дочке: я не различал их лиц, и все, что могло дать мне какое-то представление о них, были их тела, выставленные напоказ, непристойные, бродящие по комнате, терзающие свои половые органы. Как будто их сняли лишь ниже шеи. Я никогда не видел их лиц, или же это были лица как во сне. Лица, которые вдруг мгновенно менялись в течение одного и того же сна. Женщина, которая кончала, внезапно приобретала черты моей матери; мужчина, застреленный из револьвера, оказывался с моим лицом. У всех у них было лицо, объединившее в себе черты тысячи лиц, будто пропущенных через миксер. Я наблюдал это зрелище, возбуждаясь сильнее, чем в первый раз, когда увидел порнофильм, как вдруг меня позвали, обратившись ко мне по имени: «Миясита!» И я мгновенно пришел в себя, как если бы камеру вдруг направили на меня и на экране крупным планом появилось бы мое лицо. Это было невыносимо. Видеть себя невыносимо, поскольку кадр – это объективное отражение реальности по определению.

– Прошу вас, расслабьтесь и слушайте меня! – сказала Кейко Катаока, улыбаясь.

И эта улыбка на ее лице была как шрам, свидетельствующий о всех авантюрах, которые она пережила. Между тем я не видел в ней женщину из ее историй, связанную, насилуемую, растерзанную и психически изуродованную, она не была похожа на всех этих женщин, которых они с этим мужчиной заставляли кончать себе на забаву. Это была невинная улыбка, улыбка женщины, которая состарилась прежде времени, но не узнала этот мир, как будто вся ее жизнь состояла из уроков французского и верховой езды. Я слегка тряхнул головой и поднялся, чтобы пойти взять в холодильнике чего-нибудь выпить. Таким образом я сумел удалиться от магнитного поля, как будто источаемого Кейко Катаокой, и тут же осознал, что стоило мне сде-

лать несколько шагов, совершить это простое и инстинктивное действие, чтобы сразу прийти в себя, почувствовать, что мое тело и мой рассудок вновь спаялись в одно целое, пусть даже картины этих гостиничных номеров, видевших столько оргий, и впечатление, что мое «я» на время исчезло, были еще долго живы для меня. Взяв бутылку «Хайнекена», я попытался успокоиться. Я уже чувствовал, что недомогание и головокружение начинают отступать, как вдруг голос Кейко Катаоки вновь пронзил меня: «Вы хорошо расслышали?» Настоящая собака Павлова. Это была дрессировка, упражнение, этот голос будто проводил сейчас инициацию юного девственника. Голос Кейко Катаоки обладал необычайной силой, он заключал в себе все необходимые составляющие, чтобы подчинить собеседника. Тон и тесситура этого голоса, манера выражаться, подбираемые слова, смысл которых был шире, чем просто их обычное значение. Голос, который попадал точно в цель при каждом выстреле и мгновенно подчинял меня, разрушая последние ошметки моей личности. Это уже был росток мазохизма, и я понял, как это сладостно – быть рабом. Мое подчинение в действительности не могло не быть добровольным. Сидя с бутылкой «Хайнекена» в руке, я почувствовал невыносимое страдание оттого, что до сих пор был вынужден носить эту личину собственного «я». «Сейчас уже ничто не имело значения, нужно было, чтобы я совершил это самое что ни на есть определенное действие, чтобы Кейко Катаока позволила мне пасть к ее ногам и лизать подметки ее туфель. Жрать ее дерьмо было бы для меня еще более естественно», – думал я, бормоча в то же время какие-то слова извинения в ее адрес. Я вдруг на самом деле живо представил себе, как подношу к губам дерьмо Кейко Катаоки. Я глотнул «Хайнекена». Пиво было совершенно безвкусным. «Да-да, я слушаю очень внимательно…» – ответил я. У меня опять закружилась голова. «Да-да, я слушаю очень внимательно», – холодно повторило мое другое «я», слышавшее сказанные мною слова. Этот тип смотрел на меня в упор с издевательской улыбкой. Он просто издевался, он был сильнее, гораздо сильнее меня. «Да-да, я слушаю очень внимательно… Придурок вшивый!» – повторил он, расхохотавшись мне в лицо. Смех его становился все громче. Я повернулся к нему. «Мы так кончим шизофрениками!» – сказал я. «Придурок! Можешь убираться куда хочешь! Козел хренов! – бросил он и стал осыпать меня новыми ругательствами: ты-то точно кончишь шизофреником! Недоносок! Я уж как-нибудь выкручусь, буду жрать дерьмо и пить мочу этой красавицы! Давай вали отсюда… Исчезни!» Я запаниковал, это было похоже на то, как если бы я начал бороться сам с собой, чтобы выпутаться из этого кошмара. Я чувствовал, как это второе «я» неотвратимо вылезает из меня. И когда наконец он покинул меня, я понял, что отныне у меня нет никакой возможности понять, кто я такой, кто, кто я есть? Я, который сидел здесь, на диване, напротив Кейко Катаоки, соглашаясь между двумя глотками пива со всем, что бы она ни сказала. «Кто я такой?» – спрашивал я себя. Но так и не получил ответа, а Кейко Катаока продолжала говорить:

– …Моя история очень длинная, и мне кажется, что вы уже устали. Прошу прощения, но у меня нет другого выхода, как просить вас продолжать слушать меня. Моей истории еще далеко до развязки, будьте любезны, выслушайте ее до конца и потом уже решайте, потому что я хочу еще кое о чем попросить вас. Согласны? Итак, на чем я остановилась? Ах да! Ми. Появление Ми. Этот мужчина долго раздумывал по поводу Ми. Когда он нас познакомил, то, по своему обыкновению, просто поставил меня перед фактом, даже если до того уже спрашивал мое мнение насчет этой женщины. «Что ты об этом думаешь, Кейко?» – как-то спросил он меня в апартаментах одного гранд-отеля в Синагаве, где он обычно останавливался. Мы приняли экстази и баловались шампанским. Когда наркотик начал действовать, он стал лизать мне пальцы ног; лаская меня, он также любил делиться со мной своими садистскими планами, но в тот вечер он был на удивление серьезен, и я не знала почему. К тому времени мы уже не занимались любовью, когда оказывались наедине. Мы ограничивались тем, что доводили друг друга до экстаза, делая минет, а потом уже и до этого не доходило. Я жалела об этом. Но ничего не могла поделать. При малейшей неприятности он заболевал и чувствовал себя совершенно

разбитым, и напротив, когда ему выпадал успех, превосходивший его ожидания, когда критика была единодушно благосклонна, а деньги текли рекой, когда у него была власть, – энергия била в нем ключом. Наступали периоды, когда он забывал про свои комплексы, тогда я чувствовала, что он может стать законченным мазохистом. Естественно, он продолжал валяться у меня в ногах! В то же время это были моменты, когда мы оба могли кончить в результате настоящей садомазохистской связи.

– Думаю, со следующей все будет гораздо серьезнее, – сказал он однажды. – Я решил съездить в Нагано, посмотреть на эту девушку, и знаешь, я немного нервничаю, потому что она видит во мне настоящее живое божество. Трахнуть ее будет проще простого, я даже готов поспорить, что она с легкостью согласится пить мою мочу. Но, видишь ли, именно это и останавливает меня, чтобы ввести ее в наши игры. При первой встрече я дам ей много времени, и перед всеми, я только поэтому и согласился устроить конференцию на следующей неделе для этого серого быдла из торгово-промышленной палаты в Нагано, только для того, чтобы увидеться с ней, поговорить. Я хочу предложить ей встретиться с нами после конференции, и так как я опасаюсь, как бы она не заподозрила чего, я приглашу ее через моего секретаря.

Я почувствовала недоброе. Такое случается со всеми, и каждый видит это по-своему. Для некоторых это представляется в виде картины светотени: человек пробирается по стенке в темной комнате в поисках выключателя, а потом подскакивает от неожиданности, когда свет зажигается. В моем случае все гораздо банальнее: мне кажется, что меня обволакивает плотный туман, холодный и пронизывающий до костей, в котором я ничего не могу различить и из которого в любой момент может появиться неизвестно что и сковать меня страхом, как толстым слоем льда, в тот самый момент, когда суть проблемы должна будет проясниться. Когда он объявил мне о своем намерении отправиться в Нагано, я почувствовала, как по комнате пополз густой туман. То же самое повторилось на следующей неделе, когда мы опять встретились в этом номере и он сказал, что был в Нагано:

– Я встречался с ней.

У него был ужасно усталый вид. Его одолевали слабость, бессилие, не только физическое, но и психическое, казалось, все его существо умоляло, чтобы ему дали немного отдохнуть.

– Она такая, как я себе ее и представлял.

Его глаза загорелись, когда он об этом говорил, но я прекрасно видела, что кое-что бесследно исчезло: та детская простота, которую я всегда замечала в его взгляде, когда он делился со мной своими садистскими планами.

– Нагано! Вот уж точно последняя дыра в этой сраной стране!

Он пребывал в каком-то ненормальном состоянии, и мне, конечно, следовало бы попросить его отказаться на этот раз. Я долго колебалась. Естественно, дело здесь было не в нравственности, и еще меньше в состоянии души, я даже не знаю, как это выразить, может быть, что-то вроде интуиции, которая подсказывала мне, что все это несправедливо, даже если ни о какой справедливости в наших делах и речи не шло. Вопрос не в том, был ли он честен в своих отношениях с Ми. Этот вопрос вообще неприемлем в отношениях между мужчиной и женщиной. Нет, если что и казалось мне несправедливым, так это то, что он впервые как будто погрузился в фантазм, тогда как он всегда это ненавидел.

– Я видел ее, и должен сказать, это именно та женщина, которую я себе представлял. Нагано! Вот уж точно последняя дыра! Просто ужас, слово «культура» не сходило у них с языка, даже если я был последним, кого им вообще хотелось бы слушать. Конференция состоялась на открытом воздухе, в саду одного из тех старых домов богатых провинциалов, какие остались теперь только на селе, сосны, фонарь и я, на каком-то возвышении в виде сцены театра Но, вещаю с трибуны, сыплю последними словами… естественно, после небольшой прелюдии флейты и арфы в исполнении местных музыкантов и танца хозяек в кимоно, разносящих белое вино. В тот вечер стояла полная луна! А это вредно для здоровья, я даже забывал, о чем говорю.

Но мизансцена была идеальная для того, чтобы встретиться с этой женщиной! Темой моего выступления были мои мемуары, которые разошлись стотысячным тиражом; я стал говорить им о сценической постановке собственной жизни, о драматических моментах, которые скрывает любое существование, о воображении трагического и об экстазе, о том шаге навстречу смерти, который пародоксальным образом делает нас по-настоящему живыми, – словом, гнал им свое обычное фуфло, и с юмором… Не смотри так, Кейко! Ты же всегда говорила, что любишь слушать, как я рассказываю о своей жизни, что незачем всегда относиться к себе серьезно, иначе зачем вообще браться за собственные мемуары…

Он изменился. Изменилась и его манера говорить. Я чувствовала, что что-то было не так. Наверное, я должна была сказать ему об этом, но я не сумела. Сейчас я могла бы придумать тысячу извинений, даже если вообще не думать ни о каких извинениях, даже если наши отношения зашли в тупик и все должно было лишь ухудшиться. Я хочу сказать, что в тот момент поняла: он обманывает себя, не хочет видеть природы собственного желания.

– Моя конференция пользовалась большим успехом, если можно назвать успехом то, что я понравился кучке чумазых предпринимателей, которые крутятся возле торгово-промышленной палаты в Нагано. Ты знаешь, как я не люблю относиться серьезно к собственной персоне, можно сказать, что это одна из моих вредных привычек, но это всегда срабатывает с деревенщиной, они это обожают. Потому что, представь себе, сначала аудитория не хотела меня принимать. Однако они в конце концов остались удовлетворены и вполне довольны собой! Я специально систематически разжевывал малейший намек на провокацию в моих словах. Для них тот, кого представляли как человека, совершившего революцию в жанре музыкальной комедии в Японии, тот, кого называли Авантюристом, оказался на деле полной посредственностью, а это, ты понимаешь, это всегда придает им уверенности и примиряет с собственной закоснелостью! А потом, мне было плевать, потому что был этот прием после конференции, и была эта женщина, которая не сводила с меня глаз, оттуда, с задних рядов. Я тотчас же понял, что это она. Она оказалась точно такой, как описала себя в письме, – маленькая, худенькая. Но этот сверлящий взгляд! Только когда она подошла ко мне потом, я заметил, насколько у нее живые глаза. Во время приема мы поговорили совсем немного, но я добился, чтобы она подождала меня в баре отеля, пока я наскоро приму душ. Она выглядела очень элегантно! И я говорю это не для того, чтобы посмеяться. Знаешь, на ней были вещи, которых теперь не найти в Токио, все очень просто: кофточка и юбка, подобранные по цвету и обошедшиеся ей, пожалуй, не более чем в десять тысяч иен. Представляешь картину? Женщина с маленькой дочкой на руках, совсем простая, которая даже не может позволить себе фирменных шмоток! Однако ничего кокетливого или тусклого, она была одета просто, как все женщины какие-нибудь десять лет назад. Я натянул джинсы. Чувствовалось, что жизнь у нее не сладкая. Все при взгляде на нее говорило о том, что она выбрала лучшее, что могла себе позволить. Она ждала меня в баре, заказав себе «Жинлет». Я заказал себе то же самое. Черт, до чего же отвратительное пойло! «Вам это нравится?» – «Даже не знаю». Она держалась очень натянуто. Но даже если бы она была менее напряжена, думаю, она все равно не смогла бы мне ответить толком. Потому что нет никакой причины надеяться найти хороший «Жинлет» в Нагано, в том Нагано, где вообще не идет речи о хорошем или плохом вкусе. Деревня, одним словом. Я уже точно не помню, о чем мы с ней говорили, но она спросила меня, помню ли я ту женщину, которая дожидалась меня по окончании приема в надежде пожать мне руку. «Ах да, сейчас, когда вы мне напомнили… кажется, была какая-то женщина». – «Я потом долго жалела о том, что отправила вам это письмо, мне было стыдно, но зато теперь я знаю, что, не будь этого письма, мы бы с вами сейчас не разговаривали и я, вероятно, была бы на месте той женщины. В данный момент я очень рада, что написала вам, и вообще мне кажется, что я жила только для того, чтобы дождаться этого дня». То, что она сказала мне, нисколько меня не впечатлило и даже не доставило никакого особого удовольствия. Я никогда не думал, что женщина может испытывать уважение к

такому типу, как я! Я знаю, чего стою, и если есть что-нибудь, в чем я совершенно уверен, так это в том, что я по-настоящему сексуально озабочен!

И тем не менее этот мужчина желал лишь одного – чтобы эта женщина впилась в его член и умоляла вздуть ее как следует! Для него на самом деле только это и имело значение. Женщина сама по себе ничего не значила, важным было, сколько их, женщин, которых он мог поиметь. Как найти вдохновение в подобных отношениях? Вероятность того, что зародится что-то хоть сколько-нибудь серьезное, была равна нулю, тогда как именно эти истории были источником его энергии. Я понимала, почему он был таким разбитым. Именно тогда, когда он встретил Ми, он начал погружаться в фантазмы. Под этим словом можно понимать что угодно. И это очень удобно. Фантазм – это не просто продукт воображения. Это еще и то, что не имеет собственного смысла, это всего лишь представление о том, что способно потакать нашим желаниям. В то же время, придерживаясь данного определения, я не смогла бы выделить в этом мире что-либо, не относящееся к фантазму.

– Не помню уже, о чем мы говорили с ней потом. Однако одно я все же отметил. Она сказала мне, что наша встреча, а точнее, знакомство с моим творчеством, позволило ей воплотить свою давнюю мечту, а именно начать учиться игре на фортепиано, писать песни, создать новое музыкальное пространство, новые слова. И именно уйдя с головой в это новое увлечение, хотя у нее не было на это ни времени, ни денег, она поняла следующее: она устала, очень устала, это было истребление себя; однажды вечером у себя в комнате она залилась горючими слезами, глядя, как спит ее девочка. Она не плакала, а именно заливалась слезами, которые текли по ее щекам, и ей приходилось отворачивать лицо, чтобы они не капали на спящего ребенка. Это был не плач, это был *дождь*, нескончаемый дождь; то были не слезы горечи, она вообще не могла сказать, откуда эти слезы, пока не поняла, что обрела наконец то, что называется смыслом жизни. Она поняла, что перед ней раскрываются новые возможности; даже если бы научилась играть на фортепиано в таком возрасте, она бы никогда не получила признание как пианистка. И ладно бы только это. Она понимала, что никогда не будет настоящим профессионалом; точно так же обстояли дела и с ее песнями. Она начала брать уроки в тот момент, когда у нее было совсем туго с деньгами, и глядя на нее, я заметил в ее глазах какую-то адскую силу. Она поняла, что можно было жить, просто продолжать жить, что эта возможность состояла не в поиске какого-то таланта или в ожидании свершения своей судьбы, надежд своей юности, а в том, что можно было просто жить, жить! Именно это она хотела бы передать своей дочке, когда та подрастет: надо просто жить! «Поэтому-то я и не бросаю эти уроки фортепиано и свои песни, прекрасно понимая, что нет никаких шансов однажды быть признанной». Меня же эта неожиданная исповедь потрясла, слезы наворачивались мне на глаза; слушая ее, я вспоминал нашего учителя рисования в коллеже. Он был немного чокнутый, однажды он даже поколотил директора и в тот же день был выставлен вон; ученики тянулись к нему, и он говорил примерно то же самое. Жить – значит использовать предоставленную тебе возможность жить. Он приводил в пример первую обезьяну, которая стала ходить прямо, а не на карачках, и тут же Микеланджело. И это было верно! Просто жить – на самом деле не так уж просто, пожалуй, одни рабы могли жить беззаботно. Вместе с тем даже не знаю почему, я не хотел поддаваться увещеваниям этого типа и внезапно почувствовал, как во мне закипает злость. Чем же эта женщина растрогала меня? Ну ладно, поплакались в жилетку – прекрасно, замечательно, а дальше-то все равно пьянка и постель!

Это все оттого, что для него другие просто-напросто не существовали. Вот что я вдруг поняла. Однако ему ничего не сказала. Уже тогда между нами не ладилось: мы больше не осмеливались откровенно говорить друг с другом. Как бы это объяснить? Между нами появилась какая-то сдержанность. Сдержанность или, скажем, натянутость, отстранение, что ли. Мы устали повторяться. Его утомляла не жизнь, а собственное тело. Это была физическая усталость. Положение было безвыходное, поскольку для того чтобы получать удовольствие от соб-

ственных экспериментов, этому мужчине необходимо было сохранить собственный образ тех времен, когда ему незнакома была усталость. У нас на два тела одна душа. Думаю, вам не сложно это понять. Не существует ничего постоянного, все находится в вечном движении, в том числе и клетки нашего тела, которые ежедневно сменяют одна другую. Я повидала на своем веку немало мазохистов и как умела помогла им. Например, я знала одного инспектора полиции. Человек либеральных взглядов, которого ценили и уважали коллеги, он представлял собой эдакого поборника справедливости, защитника вдов и детей, в общем, вы понимаете, что я хочу сказать. А между тем рядом со мной он превращался в извращенца, который мог кончить, только когда получал в лицо струю мочи какой-нибудь женщины, желательно высокой, холодной и безразличной, насколько это было возможно. Но какое из этих двух его лиц было настоящее? Никто никогда не смог бы вам этого сказать, да в общем-то и разбираться незачем. И инспектор, и этот мудак, который кончает, только когда ему ссышь на лицо, оба эти существа живут в одном теле. Есть такие люди, у которых не то что два-три – четыре, пять разных лиц. Этого полицейского понять было нетрудно. Он знал, чего в действительности хочет, прекрасно себя чувствовал в собственной шкуре, умел быть привлекательным и даже имел успех у женщин. Что же до человека, то он находил исток своей энергии в тех моментах, когда был на вершине собственной силы и ненавидел все остальные «я», поселившиеся в нем. Я не читаю книг и вряд ли смогла бы объяснить, почему это так. Его динамизм, казалось, порождался им самим, формируя одно целое и порождая, в свою очередь, новый, еще больший динамизм, в который он с превеликой охотой пожелал бы уйти с головой. Однако собственной мудростью, этой в некотором смысле жизненной философией, которую он исповедовал, он обязан был именно усталости, он набрался ее именно в периоды слабости. Я иногда думаю, что те, кто не может жить без религиозной медитации, должно быть, бесконечно усталые люди. Стоило этому человеку снова почувствовать подобную усталость, как он начинал презирать себя, и все из-за того образа, который он себе выбрал и хотел сохранить раз и навсегда. В такие моменты он выплескивал весь свой адреналин. Механизм этого процесса понять было совсем не сложно, и если бы он только смог отдать себе в этом отчет, думаю, он никогда бы не изнасиловал Ми. Ми, которая была самой обыкновенной, простой женщиной. Мне следовало быть с ним помягче в эти моменты его слабости. Ему казалось, что он был кем-то другим, и он не мог этого переносить: для него это было так же сложно, как принять другого. Он вернулся в Нагано. На этот раз у них была назначена *официальная* встреча. Настоящий джентльмен! Ми, казалось, доверяла ему, он ничего не принимал, а чувствовал себя так, будто находился под действием наркотика. Как он насмешил меня, когда признался, что ему удалось ее поцеловать, просто школьник какой-то! А потом была эта суббота. В то время у нас была еще другая партнерша, Рейко, молодая женщина, которую мы выдрессировали почти как домашнее животное. Совсем невзрачная на вид, эта женщина исполняла небольшой танцевальный номер в его очередной музыкальной комедии. Она мне не слишком нравилась, но она была очень красива и прекрасно сложена. Мы выдрессировали ее, заставляя принимать экстази. Она была очень закомплексована в сексуальном смысле, но тело у нее было в самом деле великолепное. Однако он хотел Ми. Он без конца повторял одни и те же глупости, якобы находился сейчас на вершине своего существования. Проблема же заключалась в Рейко, а мы как-то не сразу это осознали. Рейко, должно быть, обладала настоящей энергией, которую она растрачивала, встречаясь с разными мужчинами и женщинами, которые ей не подходили. Ах, Рейко! Я всегда испытываю какое-то смешанное чувство, когда думаю о ней… Однако, простите, я же начала говорить о Ми… Появление новой формы экстази явилось причиной драмы с Ми. Экстази оказалось наркотиком, который, как когда-то героин, кокаин или марихуана, стал неким символом эпохи. Формула его постоянно совершенствовалась, и на рынке появились новые наркотики – смесь мескалина и ЛСД. Эта новая формула экстази, «муха цеце», оказалась самым сильным средством, какое мне когда-либо доводилось испробовать. Она буквально взорвала

нас, опрокинув с ног на голову, понимаете? Обычное экстази действует четыре-пять часов, но после этого, нового, вы шатаетесь с расширенными зрачками часов тридцать. При взаимодействии с другими наркотиками более серьезными оказываются даже не психические, а физические последствия во время отрыва. Кроме того, этот феномен не ограничивался действием лишь этого вещества. Тридцать часов! Вы можете представить себе возбуждение, длящееся тридцать часов кряду? Ничего удивительного, что потом ты падаешь без сил! «Муха цеце»… Это он назвал его так: оно напоминало ему жужжание крыльев этого насекомого. Я никогда не слышала, как жужжат мухи цеце. Ми оставила дочку у родителей, чтобы отлучиться в Токио. Он сразу дал ей порцию этого мушиного зелья. Все происходило в том же номере отеля, и мы тогда все приняли этого, нового, – он, Рейко и я. Ми была фанаткой рок-н-ролла, помешанной на Лу Риде и Марке Боллане, так что ей не нужно было долго объяснять, что должно было произойти. Для нее это был праздник, Токио, ночь… Вы теперь по собственному опыту знаете: это начинает действовать как раз в тот момент, когда уже сомневаешься, начнет ли оно вообще когда-нибудь действовать. Как волна, которая внезапно поднимает вас. Вы чувствуете, как она накатывает, и это уже рай! Прилив, заливающий вас с головой, захватывающий все ваше существо. Какое ощущение! Стоило мне только заговорить об этом, и я уже текла… Когда я впервые попробовала экстази, я еще работала в клубе и часто нюхала кокаин. Это был довольно тяжелый период, порошок выводится очень долго. Отрыв тоже очень продолжительный, настоящее сошествие в ад, особенно если вы переборщили с дозой. Я говорю «переборщили», но как узнать, когда вы перебрали? Экстази же было идеальным продуктом! Неужели наконец появился столь замечательный наркотик! Однако рай, естественно, не длится вечно. Потом приходится спускаться на землю. Это состояние знакомо лишь тем, кто пробовал экс много раз, кто испытал это полное расстройство системы чувств, это впечатление, когда вы проводите рукой по волосам, не будучи уверенным, что это ваши волосы, и не зная, ваша ли это рука. Я ненавидела это состояние и потому, чтобы не спускаться из рая, принимала еще и еще, одну таблетку за другой. Невозможно отказаться от того, чтобы испытать вновь то невероятное удовольствие, когда впервые твою ступню облизала волна океана. Мне необходимы были эти уколы удовольствия. Порой я принимала до семи таблеток подряд. Он – максимум четыре. Однажды он чуть не отправился на тот свет от передозировки мескалина в Лос-Анджелесе и с тех пор не особенно доверял веществам на чисто химической основе. Мы стали настоящими экспертами и могли бы числиться в списке первых специалистов в этой стране. Действие «мухи цеце» превосходит все, что только можно себе вообразить. Если обычное экстази производит впечатление маленьких волн, ласкающих ваши ступни, то «муха цеце» – это огромная волна, Гавайи, она уносит вас целиком и очень далеко. Такое впечатление, что вам бьют по мозгам, молотком. Так что нам оказалось довольно сложно придерживаться намеченного плана, который заключался в том, чтобы помочь превращению Ми, этой девицы, увязнувшей в своих комплексах и сознательно выводимой из равновесия видом обнаженного тела Рейко. Когда я почувствовала удары молота, я скинула с себя одежду и бросилась на Рейко, на это роскошное тело, сводившее меня с ума. Я стала жадно лизать ее промежность. Ми это шокировало, она метнулась в туалет, проблеваться. Но думаю, ее вывернуло не до конца; так как экстази все же начало действовать, вещество проникло в каждую клеточку ее тела, ее трясло, как осиновый листок. Выйдя из ванной и пробираясь по стеночке, она уже не смотрела на нас с Рейко, сцепившихся в клубок. Глаза ее помертвели. Именно в этот момент мужчина и накинулся на нее, это превратилось в настоящую грызню двух зверей, ничем не напоминавшую сеанс садомазо, просто обыкновенная групповуха. Нам ужасно хотелось лишь одного – заткнуть чем-нибудь наши истекающие соком дырки, а он готов был вставлять нам до самого утра. Когда я почувствовала, что на меня накатывает волна, то попыталась как-то сдержать себя, но, оглянувшись вокруг и заметив разверзтые половые губы Рейко, уже не могла удержаться от того, чтобы не просунуть туда язык. Потом, взглянув на часы, я поняла, что прошло четыре часа. Я знаю, что

уже с раннего детства была нимфоманкой, однако это превосходило все мыслимое и немыслимое: я четыре часа кряду сосала у Рейко! Невообразимо! Я с трудом могла в это поверить. Это было потрясающе и невероятно! Когда я наконец оторвалась от нее, я стала рассматривать влагалище Рейко, распластавшейся на диване: оно дергалось в нескончаемых судорогах. Рядом все еще трахались Ми и он. От них остались только их тела – два лихорадочно совокупляющихся животных. Ми была явно не в себе. Она уже не знала, где находится, кто она, где кончается ее тело и начинается другое. Она забыла, что была всего лишь скромной секретаршей в Нагано, что у нее была дочка, забыла, что сочиняла песни, что была человеческим существом. Это было столь захватывающе, что я тут же разбудила Рейко, которая уже успела задремать, и заставила ее полюбоваться на эту сцену. Рейко была довольно умна, и даже под действием экстази она нашла в себе силы выкрикнуть: «Вау! Супер!» – прежде чем снова прильнуть ко мне, истекая желтой влагой от возбуждения. Ми брали сзади, она стояла, скрестив руки на диване. Поскольку она в самом деле была очень маленькой, то при каждом толчке члена ее слегка отрывало от пола. Мужчина удвоил напор, когда понял, что мы на них смотрим, и вот тогда-то он и начал ее насиловать. Обычно упругий член ничего не разрывает, входя в это отверстие, вы понимаете. Иногда женщине сначала немного больно, но потом сразу все замечательно. Все дело в том, что при этом говорить, дело в словах. Горько признаться, но мы расхохотались: он накачивал ее уже три часа и до сих пор не дал ей кончить! Как это было возможно, чтобы Ми еще не кончила, когда она прекрасно знала, как кончают этим способом? Ми была на грани помешательства, да нет, она уже съехала с катушек, оттого что этот человек, которого она обожала, так издевался над ней. Она превратилась в полную мазохистку, до последней капли крови, и заметьте, для этого даже не пришлось прибегать к обычным средствам, как с другими девицами. Как мы могли заставить ее так страдать, даже не дав ей того, чего она так желала? Поняв это, она должна была в полной мере ощутить, насколько она ничтожна и жалка. Она знала, что этот член ей не принадлежит, а потому нечего было и пенять на кого бы то ни было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.